

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ПЫЛЯЕВ

Старая Москва. История былой
жизни первопрестольной
столицы

Михаил Пыляев

**Старая Москва. История былой
жизни первопрестольной столицы**

«Public Domain»

1891

Пыляев М. И.

Старая Москва. История былой жизни первопрестольной столицы /
М. И. Пыляев — «Public Domain», 1891

«Старая Москва» Михаила Ивановича Пыляева – уникальная энциклопедия-путеводитель по той матушке-Москве, о которой ходили легенды уже в XIX столетии. В отличие от императорского Петербурга, Москва так и осталась царским городом, сохранив тягу к привольной и роскошной жизни, где дом любого вельможи представлял собой двор самодержавного властителя в миниатюре. Это памятник той, теперь уже былинной эпохе, когда облик города и неповторимую московскую атмосферу определяли известные исторические личности – Новиков, Румянцев, Суворов, Орлов, представители знатнейших семейств – Нарышкиных, Шереметевых, Юсуповых, Голицыных. Они строили дворцы и закладывали парки, держали театры, устраивали празднества, на которых не один день от всей души веселился целый город. Истории, составившие эту книгу, редко встретишь в исторических трудах. Это неповторимые и яркие моменты жизни, какими они запомнились современникам этих событий. Грустные, поучительные, забавные, увлекательные – все они подлинные, как и портреты основных действующих лиц.

© Пыляев М. И., 1891

© Public Domain, 1891

Содержание

ГЛАВА I	5
ГЛАВА II	11
ГЛАВА III	23
ГЛАВА IV	31
ГЛАВА V	43
ГЛАВА VI	52
ГЛАВА VII	73
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Михаил Иванович Пыляев

Старая Москва. История былой жизни первопрестольной столицы

ГЛАВА I

Москва при Екатерине II. – Улицы и мостовая. – Рогатки и фонари. – Характеристика высшего общества того времени. – Роскошь нарядов, экипажей и пр. – Модный молодой человек – «Новоманерные петербургские слова». – Великосветский жаргон. – Тетушка Петровской эпохи. – Жизнь на улицах в праздники. – Кулачные бои. – Место народных гуляний. – Рысистые бега. – Святочные катанья по городу. – Полицеймейстер Эртель и граф А. Орлов. – Праздники в Москве во время коронации Екатерины II. – Поездка царицы на поклонение мощам Святителя Сергия. – Описание торжеств в Лавре. – Уличный маскарад. – «Торжествующая Минерва». Авторы этого зрелища: Волков, Сумароков и Херасков. – Характеристика А. П. Сумарокова и Хераскова. – Церковь св. Кира и Иоанна в память восшествия императрицы на престол. – Павловская больница. – Проект Воспитательного дома. – Постройка здания. – Пожертвования П. А. Демидова. – Чудачества Демидова. – Переписка с Бецким. – Благотворительная деятельность последнего.

Москва при императрице Екатерине II жила еще верная преданиям седой старины. По рассказам современников, в ней можно было найти много такого, до чего еще не коснулась эпоха преобразований Петра Великого.

Старина в Москве сохранялась не только в общественном быту, но и во внешнем устройстве города.

Москва при Екатерине II представляла несколько сплошных городов и деревень. Сама государыня, когда говорила про Москву, то называла ее «сосредоточием нескольких миров».

Имя города Москве давали только каменные стены Кремля, Китая и Белого города. Настоящий же город строился не по плану заморского зодчего, а по прихоти каждого домохозяина; хотя Бантыш-Каменский в биографии князя В. Голицына и говорит, что в угоду этому боярину было построено в Москве до 3 000 каменных домов, но вряд ли это было на самом деле. Улицы были неправильные, где чересчур узкие, где не в меру уже широкие, множество переулков, закоулков и тупиков часто преграждались строениями.

Дома разделяли иногда целые пустоши, иногда и целые улицы представляли не что иное, как одни плетни или заборы, изредка прерываемые высокими воротами, под двускатной кровлей которых виднелись медные восьмиконечные кресты, да и о жизни на дворах давали знать лаем одни псы в подворотнях.

Дома богатых людей ютились на широких дворах в куцах вековых деревьев; здесь царствовало полное загородное приволье: луга, пруды, ключи, огороды, плодовые сады.

К богатым барским усадьбам прилегала большая часть густо скученных простых деревенских изб, крытых лубком, тесом и соломой. На улицах существовала почти везде невылазная грязь и стояли болота и лужи, в которых купалась и плескалась пернатая домашняя птица.

Большая часть улиц не была в те времена вымощена камнем, а, по старому обычаю, мощена была фашинным или бревнами. Такие улицы еще существовали в Москве до пожара

1812 года. Грязь с московских улиц шла на удобрение царских садов, и ежегодно это удобрение туда свозилось по несколько сот возов¹. Насколько непроходимы были улицы Москвы от грязи, видно из того, что иногда откладывались в Кремле крестные ходы.

Мостить улицы камнем стали в Москве с 1692 года, когда Петр Великий издал указ, по которому повинность мостить камнем московские улицы разложена была на все государство². Сбор дикого камня распределен по всей земле: с дворцовых, архиерейских, монастырских и со всех вотчин служилого сословия, по числу крестьянских дворов, с десяти дворов – один камень мерою в аршин, с другого десятка – в четверть, с третьего – два камня по полуаршину, наконец, с четвертого десятка – мелкого камня, чтобы не было меньше гусиного яйца, мерою квадратный аршин. С гостей и вообще торговых людей эта повинность была разложена по их промыслам. Все же крестьяне, в извозе или так приезжавшие в Москву, должны были в городских воротах представлять по три камня ручных, но чтоб меньше гусиного яйца не было.

На ночь большие улицы запирались рогатками, у которых сторожа были из обывателей, рогатки вечером ставились в десять часов, а утром снимались за час до рассвета. Сторожа при рогатках стояли иные с оружием, другие же – с палками или «грановитыми дубинами». При опасностях сторожа били в трещотки.

Первые рогатки в Москве учреждены были при Иоанне III в 1504 году; у них стояли караулы и никого не пропускали без фонарей; за пожарами наблюдала полиция с башенок, называемых тогда «лантернами»; последние устраивались над съезжими дворами. Первые фонари в Москве были зажжены осенью 1730 года во время пребывания двора в Москве; поставлены они были на столбах, один от другого на несколько сажен; фонари были в первое время слюдяные.

Некоторым обывателям, у которых окна выходили на улицу, позволялось ставить на окнах свечи; как последние, так и фонари горели только до полуночи. В 1766 году всех фонарей на столбах было 600; в 1782 году фонарей было уже 3 500 штук, а в 1800 году фонарей в Москве стояло до 6 559 шт. Каждый фонарь в первое время по постановке обошелся казне по одному рублю. На больших улицах расставлены фонари были чрез 40 сажен; по переулкам, от кривизны их, против этого вдвое.

В екатерининское время московское высшее общество было далеко не на высокой ступени умственного и нравственного развития – под золотыми расшитыми кафтанами таились старинные грубые нравы.

А. М. Васнецов. Основание Москвы. Постройки первых стен Кремля Юрием Долгоруким в 1156 г.

Такие противоречия заставили литераторов того времени выступить с обличительным протестом против нравов высшего общества, где на первом плане была только одна мода. По требованиям моды роскошь в костюмах доходила до крайностей: бархат, кружева и блонды, серебряные и золотые украшения считались необходимыми принадлежностями туалета. Кафтаны носились с золотым шитьем и с золотым галуном, и не носить такого кафтана для светского человека значило быть осмеянным. Щеголь должен был иметь таких дорогих кафтанов по нескольку и как можно чаще переменять, шубы были бархатные с золотыми кистями; на кафтанах тоже подле петель привешивались иногда кисти, а на шпаге – ленточка; манжеты носились тонкие кружевные, чулки носили шелковые со стрелками, башмаки с красными или розовыми каблуками и большими пряжками; имели при себе лорнет, карманные часы, по нескольку золотых, иногда осыпанных бриллиантами, табакерок с миниатюрными портретами красавиц или с изображением сердца, пронзенного стрелой, и другие драгоценные безделки; на пальцах множество колец, а в руках трость.

Но особенное внимание щеголей было обращено на головную уборку: завивание волос, пудру и парики. Убрать голову согласно с требованиями светских приличий, как для мужчин, так и для женщин, было хлопотливое и нелегкое искусство. Волосы были завиваемы буколь в двадцать и более, щеголи просиживали за таким занятием часа по три и по четыре. Кудри завивали наподобие «заливных труб и винных бочонков», как острил журнал «Пустомеля».

Вот как, по свидетельству сатирических листков, проводил свое время модный молодой человек, носивший в екатерининское время названия щеголя, вертопраха и петиметра. «Проснувшись он в полдень или немного позже, первое – мажет лицо свое парижскою мазью, натирается разными соками и кропит себя пахучими водами, потом набрасывает пудреман и по нескольку часов проводит за туалетом, румяня губы, чистя зубы, подсурмливая брови и налепливая мушки, смотря по погоде петиметрского горизонта. По окончании туалета он садится в

маленькую, манерную карету, на которой часто изображаются купидоны со стрелами, и едет вскачь, давя прохожих, из дома в дом».

А. М. Васнецов. Старая Москва. У стен деревянного города

В беседе с щеголихами он волен до наглости, смел до бесстыдства, жив до дерзости; его за это называют «резвым ребенком». Признание в любви он делает всегда быстро; например, рассказывая красавице о каком ни на есть любовном приключении, он вдруг прерывает разговор: «Э! Кстати, сударыня, сказать ли вам новость? Ведь я влюблен в вас до дурачества», – и бросает на нее «гнилой взгляд». Щеголиха потупляется, будто ей стыдно, петиметр продолжает говорить ей похвалы.

После этого разговора щеголиха и петиметр бывают несколько дней безумно друг в друга влюблены. Они располагают дни свои так, чтобы всегда быть вместе: в «серинькой»³ ездим в английскую комедию, в «пестринькой» бываем во французской, в «колетца» – в маскарade, в «медный таз» – в концерте, в «сайку» – смотрим русский спектакль, в «умойся» – дома, а в «красное» – ездим прогуливаться за город. Таким образом петиметр держит ее «болванчиком» до того времени, как встретится другая.

На жаргоне петиметров было много слов, буквально переведенных с французского языка; такие слова назывались «новоманерные петербургские слова». Современная комедия не раз осмеивала этот язык. «Живописец» Новикова приводит интересные образцы этого модного щегольского наречия.

Например, слово «болванчик» было ласкательное – его придавали друг другу любовники, оно значило то же, что «кумир моей души»; «Ах, мужчина, как ты забавен! Ужесть, ужесть! Твои гнилые взгляды и томные вздохи и мертвого рассмешить могут». Маханьем называлось волокитство. «Ха, ха, ха! Ах, монкер, ты уморил меня», «Он живет три года с женою и по сию пору ее любит!» – «Перестань, мужчина, это никак не может быть – три года иметь в

голове своей вздор!» «Бесподобно и беспримерно» в особенном, новом смысле, например: «Бесподобные люди! Она дурачится по-дедовски и тем бесподобно его терзает, а он так темен в свете, что по сию пору не приметил, что это ничуть не славно и совсем неловко; он так развязан в уме, что никак не может ретироваться в свете». На простом языке эти странные слова без смысла обозначали следующее: «Редкие люди! Она любит его постоянно, а он совсем непонятлив в щегольском обхождении и не понимает того, что постоянная любовь в щегольском свете почитается тяжкими оковами; он так глуп, что и сам любит ее равномерно».

А. М. Васнецов. Основание Москвы. Постройки первых стен Кремля в XII в.

Разговоры между дамами и мужчинами преимущественно касались любовных похождения, страстных признаний и сплетен двусмысленного содержания о разных знакомых лицах; волокитство было и общим развлечением, и целью. При такой снисходительности всякая шалость, прикрытая модою, почиталась простительною. Нежная, предупредительная любовь между мужем и женою на языке модного света называлась смешным староверством. Торжество моды было тогда, если муж и жена жили на две отдельные половины и имели свой особенный круг знакомых: жена была окружена роем поклонников, а муж содержал «метрессу», которая стоила больших денег.

Но, несмотря на приведенные нами крайности, порожденные французским влиянием, в тогдашнем московском обществе еще много сохранялось старины. Сатирические журналы рисуют этих представителей старины, разумеется, в карикатуре, и на них нельзя опираться как на документы. Но в известной степени их показания все-таки заслуживают внимания.

Во «Всякой Всячине», например, описывается визит молодого племянника у старой тетки:

«Не успел последний войти к ней и поклониться, как она закричала на него: «Басурман, как ты в комнаты благочинно войти не умеешь?» – Я извинился, говоря, что я так спешил к ней подойти, что

позабылся. Она глядела на него, нахмурившись, в комнате было темно, тетка сидела на кровати, племянник хотел поцеловать ее руку, но тут встретил непреодолимые препятствия. Между ними находились следующие одушевленные и неодушевленные предметы. У самой двери стоял, направо, большой сундук, железом окованный; налево – множество ящиков, ларчиков, коробочек и скамеечек барских барынь. При конце узкого прохода сидели на земле рядом слепая между двумя карлицами и две богадельницы. Перед ними, ближе к кровати, лежал мужик, который сказки сказывал; далее странница и две ее внучки – девушки-невесты; да дура. Странница с внучками лежали на перинах; у кровати занавесы были открыты, вероятно, от духоты, ибо тетушка была одета очень тепло: сверх сорочки она имела лисью шубу. Несколько старух и девок еще стояло у стен для услуг, подпирая рукою руку, а сею щеку. Их недосуги живо изображало растрепанное убранство их голов и выпачканное платье. Племянник так и не достиг со своим поклоном к тетке, он передал челоуек пять и перебил множество посуды, и в конце концов был очень рад, что кой-как выскочил по-здорову из комнат своей родственницы».

ГЛАВА II

Моровая язва. – Общая паника на улицах столицы. – Мортусы. – Воспоминания Страхова. – Бегство главнокомандующего из Москвы. – Народный бунт. – Убийство архиепископа Амвросия. – П. Д. Ерошкин. – Приезд князя Г. Г. Орлова в Москву. – Суд над убийцами архиепископа. – Несколько анекдотов из жизни графа Орлова. – Отъезд Орлова за границу. – Торжества 1773 г. – Триумфальные ворота. – Фельдмаршал Румянцев. – Случай с ним в молодости. – Характер его. – Дом Суворова в Москве. – Награды Румянцеву. – Несколько анекдотов из жизни Румянцева.

В 1771 году Москву посетило ужасное бедствие – в январе месяце в столице открылась страшная моровая язва. Занесена была чума в Москву войском из Турции; врачи предполагали, что ее впервые завезли вместе с шерстью на суконный двор, стоявший тогда у моста за Москвою-рекою.

Здесь с 1 января по 9 марта умерло 130 человек; следствие открыло, что на празднике Рождества один из фабричных привез на фабрику больную женщину с распухшими железами за ушами и что вскоре по привозе она умерла. Чума с быстротой переносилась из одного дома в другой; самый сильный разгар чумы в Москве продолжался четыре месяца: август, сентябрь, октябрь и ноябрь.

Жители столицы впали в уныние, сам главнокомандующий, граф Салтыков, бежал из Москвы в свою деревню; в городе в это бедственное время не было ни полиции, ни войска; разбой и грабежи стали производиться уже явно среди белого дня.

По словам очевидца Подшивалова, народ умирал ежедневно тысячами; фурманщики, или, как их тогда называли, «мортусы», в масках и вошанных плащах длинными крючьями таскали трупы из выморочных домов, другие поднимали на улице, клали на телегу и везли за город, а не к церквам, где прежде покойников хоронили. Человек по двадцати разом взваливали на телегу.

Трупы умерших выбрасывались на улицу или тайно зарывались в садах, огородах и подвалах.

Вот как описывает это страшное время П. И. Страхов, профессор Московского университета, бывший еще гимназистом; брат его состоял письмоводителем в Серпуховской части при особо назначенном на это время смотрителе за точным исполнением предохранительных и карантинных мер против заразы. Этот Страхов жил у Серпуховских ворот и от отца своего имел приказ непременно доставлять каждое утро записочку, сколько вчерашний день было умерших во всей Москве, а Страхов-гимназист каждое утро обязан был ходить к брату за такими записочками. Прямая и короткая дорога была ему туда и назад по Земляному валу через живой Крымский мост.

«Вот, бывало, – говорит он, – я в казенном разночинском сюртуке из малинового сукна с голубым воротником и обшлагами на голубом же стамедном подбое, с медными желтыми большими пуговицами и в треугольной поярковой шляпе бегу от братца с бумажкою в руке по валу, а люди-то из разных домов по всей дороге и выползут, и ждут меня, и лишь только завидят, бывало, и кричат: «Дитя, дитя, сколько?» А я-то лечу, привскакивая, и кричу им, например: «Шестьсот, шестьсот», и добрые люди, бывало, крестятся и твердят: «Слава Богу, слава Богу!»; это потому, что накануне я кричал: «семьсот», а третьего дня: «восемьсот!» Смертность была ужасная и росла до сентября так, что в августе было покойников чуть-чуть не восемь тысяч, в

сентябре же хватило за двадцать тысяч, в октябре поменьше двадцати тысяч, а в ноябре около шести тысяч»¹³.

Отец Страхова еще на Святой неделе принял самые строгие меры предосторожности. На дворе своем у ворот разложил костры из навоза и поручил сыну-гимназисту, чтобы ни день ни ночь не допускал их гаснуть; заколотил наглухо ворота, калитку запер на замок и ключ отдал ему же, строго-настрога приказав всех приходивших, не впуская во двор, опрашивать и впускать в калитку не иначе, как старательно окурив у костра.

– Далее, – говорит Страхов, – наш приход весь вымер до единого двора, уцелел один наш двор; везде ворота и двери были настезь растворены. В доме нашего священника последней умерла старуха; она лежала зачумленная под окном, которое выходило к нам на двор, стонала и просила, ради Бога, испить водицы. В это время батюшка наш сам читал для всех нас правила ко святому причащению, остановился и грозно закричал нам: «Боже храни, кто из вас осмелится подойти к поповскому окну, выгоню того на улицу и отдам негодяям», так тогда называли мортусов, т. е. колодников, приставленных от правительства для подбирания мертвых тел по улицам и на дворах. Окончив чтение, сам он вынул из помела самую обгорелую палку, привязал к ее черному концу ковш, почерпнул воды и подал несчастной.

Уголь и обгорелое дерево тогда было признано за лучшее средство к очищению воздуха. Первая чумная больница была устроена за заставой в Николоугрешском монастыре. Вскоре число больниц и карантин в Москве прибавилось, также были предприняты и следующие гигиенические меры: в черте города было запрещено хоронить и приказано умерших отвозить на вновь устроенные кладбища, число которых возросло до десяти, затем велено погребать в том платье, в котором они умерли. Фабрикантам на суконных фабриках было приказано явиться в карантин, не являвшихся же приказано было бить плетью; сформирован был батальон сторожей из городских обывателей и наряжен в особые костюмы. Полицией было назначено на каждой большой дороге место, куда московским жителям позволялось приходить и закупать от сельских жителей все, в чем была надобность. Между покупателями и продавцами были разложены большие огни и сделаны надолбы, и строго наблюдалось, чтобы городские жители до приезжих не дотрагивались и не смешивались вместе. Деньги же при передаче обматывались в уксус.

Но, несмотря на все эти строгие меры, болезнь переносилась быстро. Так, один мастеровой из села Пушкина, испугавшись моровой язвы, отправился к себе в деревню, но ему хотелось купить жене обновку и он купил в Москве для нее кокошник, который впоследствии оказался принадлежавшим умершей от чумы. Все семейство мастерового умерло быстро, а затем и все село лишилось обитателей. Точно таким образом вымер и город Козелец от купленного в Чернигове кафтана.

Как мы уже выше говорили, паника в Москве настолько была сильна, что бежал даже московский главнокомандующий граф Петр Семенович Салтыков (известный победитель Фридриха II при Кунерсдорфе) в свое подмосковное имение Марфино; вместе с ним выехали губернатор Бахметев и обер-полицеймейстер И. И. Юшков. За оставление своего поста граф был императрицею уволен.

После него чумная Москва подпала под деятельный надзор генерал-поручика Еропкина; последнему именным указом было приказано, чтоб чума «не могла и в самый город С.-Петербурга вкратиться», и от 31 марта велено было Еропкину не пропускать никого из Москвы не только прямо к Петербургу, но и в местности, лежащие на пути; даже проезжающим через Москву в Петербург запрещено было проезжать через московские заставы. Мало того, от Петербурга была протянута особая сторожевая цепь под начальством графа Брюса.

Цепь эта стягивалась к трем местам: в Твери, в Вышнем Волочке и в Бронницах. Но, несмотря на все заставы и меры, предпринимаемые полицией, чума все более и более принимала ужасающие размеры: фурманщики уже были не в состоянии перевозить всех больных, да

и большая часть из них перемерла; пришлось набирать последних из каторжников и преступников, приговоренных уже к смерти.

Для этих страшных мортусов строили особые дома, дали им особых лошадей, носилки, крючья для захватывания трупов, смоляную и вошаную одежду, маски, рукавицы и проч. Картина города была ужасающая – дома опустели, на улицах лежали непогребенные трупы, всюду слышались унылые погребальные звоны колоколов, вопли детей, покинутых родными, и вот в ночь на 16 сентября в Москве вспыхнул бунт. Причина бунта, как говорит Бантыш-Каменский¹⁴, была следующая. В начале сентября священник церкви Всех Святых (на Кулишках) стал рассказывать будто о виденном сне одного фабричного – последнему привиделась во сне Богородица, которая сказала, что так как находящемуся на Варварских воротах ее образу вот уже более тридцати лет никто не пел молебнов и не ставил свечей, то Христос хотел послать на Москву каменный дождь, но Она умолила Его и упросила послать на Москву только трехмесячный мор. Этот фабричный поместился у Варварских ворот, собирал деньги на какую-то «всемирную свечу» и рассказывал свой чудесный сон.

Толпы народа повалили к воротам, священники бросили свои церкви, расставили здесь аналои и стали служить молебны. Икона помещалась высоко над воротами – народ поставил лестницу, по которой и лазил, чтоб ставить свечи; очень понятно, что проход и проезд был загроможден. Чтобы положить конец этим сборищам, весьма вредно действующим при эпидемиях, митрополит Амвросий думал сперва убрать икону в церковь, а собранную на нее в поставленном там сундуке немалую сумму отдать на Воспитательный дом. Но, не решаясь лично взять на себя ответственность, он посоветовался с Еропкиным; последний нашел, что брать икону в смутное время небезопасно, но что сундук можно взять, и для этого послал небольшой отряд солдат с двумя подьячими для наложения печатей на сундук.

Народ, увидя это, закричал: «Бейте их! Богородицу грабят! Богородицу грабят!» Вслед затем ударили в городской набат у Спасских ворот и стали бить солдат. Архиепископ Амвросий, услышав набат и видя бунт, сел в карету своего племянника, жившего также в Чудовом монастыре, и велел ехать к сенатору Собакину; последний со страху его не принял и от него владыко поехал в Донской монастырь.

Мятежники кинулись в Кремль, многотысячная толпа была вооружена и неистово вопила: «Грабят Богородицу!» Толпа ворвалась в Чудов монастырь и накинулась на все: в комнатах и в церквах рвала, уничтожала и кошунствовала; вслед затем были разбиты чудовские погреба, отдаваемые внаймы купцу Птицыну, – все вино было выпито. Между тем Амвросий, видя себе неизбежную гибель, просил у Еропкина, чтобы он дал ему пропускной билет за город. Вместо билета Еропкин прислал ему для охраны его особы одного офицера конной гвардии, но, пока закладывали для Амвросия лошадей, толпа ворвалась в Донской монастырь. Амвросий, предчувствуя свою гибель, отдал свои часы и деньги племяннику своему, находившемуся при нем все время, и велел ему искать спасения, а сам пошел в церковь, одев простое монашеское платье; увидев, что толпа черни стремится в храм, Амвросий приобщился святых тайн и затем запрятался на хорах церкви.

Бунтовщики кинулись в алтарь и стали всюду искать свою жертву. Они не щадили ничего, опрокинули престол. Увидя, что хоры заперты, они отбили замок и кинулись туда, и там, не найдя Амвросия, хотели сойти, как какой-то мальчик заметил ноги и платье несчастного мученика и закричал: «Сюда! сюда! Архиерей здесь». Толпа с яростью накинулась на невинную жертву и потащила его из храма. Здесь, выведя его в задние ворота к рогатке, ему сделали несколько вопросов, на которые он ответил, и, казалось, слова архипастыря тронули многих, как вдруг из соседнего монастырского кабака выбежал пьяный дворовый человек г. Раевского Василий Андреев и закричал: «Чего глядите вы на него? Разве не знаете, что он колдун и вас морочит?»

Сказав это, он первый ударил невинного страдальца колом в левую щеку и поверг его на землю, а затем и остальные изверги накинулись на несчастного архиепископа и убили его.

По словам биографа Амвросия, тело его лежало на улице весь день и ночь. На месте, где убит был архиепископ, в память этого прискорбного случая был воздвигнут каменный крест. Убийцы, покончив с Амвросием, кинулись было к Еропкину, который жил на Остоженке в доме, где затем было Коммерческое училище¹⁵, но тот уже в это время вызвал стоявший в тридцати верстах от Москвы Великолуцкий полк, принял над ним начальство и отправился с ним в Кремль.

Выехав из Спасских ворот, он увидел, что вся площадь была покрыта народом. Еропкин подъехал к бунтовщикам верхом вместе со своим берейтором и стал их уговаривать разойтись, но толпа кинулась к Кремлю, кидая в Еропкина камнями и поленьями; одно из них попало ему в ногу и сильно ушибло. Видя, что увещания не действуют, Еропкин, поставив перед Спасскими воротами два орудия, приказал стрелять холостыми зарядами в народ. Толпа, увидя, что убитых нет, закричала: «Мать крестная Богородица за нас!» и кинулась к Спасским воротам. Тогда Еропкин приказал зарядить картечью, и на этот раз грянул выстрел, оставивший многих убитых и раненых.

После этого толпа в страхе кинулась на Красную площадь и прилегающие улицы; вслед за ней поскакали драгуны, переловившие многих бунтовщиков. Еропкин два дня не слезал с лошади и был первым во всех стычках с народом. По усмирении бунта он послал к императрице донесение о происшествии, испрашивая прощения за кровопролитие.

Екатерина милостиво отнеслась к поступку Еропкина и наградила его Андреевскою лентою через плечо, и дала 20 000 рублей из Кабинета, и хотела пожаловать ему четыре тысячи душ крестьян, но он отказался, сказав:

– Нас с женой только двое, детей у нас нет, состояние имеем. К чему же нам набирать себе лишнее?

Позднее, когда он был московским главнокомандующим, то не переехал в казенный дом и денег, отпускаемых казной для приема гостей, не брал.

В посещение императрицей Екатериной II Москвы он давал ей праздник у себя в доме, и, когда она его спросила: «Что я могу для вас сделать, я желала бы вас наградить?», он отвечал:

– Матушка государыня, доволен твоими богатыми милостями, я награжден не по заслугам: андреевский кавалер, начальник столицы, заслуживаю ли я этого?

Императрица не удовольствовалась этим ответом и опять ему сказала:

– Вы ничего не берете на угощение Москвы, а между тем у вас открытый стол, не задолжали вы? Я заплатила бы ваши долги.

Он отвечал:

– Нет, государыня, я тяну ножки по одежке, долгов не имею и что имею, тем угощаю, милости просим, кому угодно моего хлеба-соли откушать. Да и статочное ли дело, матушка государыня, мы будем должать, а ты, матушка, станешь за нас платить долги.

Видя, что Еропкину дать нечего, государыня прислала жене его орден св. Екатерины.

По наружности П. Д. Еропкин был высокого роста, весьма худощавый, несколько сторбленный, очень приятной внешности, в молодости он был красавцем и замечательным силачом. Глаза у него были большие, очень зоркие, но довольно впалые, нос орлиный; он пудрился, носил пучок и был причесан в три локона (a trois marteaux (в три молотка)). Еропкин был очень умен, великодушен, благороден, бескорыстен и, как немногие, в обхождении очень прост. Езжал он цугом в шорах с верховым впереди, при остановках у ворот и у подъездов верховой трубил в рожок, давая тем знать о приезде главнокомандующего. Вставал он по утрам рано, начинал всегда день молитвою и когда одевался, то заставлял прочесть себе житие святого того дня. Со своих крестьян оброк брал в год не больше двух рублей. Родился Еропкин

в 1724 году, умер в 1801 году – легко, точно уснул, отыграв три пульки в рокамболь. Еропкин был замечательный стрелок из лука: он снимал стрелой яблоко с головы мальчика.

По усмирении бунта в Москву был прислан князь Г. Г. Орлов; он приехал в столицу 26 сентября, когда стояли ранние холода и чума заметно уже ослабевала. Вместе с Орловым прибыли команды от четырех полков лейб-гвардии с необходимым числом офицеров. По приказу Орлова состоялось 4 октября торжественное погребение убитого Амвросия.

Префект Московской академии Амвросий на похоронах сказал замечательное слово. В течение целого года покойного поминали во все службы, а убийцам возглашалась анафема. Убийцы Амвросия Василий Андреев и Иван Дмитриев были повешены на том самом месте, где совершено убийство. К виселице были приговорены еще двое – Алексей Леонтьев и Федор Деянов, но виселица должна была достаться одному из них по жребию; остальные шестьдесят человек купцов, дьячков, дворян, подьячих, крестьян и солдат было приказано бить кнутом, вырезать ноздри и сослать в Рогервик на каторгу; захваченных на улице малолетних приказано было высечь розгами, а двенадцать человек, огласивших мнимое чудо, велено сослать вечно на галеры с вырезанием ноздрей.

И с этих же дней вышел приказ прекратить набатный звон по церквам и ключи от колоколен иметь у священников. Казнь над преступниками была совершена 21 ноября. По приезде в Москву Орлов многими благоразумными мерами способствовал окончательному уничтожению этой губительной эпидемии и восстановлению порядка. Он с неустрашимостью стал обходить все больницы, строго смотрел за лечением и пищей, сам глядел, как сжигали платье и постели умерших от чумы, и ласково утешал страждущих. Несмотря на такие высокочеловеческие меры, москвичи смотрели на него недружелюбно и на первых же порах подожгли Головинский дворец, в котором он остановился.

Но вскоре народ оценил его заботы и стал охотно идти в больницы и доверчиво принимать все меры, вводимые Орловым. По истечении месяца с небольшим после его приезда государыня уже писала ему, что он «сделал все, что должно было истинному сыну отечества, и что она признает нужным вызвать его назад».

Около 16 ноября Орлов выехал из Москвы; от шестинедельного карантина в городе Торжке императрица освободила его собственноручным письмом. Въезд Орлова в Петербург отличался необыкновенной торжественностью; в Царском Селе, на дороге в Гатчину, ему были выстроены триумфальные ворота из разноцветных мраморов по рисунку архитектора Ринальди; вместе со множеством пышных надписей и аллегорических изображений на воротах красовался следующий стих тогдашнего поэта В. И. Майкова: «Орловым от беды избавлена Москва».

В честь Орлова была выбита медаль, на одной стороне которой он был изображен в княжеской короне, на другой же представлен город Москва, и впереди – в полном ристании на коне сидящий, в римской одежде князь Орлов, «аки бы в огнедышашую бездну ввергающийся», в знак того, что он с неустрашимым духом, за любовь к отечеству и для спасения Москвы живота своего не щадил. Кругом надпись:

«Россия таковых сынов в себе имеет», внизу: «За избавление Москвы от язвы в 1771 году».

По поводу первой надписи Карабанов рассказывает, что Орлов не принял самую императрицею вручаемые ему для раздачи медали и, стоя на коленях, сказал:

– Я не противлюсь, но прикажи переменить надпись, обидную для других сынов отечества.

Выбитые золотые медали были брошены в огонь и появились с поправленною надписью: «Таковых сынов Россия имеет». После Москвы Орлов никаких уже больше полномочий не

получал и жил на покое. Под конец своей жизни он влюбился в свою двоюродную сестру Е. Н. Зиновьеву. Они обвенчались вопреки постановлениям греко-российской церкви.

Незаконный брак был судим в Совете, и члены приговорили их заключить в монастырь, один только Кирилл Разумовский был за Орлова, сказав товарищам-судьям, что «лежашего не бьют, и еще так недавно все бы из нас считали себя счастливыми быть приглашенными на эту свадьбу».

Императрица Екатерина не утвердила приговора, сказав, что рука ее не подпишет подобной бумаги и было бы грешно забыть, чем она обязана Орлову. Государыня на другой день назначила красавицу-жену Орлова в свои статс-дамы, наградив ее орденом св. Екатерины и несколькими вполне царскими подарками.

Года через четыре после своей свадьбы Орлов повез свою супругу за границу на воды – у ней открылась чахотка. Княгиня Орлова через год скончалась в Лозанне. Смерть нежно любимой жены сильно повлияла на Орлова – он помешался в рассудке и почти безумный возвратился в Петербург, и отсюда был отвезен братьями в Москву и помещен там в их доме, под Донским, в знаменитом Нескучном.

В ночь на 13 апреля 1783 года Орлов скончался. 17 апреля с царской почестью он был отпет в Донском монастыре и затем перевезен в подмосковное село Орловых Отраду. Здесь тело князя покоилось только до 1832 года; в этом году графиня Анна Алек. Орлова-Чесменская перенесла прах его в построенный ею Новгородский Юрьевский монастырь и положила рядом с его братьями.

Москва при Екатерине видела всех замечательных лиц своей эпохи; в стенах Белокаменной отдыхали утомленные благами фортуны и власти первые вельможи и государственные люди XVIII века. Москва при Екатерине, как говорит Карамзин, прослыла «республикой» – в ней было больше свободы в жизни, но не в мыслях, более разговоров, толков о делах общественных, нежели в Петербурге, где умы развлекаются двором, обязанностями службы, исканием, личностями.

Князь Вяземский говорит: в Петербурге сцена, в Москве зрители; в нем действуют, в ней судят. И какие большие актеры, обломки славного царствования Екатерины, проживали в былое время в Москве, каких лиц изменчивая судьба не закидывала в затишье московской жизни! Орловы, Остерманы, Голицыны, Газумовские, Долгорукие, Дашкова – одна последняя княгиня, своею историческою знаменитостию, своенравными обычаями могла придать особенный характер тогдашним московским гостиным.

Но не одни опальные и недовольные, покидая службу, переселялись в Москву – были и такие, которые, достигнув известного чина, оставляли службу и жили для семейства в древней столице. Многие из помещиков приезжали на зиму в Москву и жили открытыми домами. Московское благородное собрание и Дворянский клуб, начиная от вельможного до мелкопоместного дворянина, собирали в свои залы по вторникам от трех до пяти тысяч человек. Эти вторники для многих служили исходными днями браков, семейного счастья и блестящих судеб.

Но особенно отличались москвичи своими пышными, почти сказочными празднествами, когда им приходилось чествовать государыню или заезжих полководцев. Так, с зимы 1773 года в Москве затевалось еще небывалое по великолепию и роскоши празднество в честь побед наших войск в Турции.

С весны на Ходынке стали возводиться разные крепости, города, наподобие отнятых у турок, строились также театры, галереи, храмы, беседки и проч. Дворянство и купечество воздвигло для встречи государыни и виновника торжеств графа Румянцева-Задунайского двое триумфальных ворот. Первые триумфальные ворота были воздвигнуты на средства московского дворянства у Тверской заставы.

Улица, идущая от этой заставы, в то время называлась не Тверскою, а Царскою. Ворота были вышиною в сорок восемь аршин, украшены они были столбами коринфской архитектуры,

наместо крыши на них находился пьедестал для вызолоченной статуи – посланницы небес – в виде воинственной женщины, в правой руке которой была громовая стрела, а в левой щит с именем императрицы и пальмовую ветвь; внутренняя же часть ворот представляла храм побед.

Другие триумфальные ворота были построены на средства купечества у бывшего тогда каменного большого здания с тяжелыми железными воротами, которые на ночь в то время замыкались.

Замечательно, что эти железные ворота были украдены ворами в одну темную ночь, и, несмотря на тщательные поиски полиции, не отысканы.

Вторые триумфальные ворота были убраны скульптурными и живописными изображениями, представляющими подвиги наших войск: вместо кровли на них было несколько ступеней, на которых помещалась статуя в восемь аршин вышиною, представляющая «славу» (фаму).

Помимо этих двух ворот, Никольские и Воскресенские ворота были также украшены разными символическими изображениями из мифологии. Екатерина желала, чтобы виновник торжества граф П. А. Румянцев явился в столицу в древней колеснице подобно римскому победителю. Но победитель оттоманов униженно просил государыню о вступлении в Москву без торжеств и почестей. Екатерина уступила Румянцеву, но с тем только, чтобы он принял с приветствиями и поздравлениями всех собравшихся для этого случая в Москве сановников и военных.

Скромный кагульский герой, по словам современников, в молодости отличался необыкновенным удалством; особенно Румянцев не знал препятствий по части побед над прекрасным полом и очень часто торжествовал над непреклонными.

Так, однажды, заплатив одному оскорбленному мужу двойной штраф, он в тот же день воспользовался правом своим, сказав мужу, что последний не может жаловаться, потому что получил уже вперед удовлетворение.

Об этом поступке молодого полковника Румянцева было доведено до сведения набожной Елизаветы Петровны, и, в уважение заслуг отца его, провинившегося в нескромной шалости Румянцева императрица отправила к отцу для исправления, и будущий фельдмаршал понес телесное отеческое наказание, хотя и был в полковническом чине.

Граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский был высокого роста, стан имел очень стройный, величественный, отличался превосходною памятью и крепким сложением, не забывал никогда, что читал и видал, не знал болезней, семидесяти лет от роду делал в день по пятидесяти верст верхом, не уставая, вел жизнь в лагере как простой солдат, вставал по утрам на заре, и, несмотря на строгость военной тогдашней дисциплины, не делал никого из подчиненных несчастными, а только трунил над сибаритами и лентяями.

Так, раз, обозревая на рассвете свой лагерь, заметил офицера, отдохавшего в халате, начал с ним разговаривать, взял его под руку, вывел из палатки, прошел мимо войск и потом вступил вместе в шатер фельдмаршальский, окруженный генералами и штабом. Делами своими занимался сам, без помощи секретаря; сам распечатывал и читал свои письма и бумаги. Обыкновенно он ничего не подписывал в присутствии своего секретаря, чтобы на досуге со спокойным духом перечесть написанное.

В его время князь Потемкин представлял в государстве первое лицо и могуществом своим затемнял заслуги всех преемников на военном поприще. Потемкин много неприятностей причинил Румянцеву, но последний никогда не жаловался на это, а единственно только избегал говорить о нем. Когда до Румянцева дошло известие о его смерти, то великодушный герой не мог удержаться от слез.

– Чему удивляетесь вы? – сказал он своим домашним. – Потемкин был мне соперником, но Россия лишилась в нем усерднейшего сына.

Румянцев любил часто беседовать о своем друге Суворове, который всегда являлся к нему в полном мундире и забывал при нем шутки свои. Суворов, по преданию, тоже избегал тех торжеств, которые были предложены победителям в Москве. Он также скромно проживал тогда близ церкви Вознесения, на правой руке, второй или третий дом, если идти от Кремля. Незадолго до 1812 года дом Суворова был куплен каким-то медиком и позднее, после пожара, принадлежал купцу Вейеру.

Вся родня князя Италийского похоронена при церкви Феодора Студийского. Эта церковь – в нескольких шагах от Суворовского родового дома, она была прежде монастырем, устроенным в память Смоленской Богоматери. В этой церкви гениальный полководец приучал себя читать «Апостола» и, при всяком выезде из Москвы, никогда не оставлял своих родителей без особых поминовений. Он тут и в церкви Вознесения служивал то молебны, то панихиды. Московские старожилы, жившие в пятидесятых годах, еще помнили, как Александр Васильевич сам, сделав три земные поклона перед каждой местной иконой, ставил свечку, как он служивал молебны, стоя на коленях, и как он благоговейно подходил под благословение священника.

За Кучук-Кайнарджийский мир, который так торжественно праздновала Москва на Ходынском поле, Румянцев получил до двенадцати наград. Под конец своей жизни он избрал местопребыванием своим поместье Ташань в окрестностях Киева, там он построил себе дворец, но для своего жилья выбрал только две комнаты. Любимым его занятием было чтение книг.

– Вот мои учителя, – говорил Румянцев, указывая на них.

Часто в простой одежде, сидя на пне, удил он рыбу. Однажды приезжие отыскивали в саду кагульского героя, чтобы посмотреть на него, и обратились к Румянцеву с вопросом, где бы увидеть графа?

– Вон он, – сказал ласково Румянцев. – Наше дело города пленить да рыбу ловить.

В богато убранном дворце графа, в нескольких комнатах, стояли простые дубовые стулья.

– Если великолепные комнаты, – говорил он, – внушают мне мысль, что я выше кого-либо из людей, то пусть сии простые стулья напоминают, что и я такой же простой человек, как и все.

Граф Румянцев очень любил курить из глиняных трубок; назначенный к нему в армию во время турецкой войны один чиновник по дипломатической части вздумал угодить ему, захватив для него целый ящик таких трубок, но не позаботился уложить их. Фельдмаршал очень обрадовался, потому что трубок у него оставалось немного, и приказал раскрыть при себе ящик, а когда увидел одни обломки, то, рассердись, сказал, указывая на свое сердце: «Тут-то много», а потом на голову: «Да здесь нет». Супруга графа Румянцева, зная непостоянство своего мужа, по случаю какого-то праздника послала в армию к нему подарки, в числе которых было несколько кусков на платье его любезной. Задунайский, тронутый до слез, сказал о супруге:

– Она человек придворный, а я – солдат; ну, право, батюшки, если бы знал ее любовника, послал бы тоже ему подарки.

Румянцев умер от удара 3 декабря 1796 года на 72 году от рождения. По смерти, когда открыли его кабинет, то нашли в его бумагах пакет с надписью:

«Относящееся лично до меня».

Думали, что это завещание, но, открыв, нашли два письма: одно было от императрицы, которая предлагала ему сан гетмана Малороссийского; второе заключало скромный отказ Румянцева и просьбу это достоинство заменить званием генерал-губернатора.

После его смерти были найдены многочисленные доказательства его благотворительности и щедрости; пенсии, которые он давал втайне бедным, доходили до 20 000 руб. в год.

Тело Румянцева с воинскою пышностью было отвезено в Киев, где было выставлено в продолжение восьми дней и затем предано земле в церкви Киевской Лавры.

В память побед Румянцева был сооружен в Петербурге гранитный обелиск в 70 футов вышины по плану архитектора Брена. На мраморном пьедестале обелиска надпись:

«Румянцева победам».

Празднование мира с Турцией отличалось необыкновенною торжественностью: в дни празднеств вся Москва, по словам современников, очутилась на Ходынском поле, все лавки в городе были закрыты, лучшие товары были перевезены во временно устроенные магазины на Ходынке, большая часть азиатских товаров, продаваемых на Макарьевской ярмарке, была привезена тоже сюда.

Въезд императрицы в Москву был очень пышен. Государыня въехала в золотой карете, запряженной восьмеркой лошадей, богато убранных; при въезде в Воскресенские ворота по всем церквам раздался колокольный звон, пошла перекатная пушечная пальба и заиграла военная музыка. Москвичи встретили царицу хлебом-солью. Екатерина остановилась на Пречистенке во дворце, где затем был дом князя Голицына.

По случаю предполагаемого мирного торжества с турками к этому Пречистенскому дворцу были сделаны огромные деревянные пристройки из брусьев. Кабинет императрицы помещен был возле парадных комнат на большую улицу и по высоте был очень холоден и плохо закрыт от непогоды и ветра. Несмотря на это, государыня очень долго занималась в нем делами. По словам современников, ее секретари Теплов и Кузьмин просто коченели в нем от холода.

Однажды императрица заметила, что они очень прозябли, и приказала подать им кофею, какой всегда сама употребляла. Когда секретари его выпили, то от непривычки почувствовали биение сердца и сильное головокружение; государыня, расхохотавшись, сказала:

– Теперь знаю средство согреть вас от стужи.

По приезде в Москву, в тот же день вечером государыня отправилась в Кремль в Успенский собор ко всенощной.

Там государыня была помазана священным елеем и приложилась к ризе Господней. На другой день, в пятницу 16 июля, была назначена торжественная церемония. В 6 часов утра дан был сигнал из пяти пушек собираться войскам, и гренадеры лейб-гвардии были поставлены в два ряда по всем улицам, по которым должно было идти триумфальное шествие из Пречистенского дворца. К 10 часам съехались все придворные особы в Кремлевский дворец, и затем двинулось шествие, предводительствуемое герольдами и церемониймейстерами.

Государыня шла в малой короне под балдахин, несомым генералами, рядом с ней – наследник престола в адмиральском мундире с бриллиантовыми эполетами, перед государыней шел Румянцев, по сторонам процессии шли кавалергарды в своих богатых красных с золотом кафтанах, в шлемах с перьями; процессию замыкали статс-дамы и первые чины двора, залитые в золото и бриллианты.

С первых шагов процессии началась пушечная пальба, загремели трубы и литавры и раздался со всех церквей колокольный звон. В это же время из Успенского собора двинулась духовная процессия с архиереями и придворным духовенством и у врат храма приняла императрицу с крестом и святой водою, и проводила к царскому месту против алтаря.

После литургии и благодарственного молебна духовенство принесло поздравление императрице, и затем церемониальное шествие опять возобновилось. Государыня отправилась теперь в Грановитую палату, где стоял для нее трон и подле лежали государственные регалии и рядом с ними патенты и награды отличившимся в турецкую войну.

Грановитая палата была издавна местом, где русские цари давали аудиенции в торжественных случаях; построена она еще в 1473 году итальянским архитектором Марком Фрязи-

ным и окончена братом его, Петром Фрязиным; получила она название Грановитой от граней, которыми покрыты наружные ее стены.

Грановитая палата носила также название Большой золотой государевой палаты; последнее название произошло уже от внутреннего ее убранства; ее стены и своды в екатерининское время были расписаны по золоту. На самой середине палаты находилась четырехсторонняя колонна, которая вверху, соединяясь со стрелками сводов, поддерживает последние; ширина каждой колонны была полтора аршина, колонна со всех сторон была украшена в древнем греческом стиле лепною работою, изображающею птиц, зверей и других химерических животных под золотом; вокруг колонны – бронзовая, художественно сделанная вызолоченная решетка, по которой в несколько рядов приделаны подсвечники.

Боярская площадка в Московском Кремле (до 1838 г.). Вид на златоглавый храм Спаса-на-Сенях за Золотой решеткой с лестницей на боярскую площадку, узорчатое крыльцо с теремами и заднюю сторону Грановитых, или Святых, Сеней

Налево от входа устроено на трех скамейках в виде амфитеатра место для музыкантов; направо, в углу, под бархатным балдахином – трон государей, возвышающийся на четырех ступенях; подзоры балдахина обшиты бахромой и украшены висящими на шнурах кистями; вся палата обита темно-малиновым бархатом; шесть окон освещают палату, последние почти на сажень от пола и невелики, и дают небольшой свет, отчего вся палата носит вид величественной таинственности; в простенках окон расположены в симметрии по три герба, густо вызолоченные.

В Грановитой палате царь Иоанн Васильевич в 1552 году три дня угощал своих храбрых сподвижников, отличившихся при покорении Казани. Одного серебра для подарков послам и боярам было издержано им более 400 пудов.

Пожары в XVI и XVII веках раз уничтожали великолепное внутреннее убранство Грановитой палаты; до Петра Великого палата удерживала свой первоначальный вид, но затем,

позднее, внутренний вид ее изменился к худшему, вся живопись ее по штукатурке была сбита и своды перекрашены запросто.

В 1880-х годах было приступлено к восстановлению палаты в первоначальный вид, была найдена старинная подробная опись древней стенописи.

При переделке стен, когда был снят малиновый бархат, то в некоторых местах под штукатуркой открылись следы древних живописных по золоту орнаментов, украшавших стены залы, а самая кладка показала следы пожаров и многократных исправлений.

Теперь стенопись исполнена русскими иконописцами, крестьянами Владимирской губернии, села Палеха, братьями Белоусовыми. В Грановитой палате хранится на большом поставце серебряная посуда – дар русским царям от иноземных властителей; главное место в палате занимает так называемый «красный угол», где, как и в старину, стоит теперь царский трон.

В Грановитой палате Екатерина II наградила героев турецкой войны многими милостями. Из Грановитой палаты государыня возвратилась во дворец на Пречистенку уже в своей походной карете. За императрицей скакала на конях ее блестящая военная свита; здесь были гусары, кавалергарды, кирасиры, затем албанцы и множество разных военных.

Граф Румянцев ехал за императрицей в богатой карете цугом. В Воскресенских воротах государыню приветствовал хор музыки торжественным маршем. За государыней следовал верхом, в красном плаще, с двумя герольдами и князь Потемкин, бросая из мешка в народ серебряные жетоны, выбитые в память мира с турками. На жетонах изображены были две маслические ветви и надпись: на одной стороне – «Мир с турками», а на другой – «Приобретен победами». Через день был назначен большой приезд ко дворцу, где была представлена мать фельдмаршала Румянцева, на которую императрица возложила ленту св. Екатерины. Мать фельдмаршала, графиня Марья Андреевна, была дочь графа Андрея Артамоновича Матвеева.

По словам графа Сегюра: «Она в старости маститой, в параличе, была исполнена жизни: сохранила веселость, пылкое воображение, обширную память; разговор ее был столь же привлекателен, поучителен, как история, хорошо написанная». О браке отца Румянцева с ней существует следующее предание. Когда заслуги отца Румянцева при дворе Петра Великого стали заметны и последний сделался любимцем царя, то один из вельмож предложил ему руку своей дочери и тысячу душ в приданое. Румянцев, как известно, был бедняк, сын небогатого костромского дворянина. Осчастливленный подобным предложением, Румянцев бросился к ногам царя, испрашивая согласия на брак, от которого зависело все благополучие его жизни. Подняв Румянцева, Петр спросил:

– Видел ли ты невесту и хороша ли она?

– Не видал, – отвечал Румянцев, – но говорят, что она недурна и неглупа.

– Слушай, Румянцев, – продолжает государь, – балу я быть дозволяю, а от сговора удержишься. Я сам буду на бале и посмотрю невесту; если она действительно достойна тебя, то не стану препятствовать твоему счастью.

До 10 часов вечера ожидали царя и, полагая, что какое-либо важное дело помешало ему сдержать данное слово, начали танцевать; но вдруг Петр явился в дом невесты своего любимца, увидел ее, стоя в дверях в толпе любопытных зрителей, и, сказав про себя довольно громко: «Ничему не бывать», уехал. Хозяин и жених были чрезвычайно огорчены этим неприятным событием.

На другой день Румянцев с печальным видом явился к царю.

– Нет, брат, – произнес царь, лишь только увидел его, – невеста тебе не пара и свадьбе не бывать, но не беспокойся, я твой сват. Положись на меня: я высватаю тебе гораздо лучшую, а чтоб этого вдаль не откладывать, приходи вечером и мы поедем туда, где ты увидишь, правду ли я говорю.

В назначенное время государь отправился с Румянцевым к графу Матвееву.

– У тебя есть невеста? – спросил Петр, когда Матвеев вышел ему навстречу, – а я привез ей жениха.

ГЛАВА III

Рассказы про Румянцева. – Пречистенский дворец. – Народное гулянье на Ходынском поле. – Фейерверк и парадные спектакли. – Устройство праздников по плану Екатерины II. – Присутствие императрицы на праздниках. – Приезд турецкого посла. – Парадный прием турецкого посланника Абдул-Керима. – Подарки султана. – Главнокомандующий Москвы князь М. Н. Волконский. – Характеристика этого вельможи. – Ассигнационный банк в Москве. – Первое появление ассигнаций. – «Меновные лавки». – «Фальшивые ассигнации». – Пугачевский бунт. – Толки о нем в Москве. – Привоз Пугачева в Москву. – Суд над Пугачевым и казнь его на Болоте. – Приезд императрицы в Москву. – Реформы Екатерины II и разные милости. – Указ об экипажах и ливреях. – Пребывание государыни в Москве.

Неожиданное предложение привело графа в большое замешательство, тем более что он считал Румянцева, как бедного дворянина, недостойным руки своей дочери. Государь тотчас отгадал мысль Матвеева.

– Ты знаешь, – произнес он, – что я его люблю и что в моей власти сравнять его с самыми знатнейшими.

Нечего было делать графу, пришлось согласиться на желание такого свата. Девятнадцатилетняя дочь графиня Марья Андреевна была объявлена невестой Румянцева.

Существует еще другое предание про эту свадьбу. Бывши еще в девушках, графиня Матвеева была замечена Петром I и однажды Петр из ревности, рассердясь на нее в Екатерингофе, телесно наказал ее на чердаке из своих рук и вскоре после того против желания ее родителей выдал за неимущего дворянина Румянцева.

После свадьбы Румянцев был произведен в бригадиры с пожалованием ему нескольких деревень. В царствование императрицы Екатерины I и Петра II он быстро шел по службе, но в грозное время временщика Бирона за отказ принять должность главноуправляющего государственными доходами был лишен чинов и знаков отличия и сослан в Казанскую губернию на жительство.

Там три года, как преступник, под строгим караулом влачил он бедственную жизнь. Наконец был прощен и назначен губернатором в Казань, а потом в Малороссию.

При императрице Елизавете Петровне он получил пост полномочного посланника в Константинополе, затем с успехом занимал на Конгрессе в Або место полномочного от Российского двора, где успел склонить шведских министров к выгодному миру для России, за что и награжден графским титулом; он вскоре после этого и умер в 1749 году, семидесяти лет от роду.

Жена его, графиня Марья Андреевна, скончалась 4 мая 1788 года на 90 году от рождения и погребена в Невском монастыре в Благовещенской церкви.

Сын фельдмаршала, граф Николай Петрович, был большой любитель и собиратель древностей, рукописей, редкостей и разных диковинок; музей его теперь известен в Москве. Граф имел свой дом на Покровке и там во многих комнатах на потолках были рисованные и барельефные изображения баталий, где участвовал его отец, Задунайский.

Этот дом впоследствии купил какой-то купец и соскоблил и счистил все эти славные воспоминания. Сын фельдмаршала жилак неподолгу в Москве: он служил в Петербурге и был канцлером до 1812 года.

Под конец своей жизни граф Н. П. Румянцев отличался большими странностями. При нем самым приближенным человеком состоял его домашний шут, гермафродит «Ион Ивано-

вич», или, как тогда все называли, «Анна Ивановна»; последний ходил в чепце и женском капоте, вязал чулок и шил в пяльцах. Этот шут отличался крайне сварливым характером: брюзжал и злился на всех и часто дрался. Колотушки его нередко попадали и на долю самого графа, который сносил их с христианским смирением.

По рассказам, этот шут после таких побоев приносил к Румянцеву всегда горсть медяков – в вознаграждение за побои, и на эти медные деньги граф покупал деревянное масло, которое и теплил перед своим образным киотом в спальне.

Время пребывания императрицы в Москве, как мы выше говорили, ознаменовалось народными праздниками. Все эти празднества были устроены по мысли государыни.

Вот как она излагает свои планы празднеств в письме к Гримму:

«Так как вы говорите мне о праздниках по случаю мира, послушайте, что я вам расскажу, и не верьте всем вздорам, которые пишут в газетах. Сочинили было проект, похожий на все праздники: храм Янусу, храм Бахусу, храм диаволу и его бабушке и преглупые аллегории, нелепые уже потому, что они были чудовищно громадны: это были гениальные усилия породить что-то, вполне лишенное здравого смысла.

Сильно рассерженная этими великолепными и обширными проектами, которые я отвергла, я в одно прекрасное утро призвала своего архитектора Бажанова и сказала ему:

– Друг мой, в трех верстах от города есть луг; вообразите себе, что этот луг – Черное море, что из города доходят до него двумя путями; ну, так один из этих путей будет Дон, а другой – Днепр; при устье первого вы построите обеденный зал и назовете его Азовом; при устье другого вы устроите театр и назовете его Кинбурном. Вы обрисуете песком Крымский полуостров, там поставьте Керчь и Еникале, две бальные залы; налево от Дона вы расположите буфет с вином и мясом для народа, против Крыма вы зажжете иллюминацию, чтобы представить радость двух империй о заключении мира. За Дунаем вы устроите фейерверк, а на той земле, которая должна представлять Черное море, вы расставите освещенные лодки и суда; берега рек, в которые обращены дороги, вы украсите ландшафтами, мельницами, деревьями, иллюминированными домами, и вот у вас будет праздник без вымыслов, но зато прекрасный, а особливо естественный.

Мой друг, восхищенный этой мыслию, тотчас схватился за нее, и так готовится праздник. Я забыла вам сказать, что направо от Дона будет ярмарка, окрещенная именем Таганрога... Правда, что море на твердой земле не совсем имеет смысл, но простите этот недостаток!..»

Празднества, как мы уже говорили, вышли чрезвычайно удачны: благодаря простору, не было ни одного несчастья, которое бы омрачило народное веселье. Народное гулянье открылось на Ходынке 21 июля; торжества начались с утра этого дня и тянулись несколько дней подряд. На поле, как мы уже говорили, были построены разные крепости и города с турецкими названиями; были здесь залы бальные и обеденные, стоял и театр, был выстроен и потешный деревянный дворец; впоследствии он был перенесен на Воробьевы горы и поставлен на каменные подклети, оставшиеся от прежних царских теремов.

Кругом этого дворца разбит большой сад и аллеи. Все постройки на Ходынском поле были сделаны на турецкий образец, с разными вычурами: башнями, каланчами, с высокими минаретами, как при мечетях. На поле была устроена огромная ярмарка или базар на восточный манер, стояли кофейные дома, давалось народу даровое угощение, обеды и разные театральные представления. Места для зрителей были устроены на подмостках в виде кораблей

с мачтами и парусами, в разных местах, которые названы именами морей, где Черное, Азовское, где река Дон; на острове Фанагории устроен театр для балансеров; в Азове и в Ногайских ордах стояли обеденные столы с жареными быками, с золочеными рогами, на каланчах били фонтаны вином.

С прибытием государыни на поле празднеств был подан сигнал к началу пиршества, многотысячная толпа быстро расхватала все яства. Государыня смотрела на гулянье с красиво устроенной для нее галереи, на которой стояла роскошно отделанная серебром и покрытая тигровым бархатом и белым атласом с букетами мебель, в окнах галереи виднелись фарфоровые вазы с цветами. Для императрицы и августейшего семейства в Азовской крепости был приготовлен на пяти столах обед на 139 персон, после обеда на театре давали французскую комедию.

После этого шла в одной из галерей и русская опера «Иван Царевич», затем был маскарад, где танцевали особенную для этого случая кадрили кавалеры и дамы, одетые в богатые турецкие и рыцарские костюмы.

На другой день государыня в городке «Таганроге» закупала богатые азиатские товары на большие суммы, вечером она отправилась на корабли, с которых и смотрела на блистательный фейерверк, изображавший Чесменскую битву. Фейерверк этот устраивал генерал-поручик Мелиссино. После фейерверка государыня на возвратном пути ко дворцу проезжала по дороге, по одним сторонам которой были устроены деревянные щиты с разноцветными шкаликами и плоскими. По закрытии торжеств, вскоре в Кремле был парадный прием турецкого посла с грамотой о вечном мире и подарками.

Присланный посол от турецкого султана был Абдул-Керим. Церемониальный въезд его от подъездного дома на Якиманской улице через Каменный мост, затем по Моховой, Никольской, в посольский дом на Солянке был необыкновенно пышен; посол ехал в золотой карете в восьмерку белых лошадей с многочисленной свитой арабов, гайдуков, скороходов, окруженной придворными чинами в золотых кафтанах.

Аудиенция его у императрицы вышла также не менее торжественна. Подарки, поднесенные послом, были необыкновенно ценны: в них обнаружилась вся роскошь сказочного Востока.

В числе подарков было золотое зеркало, осыпанное алмазами и рубинами с арабскою надписью следующего содержания: «Благословение и счастье, удовольствие и спасение, честь и победа, благая помощь и сила, власть и могущество, слава и долголетие владельцу». Драгоценнейший веер с алмазами, сапфирами, изумрудами и рубинами, такой же цены седло, усыпанное драгоценными камнями, пернат и сабля, украшенная алмазами, яхонтами и жемчугами. Екатерина II осталась довольна подарками своего друга Абдул-Гамида, как она в шутку называла султана, и в своих письмах к иностранцам говорила:

«Мне кажется, что дружба и согласие, которые установились между возлюбленным моим братом Абдул-Гамидом и мною, заставляют многих худеть».

Хотя мир с турками и был заключен, но завистливая Европа не переставала интриговать в Турции; точно так же и в то время турки беспрестанно нарушали условия мирного договора. По этому поводу государыня писала через два года к Гримму: «По имени мир наш существует, на деле же марабу (этим именем она часто называет турок) ежедневно его нарушают пункт за пунктом и потом опять хотят ставить заплаты... Мой братец Абдул-Гамид все тот же». Окончательного подписания некоторых пояснительных статей Кучук-Кайнарджийского мира императрица дождалась только спустя четыре года после войны, в чем ей помог своим влиянием французский посланник Сен-При; последний получил за это от императрицы андреевскую звезду с алмазами.

После Салтыкова был назначен в Москву главнокомандующим князь М. Н. Волконский (1713–89). Это был один из выдающихся вельмож века Екатерины, умный и добрый, с низ-

шими необыкновенно обходительный и гордый только с временщиками. Императрица два раза мирила его с Потемкиным. Он успешно отправлял все важные государственные должности, возлагаемые на него государыней. В 1771 году назначен главнокомандующим в Москву; на этом важном тогда посту он блистательно управляет столицей и деятельно ведет переписку с императрицей; при нем в Москве учреждается банк для вымена государственных ассигнаций, директором которого как в Москве, так и в Петербурге назначается граф Андрей Петрович Шувалов.

Первая контора Ассигнационного банка была открыта на Мясницкой, в приходе архи-диакона Евпла: здесь был размен ассигнаций и медной монеты; последняя хранилась в подвалах и особых кладовых; то и другое имело необыкновенную сырость, и мешки с медью, производя постоянную россыпь, требовали нового счета, новой поверки; позднее в этом доме была винная контора. Сперва ассигнации в публике встретили недоверие, но вскоре кредит бумажных денег и требование на них сильно возросли, но банк туго их выдавал, вследствие этого в Москве открылись меняльные лавки, или, как их тогда называли, «меновные лавки»; промен в последних в первое время существовал следующий: меняя крупные ассигнации на мелкие, платили промену по грошу с рубля; разменивая ассигнации на медь, брали по пяти копеек с рубля; разменивая рублевики на ассигнации – по десяти копеек с рубля; а рублевики на медные деньги – по восьми копеек с рубля; первые ассигнации были следующего достоинства: 25, 50, 75 и 100 рублей.

По случаю появившихся фальшивых ассигнаций, переделанных из 25-рублевого достоинства в 75-рублевые, повелено впредь не делать 75-рублевых ассигнаций и всенародно было объявлено, чтобы каждый частный человек, имеющий такие ассигнации, в установленный срок представлял их для обмена на другого достоинства.

Подделывателями ассигнаций явились два брата Пушкиных, Сергей и Михаил, и Федор Сукин. Сергей Пушкин привез из-за границы штемпеля, литеры и бумагу для делания поддельных ассигнаций. Екатерина II ревностно взялась за преследование подделывателей и собственноручную прислала записку Волконскому, в которой выписывает наказание виновным:

«Сергея Пушкина, который для делания штемпеля ездил в чужие края и с оными при обратном пути на границе пойман, следовательно, более других заботился о произведении сего вредного государственному кредиту дела, лишитъ чинов и дворянства и взвести на эшафот., где над ним переломитъ шпагу и поставитъ на лбу «В», заключитъ его вечно, как вредного обществу человека, в какую ни есть крепость. Михаила. Пушкина, как сообщника сего дела, лишитъ чинов и дворянства и сослатъ в ссылку в дальние сибирские места. Федора Сукина, через колебание совести которого сие вредное дело открылось и Сергей Пушкин пойман, то, смотря более на его неокамелотъ в преступлении, нежели на его действительную вину, повелеваем лишитъ всех чинов и сослатъ в ссылку в Оренбургскую губернию. Имение же всех сих отдать ближним их по законам наследникам».

Кредит государственных ассигнаций после того сильно поколебался и только пятнадцать лет спустя приобрел в народе снова свою ценность. В 1786 году ассигнации были обменены на новые образцы, заготовлено было их на 50 000 000 руб.; всех обменено было прежних ассигнаций на сумму 46 219 250 руб.

В следующем году ассигнаций было выпущено уже на сто миллионов рублей. К концу царствования Екатерины ассигнаций в обращении было на 157 миллионов руб.

С 1768 по 1786 год бумага для ассигнаций делалась на Красносельской бумажной фабрике графа Сиверса Есть предание, что в первое время не хватило материала для пригото-

ния бумаги – и что Екатерина приказала выдать все свое старое дворцовое белье: скатерти и салфетки.

Позднее была учреждена казенная бумажная мельница в Царском Селе.

Первые ассигнации готовились на белой бумаге, имели вид четырехугольника, по сторонам с внутренними просвечивающимися прописями; сверху: «Любовь к Отечеству», внизу: «Действует в пользу оною», с левой стороны: «Государственная казна» и с правой – достоинство ассигнации прописью, в конце следовали для возбуждения большего доверия подписи: двух сенаторов, советника Правления и директоров Банка, писанные собственноручно пером. Первые ассигнации были в обращении 18 лет.

Легкий способ и неограниченное право выпускать ассигнации, заменяющие наличные деньги, дали повод министру финансов во времена Николая I, графу Е. Ф. Канкрину, назвать их «сладким ядом государства». При Павле I число ассигнаций возросло до 212 млн.; при Александре I в 1810 году сумма их достигала до 577 млн. С 1812 по 1817 год масса всех ассигнаций, обращавшихся в народе простиралась до 836 млн, зато и достоинство их упало на 75 процентов против серебряной монеты.

В течение этого времени народ привык считать серебряную монету в 25 коп., или четвертак, ассигнационным рублем, и серебряная монета в 25 коп. принималась за сто копеек медной монеты. Есть свидетельство, что в Отечественную войну Наполеон, желая подорвать окончательно наш кредит, пустил в ход массу фальшивых ассигнаций; по выходе французов из Москвы крестьяне представляли военному начальству доставшиеся им по разным случаям во время неприятельского нашествия сторублевые ассигнации французского изделия, так искусно подделанные, что даже в Ассигнационном банке приняли их с первого взгляда за настоящие; они отличались от русских только тем, что подпись на них была выгравирована.

Данилевский в своей «Истории 1812 года» говорит о письме Бертье к Наполеону, где последний, между прочим, изъясняет свою горесть о потере «последней своей коляски, в которой были самые тайные бумаги». Данилевский добавляет: «В ней найдено было нами очевидное доказательство плутовства Наполеона: доска для делания фальшивых сторублевых русских ассигнаций».

Известный следователь по раскольничьим делам И. Липранди уверяет, что эти фальшивые ассигнации печатались в Москве на Преображенском кладбище: московские старожилы ему указывали в 1846 году на две комнаты на этом кладбище, в одной из которых стоял станок для делания фальшивых ассигнаций, а в другой жили французские жандармы.

Возвращаемся опять к деятельности московского главнокомандующего, князя Волконского. При возникновении пугачевского бунта императрица деятельно ведет с ним переписку, советуя ему «успокаивать умы жителей древней столицы». Князю Волконскому привелось также быть главным деятелем в суде над самозванцем. В Москве чернь была в таком настроении, что правительство одно время боялось, «чтобы Пугачев не наделал в ней какой ни на есть пакости». Вера в него, как в Петра III, там была очень сильна; в этих-то видах Москва и была избрана местом для суда и казни Пугачева.

Князь Волконский хотел сделать ввоз Пугачева как можно более гласным; он приказал изготовить особенную повозку, на которой стояла виселица, и к ней, стоя, должен был быть прикован Пугачев; наверху над ним должна быть доска, на которой большими буквами выписаны все его злодеяния.

Но императрица проект князя не одобрила, а приказала «его привезти днем под конвоем (окроме тех, кои с ним) сот до двух донских казаков и драгун без всякой дальней аффектации и не показывая дальное уважение к сему злодею и изменнику».

Пугачева привезли в Москву в десять часов утра 4 ноября 1774 года. Народ массами встретил повозку с ним и провожал в бесчисленном количестве по всем улицам до Монетного двора (в Охотном ряду), где была приготовлена тюрьма для Пугачева. Множество карет с

дамами собралось к Воскресенским воротам; думали, что Пугачев подойдет к окну. Но этого ему сделать было нельзя: по привозе в тюрьму его приковали к стене.

Жена и сын его помещены были в отдельной комнате. Следователи Шешковский и Галахов поселились в той же тюрьме; через час прибыл в Тайную экспедицию и князь Волконский. К судьям в судейскую комнату ввели Пугачева, который пал на колени. Князь Волконский стал говорить с ним «исторически», каким он образом, где и когда он содеял злодеяния и т. д. На вопросы Пугачев отвечал спокойно и ясно: «Мой грех, виноват», и проч. Послал Волконский и за женой Пугачева. Казачка не знала о делах мужа и отвечала на все вопросы неведением; Пугачев бросил ее еще за три года.

Для участия в окончательном суде прибыли в Москву генерал-прокурор князь Вяземский и П. С. Потемкин, возивший в Петербург следственное дело. 9 января 1775 года была подписана сентенция. Пугачев и Перфильев приговорены были к четвертованию. Казнь совершилась 16 января 1775 года в Москве на Болоте.

Вот что передают очевидцы о казни Пугачева:

«Эшафот был воздвигнут на середине площади; вокруг были поставлены пехотные полки; начальники и офицеры имели знаки и шарфы сверх шуб, по причине жестокого мороза. Здесь же был и обер-полицеймейстер Архаров со своими подчиненными.

На высоте Лобного места, или эшафота, стояли палачи. Позади фронта все пространство низкой лощины Болота, все кровли были усеяны зрителями; любопытные даже стояли на козлах и запятках карет и колясок. Вдруг все вскобелалось и с шумом заговорило: «Везут! везут!»

Вскоре появился отряд кирасир, за ним необыкновенной высоты сани, и в них сидел Пугачев; он держал в руках две толстые зажженные свечи из желтого воска, который, от движения оплывая, залеплял ему руки; напротив его сидел священник в ризе с крестом и еще секретарь Тайной экспедиции; за санями следовал отряд конницы. Пугачев был с непокрытой головою и кланялся на обе стороны.

Сани остановились против крыльца Лобного места. Когда Пугачев и любимец его Перфильев в сопровождении духовника и двух чиновников взошли на эшафот, раздалось: «На караул!», и один из чиновников стал читать манифест. При произнесении чтецом имени злодея Архаров спрашивал: «Ты ли донской казак Емелька Пугачев?» – «Так, государь, – отвечал последний, – я», и проч. Во все продолжение чтения манифеста он, глядя на собор, часто крестился, тогда как его сподвижник Перфильев стоял неподвижно, потупя глаза в землю.

По прочтении манифеста духовник сказал им несколько слов, благословил их и пошел с эшафота.

Тогда Пугачев сделал с крестным знаменем несколько земных поклонов, обратясь к соборам; потом с оторопелым видом стал прощаться с народом, кланялся на все стороны, говоря прерывистым голосом: «Прости, народ православный».

После этого экзекутор дал знак палачам и палачи бросились раздевать его; сорвали белый бараний тулуп и стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтаны. Тогда он всплеснул руками, опрокинулся назад, и вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе, палач взмахнул ее за волосы».

С Перфильевым последовало то же. Четвертование было исполнено над трупами. Отрезанные части тела несколько дней выставлены были около московских застав и наконец сожжены вместе с телами, а пепел развеян палачами. Внук Пугачева был жив еще в 1890 году; он жил в одной из московских богаделен.

Через две недели после казни Пугачева в Москву прибыла императрица Екатерина и здесь принимала участие в удовольствиях столицы, где в то время праздники следовали за праздниками.

Роскошью и разнообразием их Екатерина старалась возвысить блеск своего двора и затмить пережитое ею тревожное время. Со дня открытия Законодательной комиссии, более шести лет перед этим, Екатерина не позабыла своего неудовольствия на старую столицу и, возвратясь снова в ее белокаменные стены, говорила, что чума не истребила всего политического яда, корнящегося в этом городе.

Весною 1775 года в Москве изготовлялись важнейшие из реформ екатерининского царствования – новые губернские учреждения, которые явились главным результатом Законодательной комиссии; образцом для этих учреждений послужило устройство Остзейских провинций. Разумеется, подобный образец имел большую поддержку в остзейцах, занимавших многие значительные места при дворе и в администрации. Екатерина хотела сначала ввести новые учреждения только в Твери, в виде опыта.

Но, как уверяет Сиверс, совет, состоявший из придворных льстецов, бросился к ее ногам и со слезами умолял немедленно обратить в закон такое великое благодеяние. Императрица уступила – и проект сделался законом.

В Москве также в это время вышел манифест «О высочайших дарованных разным сословиям милостях по случаю заключенного мира с турками»; в числе пунктов этого манифеста был один, который унижал достоинство граждан и облегчал чиновникам и недобросовестным богачам способы притеснять мелких торговцев.

Пункт этот предписывал гражданам, не имеющим капитала свыше 500 руб., называться не купцами, а мещанами и платить по-прежнему подушные; купцы же всех трех гильдий освобождались от подушного и обязывались платить по одному проценту с «объявленного им по совести» капитала. Про этот манифест государыня писала к Гримму, что он ее лишает полтора миллиона дохода. Так же не менее неудовольствия в Москве произвел указ и 3 апреля 1775 года об экипажах и ливреях.

Главным мотивом для распределения экипажей и ливрей соответственно разным рангам выставлено желание уменьшить «день ото дня умножающуюся роскошь». Сакен, саксонский посланник, доносил своему двору, будто этот указ произвел в Москве большее неудовольствие, нежели бедствия чумы и пугачевщина, а неслужащая часть дворянства, униженная новыми правилами, будто начала покидать столицу. Государыня в этот приезд пробыла в Москве почти год и на этот раз, видимо, осталась довольна древней столицей.

О своих тогдашних впечатлениях вот что она писала Гримму: «Я в восторге, что сюда приехала, и здесь все – большие и малые – в восторге, что меня видят... Этот город есть феникс, воскресающий из пепла; я нахожу народонаселение заметно уменьшенным, и причиной тому – чума: она, наверное, унесла в Москве более ста тысяч человек. Но перестанем говорить об этом.

Вы хотите иметь план моего дома? Я вам пришлю его, но нелегка штука опознаться в этом лабиринте. Я пробыла здесь два часа и не могла добиться того, чтобы безошибочно находить дверь своего кабинета, это торжество путаницы. В жизни я не видала столько дверей; я уж полдюжины велела уничтожить, и все-таки их вдвое более, чем требуется».

Какие неудобства императрица испытывала, видно, между прочим, из слов: «Сидя между тремя дверями и тремя окнами», а также из следующей выдержки: «У меня в Москве очень дурное помещение в грязном квартале, дом мой высок – и сам по себе, и по местоположению,

которое он занимает; соседние испарения распространяют там миазмы, более полезные в истерике, чем приятные, и я удаляюсь оттуда почаще...»

ГЛАВА IV

Рассказы капитана де Белькура про Москву. – Подъездной дворец, – Загородные дома в Петровском. – Землянки французов. – Башиловки. – Архитектор Матвей Казаков. – Лобное место. – Историческое прошлое его. – Салтычиха. – Убийцы Жуковы. – «Тайная канцелярия». – Истязания и пытки.. – Вольная типография. – Н. И. Новиков. – Деятельность московских масонов. – Гроза, постигшая их. – Университетская типография. – Старые московские типографчики и книгопродавцы. – Возвращение Новикова в Москву. – Характеристика Новикова. – Рассказы про масонов. – Обряд посвящения в масоны. – Банкеты масонов. – Число масонских лож в Москве. – Запрещение масонских лож в 1822 и 1826 годах. – Забытая масонская ложа.

В царствование Екатерины II Москва, как уже мы выше говорили, не производила хорошего впечатления своими постройками. По словам Тесьби де Белькура, древняя столица имела вид «совокупности многих деревень, беспорядочно размещенных и образующих собою огромный лабиринт, в котором чужестранцу нелегко опознаться». Вы видите тут, говорит он, огромные, роскошно изукрашенные палаты; но все строено в самом странном вкусе (вкус, максимально приближенный к барокко). Эти палаты окружены дрянными маленькими домишками, которые без преувеличения можно назвать балаганами.

Даже сам царский дворец в Кремле состоит из беспорядочных, полуразрушенных построек, как будто он только что выдержал осаду от варваров-разрушителей. Улицы дурно расположены и также дурно содержатся.

Благоустроенных общественных зданий нет, ни одно даже не заслуживает такого названия. Белькур восхищается только одними Триумфальными (Красными) воротами, существующими по сей час.

Во время пребывания своего в Москве в 1775 году императрица Екатерина II повелела в память побед российских войск над оттоманами заложить подъездной дворец за Тверской заставой, на пустом месте, принадлежащем московскому Высоко-Петровскому монастырю.

Постройку дворца государыня препоручила известному зодчему Матвею Казакову. Дворец был назван по местности – «Петровским» и выстроен в готическом вкусе. Екатерина II в первый раз остановилась в этом дворце в 1787 году.

Есть предание, что государыня во время своего пребывания здесь отослала все назначенные для нее караулы солдат, сказав, что она хочет остаться во дворце под охраной своего народа. И после того, как передает предание, толпы народа стали тесниться около дворца, остерегая друг друга, говоря: «Не шумите, не нарушайте покоя нашей матушки». Возле этого дворца уже в первое время стояли загородные дома: гр. Апраксина, кн. Волконского, Голицына и других, а также в лежащей около большой вековой роще ютилось несколько загородных трактиров и ресторанов; один из таких, под названием «Русский гастроном», долго славился своими гастрономическими обедами; его содержал француз-повар.

В Отечественную войну Петровская роща пострадала от неприятелей; самые большие деревья были вырублены на батарее. Французы в этой местности построили себе роскошные землянки с рамами, дверями, зеркалами и мебелью, взятыми из лучших барских московских палат. Но когда в Кремле вспыхнул пожар и французы начали выбираться из Москвы, то и император Наполеон выбрал своим местожительством Петровский дворец, а гвардия и свита его еще гуще разместились в этих землянках.

При выступлении неприятеля из Москвы многие отдельные отставшие его отряды в этой местности были разбиты крестьянами, и трупы убитых были зарыты в этих землянках. Но

собственно Петровский парк обстроился только в тридцатых годах нынешнего столетия. В эти годы вся местность от Тверской заставы до Петровского дворца была разделена на участки и отдана желающим здесь строиться.

Самое большое пространство земли взял тогдашний начальник Комиссии для построек А. А. Башилов; он выстроил здесь вокзал, где давались праздники с цыганами, фейерверками и т. п. В его же время был построен и Петровский летний театр. Улица Башиловка получила название от имени этого землевладельца.

Петровский дворец Казаков выстроил в семь лет. Государыне очень понравилось здание дворца. Кроме этого дворца Казаковым в Москве построены: Голицынская и Павловская больницы, соборная церковь в Зачатьевском монастыре и здание присутственных мест в Кремле. В этом здании считается образцовым произведением зодчества ротонда с куполом, над которым видна императорская корона с надписью: «Закон».

До 1812 года здесь стоял колоссальный золотой св. Георгий на коне, изображающий герб Московской губернии. Эта ротонда была назначена для общих собраний губернского дворянства и для баллотирования новых членов через каждые три года. Купол этот считается по своей величине чудом архитектурного искусства. Существует рассказ, что, когда по его отделке были вынуты все подмости и леса, начальник кремлевской экспедиции М. М. Измайлов пригласил всех известных тогда архитекторов, в числе которых был и знаменитый Баженов, для освидетельствования здания и купола, и когда зодчие выразили некоторое сомнение в прочности его, то Казаков взошел на поверхность купола и более получаса стоял на нем.

Этот опыт, довольно наивный, надо сказать, восхитил всех архитекторов, и по возвращении Казакова он был принят рукоплесканиями и криками «ура». В первое время по постройке против главного входа в великолепной арке воздвигнут был императорский трон, обширные галереи с обеих сторон также были отделаны барельефами и гербами уездных городов Московской губернии. Когда в 1787 году Екатерина II с блестящей свитой обозревала эту постройку, то сказала сопровождавшему ее М. М. Измайлову:

– Я ожидаю, что благородные дворяне при первом своем собрании здесь для выборов, смотря на этот трон, припомнят, что я дала им и всему их потомству грамоту с правами и преимуществами важными.

После этого государыня обратилась к Казакову, сказав:

– Как все хорошо, какое искусство! Это превзошло мое ожидание; нынешний день ты подарил меня удовольствием редким; с тобою я сочтуса, а теперь – вот тебе мои перчатки: отдай их своей жене и скажи, что это на память моего к тебе благоволения.

При выходе государыни из здания мастеровые приветствовали царицу восторженными криками. Императрица приказала им выдать 500 рублей. Казаков за постройку получил следующий чин, бриллиантовый перстень и значительную пенсию. Казаков пользовался благоволением императоров: Павла I и Александра I. Им построено в Москве множество частных домов; он умер в 79 лет в чине действительного статского советника, по приезде его из Москвы в Рязань во время нашествия французов в 1812 году.

На месте, где было воздвигнуто им колоссальное здание в Кремле, некогда стояли палаты князя Трубецкого и упраздненные церкви св. Козьмы-Дамиана, Филиппа-митрополита и Введения во храм Богородицы.

В числе построек нехудожественных и капитальных, но важных в истории Москвы, в царствование Екатерины II на Красной площади против Спасских ворот было перестроено «Лобное место»; до этого оно было кирпичное с деревянной решеткой, которая запиралась железным засовом, имело навес или шатер на столбах; государыня приказала сделать его из дикого белого тесаного камня, круглый помост его с амвоном оградить каменными перилами, а с запада ступенчатый вход с железною решеткой и с дверью.

Позднее, при императоре Павле I, московское купечество хотело здесь поставить под куполом огромный крест с изображением Страстей Христовых, рая и ада, также св. мест Иерусалима, хранящийся в соборной церкви Сретенского монастыря, но почему-то этот план не осуществился, хотя проект и был одобрен митрополитом Платоном.

Лобное место издревле имело религиозное и государственное значение; сюда ставились приносимые в Москву св. мощи и образа, здесь служились молебны, здесь объявлялись указы народу, и отсюда народ узнавал об избираемых на царство царях, отсюда патриарх раздавал народу свое благословение, и здесь же совершались казни, вероятно, по месту, недалекому от застенка, который помещался в Константиновской башне. При Петре I Лобное место было обставлено головами стрельцов, воткнутыми на кол, и только при Петре II, по указам 1727 г. июня 10-го и сентября 17-го, сняты виселицы и столбы, на которых были тела казненных. Лобное место получило свое название по валявшимся там черепам. Но полагают также, что название это произошло и от возвышенного места, кафедры, с которой нередко цари говорили с народом.

Отсюда Иоанн Грозный торжественно просил прощения у земли и обещал в присутствии митрополита и депутатов государства быть судьей и обороной своих подданных; там же он в 1570 году объявлял свой суд над обвиненными боярами; отсюда Василий Шуйский был провозглашен царем; с этого же места Лжедмитрий просил дозволения оправдаться ему перед народом; с Лобного же места патриарх в Вербное воскресенье, по совершении молебствия, ехал до соборной церкви на осляти, ведомом царем. У Лобного же места бывало самое раннее весеннее гулянье в Лазареву субботу; называлось оно «Под вербою».

Здесь была небольшая ярмарка, на которой продавалась верба для наступающего праздника Недели Ваий или, Входа во Иерусалим; придельный храмовой праздник этого дня был в Покровском соборе, известном более под именем Василия Блаженного. С Лобного места нанимались попы служить обедни в домовые церкви.

У Лобного места при царе Алексее Михайловиче стояли пушки и был царев кабак, называемый «Под пушками». На этом же Лобном месте была поставлена на эшафоте палачом Салтычиха в саване, со свечою в руке, с листом на груди, на котором было написано:

«Мучительница и душегубица».

Салтычиха, Дарья Михайловна, была вдова Салтыкова и по связям покойного своего мужа принадлежала к самым знатным людям того века; загублено ею было крестьян и дворовых людей до 138 душ.

Гнев Салтычихи происходил только от одной причины – за нечистое мытье белья или полов. Побои Салтыкова наносила собственноручно палкою, скалкою, поленьями или на ее глазах несчастных добивали плетью ее конюхи и гайдуки.

Замечательно, что сердце этой ужасной женщины было доступно любви: она питала самую нежную, сердечную любовь к инженеру Тютчеву. Жила эта тигрица в Москве, в собственном доме, на углу Кузнечного моста и Лубянки. Дело Салтычихи тянулось шесть лет. Салтычиха от всего отпиралась, говоря, что все доносы были сделаны на нее из злобы. Судья просил императрицу, чтобы она дозволила употребить над ней пытку; государыня не согласилась, но только приказала перед глазами Салтычихи произвести пытку над кем-нибудь из осужденных, но и это не привело последнюю к раскаянию. Но, наконец, «душегубицу и мучительницу» приказано было заключить в подземную тюрьму под сводами церкви Ивановского монастыря, пищу приказано ей было подавать туда со свечою, которую опять гасить, как скоро она наестся. Пищу подавал ей солдат, сперва в окно, потом в дверь.

По сказанию старожилов, от своего тюремщика она родила ребенка. Салтычиха была в старости очень толстая женщина, и когда народ приходил смотреть в окошечко, самовольно отдергивая зеленую занавесочку, желая посмотреть на злодейку, употреблявшую, по общей

молве, в пищу женские груди и младенцев, то Салтычиха ругалась, плевала и совала палку сквозь открытое в летнюю пору окошечко. Салтычиха была заключена в склепе тридцать три года, умерла в 1800 году и похоронена в Донском монастыре. Застенок, в котором она сидела, разобран вместе с церковью в 1860 году.

В царствование Екатерины II отправление карательного правосудия с принесением публичного покаяния совершалось как на Лобном месте, так и на улицах Москвы. Государыня такими гласными обрядами хотела действовать на дух и нравственность народа, возбуждая омерзение к ужасным преступлениям. Из таких примеров известен был в 1766 году еще один, когда по московским улицам при громадном стечении народа отряд солдат с заряженными ружьями, со священником с крестом провожал босых, скованных мужчину и женщину, в саваннах, с распущенными волосами, которые падали на глаза; это были Жуковы, убийцы своей матери и сестры.

Они останавливались перед дверьми Успенского собора, перед церквями св. Петра и Павла в Басманной, Параскевы Пятницы на Пятницкой, у Николая Явленного на Арбате и т. д. Там читался им манифест.

Преступники, стоя на коленях, должны были прочесть сочиненную на этот случай молитву и неоднократно повторять перед народом покаяние. В екатерининское время Тайная канцелярия была уничтожена, но вскоре открылась «Тайная экспедиция», что было одно и то же. В сороковых годах нынешнего столетия старожилы московские еще помнили железные ворота этой «тайной», где караул стоял во внутренности двора; страшно было, говорили, ходить мимо них. В застенках и каменных мешках содержались заподозренные и оговоренные люди в кандалах, колодках и нередко с кляпом во рту. Туда не допускались ни родные, ни знакомые, ворота отпирались только при особенных случаях или рано утром, или поздно ночью. Места заключения назывались в старину «порубами», «ямами», погребями, каменным мешком, где нельзя ни сесть, ни лечь. В Константиновской башне, по стене Московского Кремля, к ней ведущей, существует посейчас крытый коридор с узенькими окошечками, где содержались приговоренные к пытке с заклепанными устами, которые расклепывались для ответа и для принятия скудной пищи, и прикованные к стене, в которой были железные пробои и кольца.

Употребительнейшая из пыток в то время была дыба или виска: истязуемому закрывали и связывали назад руки веревкою, за которую поднимая вверх на блоке, утвержденном на потолке, вывертывали руки из суставов, а к ногам привязывали тяжелые колодки, на которые становился палач и подпрыгивал, увеличивая мучения истязуемых.

Кости, выходя из суставов, хрустели, ломались, иногда кожа лопалась, жилы вытягивались, рвались. В таком положении пытаемого часто били кнутом по обнаженной спине так, что кожа лоскутьями летела, и после еще встряхивали по спине зажженным веником.

Когда снимали с дыбы, палач вправлял руки в суставы, схватив за руки и вдруг дернув наперед.

Иногда, для вынуждения признания у преступника, перед ним пытали «на заказ» другого злодея, дабы тем вынудить правду у обвиняемого; также кормили подозреваемого соленым и сажали его в жарко натопленную баню, не давая ему пить до тех пор, пока не вымучат признания, часто ложного.

При истязаниях секли иногда и сальными свечами; последние причиняли ужасное мучение. Допрашивали «подлинную» также подлинниками или смоляными кнутами, к хвостам которых прикреплялись кусочки свинца. Наказывали кнутом преступника, положив его на спину другого. Аббат Шапдатрош¹⁶ приводит в своем «Путешествии» описание такого наказания над Натальей Лопухиной, статс-дамой, первой красавицей своего времени в царствование Елизаветы Петровны, за участие в заговоре маркиза Ботта.

«Простая одежда, – говорит он, – придавала новый блеск ее прелестям.

Один из палачей сорвал с нее небольшую епанчу, покрывавшую грудь ее;

стыд и отчаяние овладели ею, смертельная бледность показалась на челе ее, слезы полились ручьями. Вскоре обнажили ее до пояса в виду любопытного, молчаливого народа; тогда один из палачей нагнулся, между тем другой схватил ее руками, приподнял на спину своего товарища, наклонил ее голову, чтобы не задеть кнутом. После кнута ей отрезали часть языка».

Екатерина II запретила наказывать на спинах других, а приказала делать на станке и козе. В застенках нередко истязуемого подымали на блоке вверх, разводили под ним огонь и мучили его жаром и дымом или привязывали его на кол так, что можно было его вертеть над огнем, как жаркое на вертеле. Для выведывания тайны также забивали под ногти спицы или гвозди; это называлось «выведать всю подноготную».

При Бироне иногда виновных бросали с камнем в реку, чтобы «след простыл». Ранее этого так казнили отцеубийц на Руси: связав им руки и привесив камень или надев на голову куль, кидали в воду. Также, по преданию народному, их живыми опускали на дно могилы, а на них ставили гроб с телом убитого и таким образом засыпали землей.

За подделку денег лили в горло олово и отсекали руки. При Петре I было введено колесование, заимствованное от шведов, и вешание за ребра – колесовали разбойников и вешали за ребра воров; за поджоги и колдовство сжигали живыми. Последнюю казнь несли также еретики и неудачные врачи. К жесточайшим мукам причисляли также литье воды по каплям на обритую голову, причем на уши клали горячие угли.

Против тайного судилища на площади стояло в екатерининское время низенькое каменное здание вольной типографии, содержанием которой был известный Н. И. Новиков.

Кроме этой типографии у Новикова было еще две: одна в Армянском переулке, в доме, затем занимаемом Лазаревским институтом, и другая – у Сухаревой башни, в доме Генрихова; у Новикова была еще и четвертая, тайная; последняя помещалась в одном из его домов.

Другая тайная типография масонов была у И. В. Лопухина. О Новиковской типографии упоминает князь Трубецкой в письме к неизвестному петербургскому брату-масону.

«Уведомляю тебя, мой друг, что, благодаря Спасителю нашему, мы открыли тайную орденскую типографию, в которой нужные переведенные книги для братьев печататься будут. Б. Новиков посылает тебе при сем начатые в оной печататься книги «О молитве» и «Дух масонства». Сокрывай оные от всех, а употребляй только сам для своего чтения и познания».

Из тайной же типографии московских масонов вышла, по всей вероятности, и книга, которую Сопиков называет редчайшею (6211), именно «Божественная и истинная метафизика» Пордеча, вышедшая без означения года и места печати. Во второй типографии печатались на французском языке небольшие сборники условных масонских знаков, ударов и т. д., и здесь же, у Лопухина, был отпечатан и его «Моральное наставление для правдивых». Катехизис этот, как говорит Лопухин, он отдал знакомому книгопродавцу продавать, как новую книжку, полученную из чужих краев¹⁷.

В числе домов Новикова в Москве был, затем известный своею доходностью и обширностью, так называемый Шипов дом и здание Спасских казарм. Новиков помимо домов имел обширную книжную лавку в Москве и комиссионеров в шести губернских и уездных городах. Новиков имел в Москве много друзей, в числе которых были самые влиятельные люди, как, например, московский главнокомандующий князь Долгоруков-Крымский, преемник его граф З. Г. Чернышев, гр. П. Панин, московский куратор университета Херасков и мн. другие.

Последний и дал возможность снять Новикову в аренду типографию Московского университета и издавать «Московские Ведомости»; при Новикове последние, вместо малой четверки, стали печататься в большую и в две колонны и выдаваться по средам и субботам. В кабинете этого содержания типографии стали собираться вельможи и профессора и люди,

замечательные по своим дарованиям; одни содействовали успехам российской словесности своим влиянием, другие – своими трудами и советами. «Ведомостей» тогда расходилось уже до 4 000 экземпляров.

Желая приохотить публику к чтению, он завел первую в Москве библиотеку для чтения, открытую в его доме у Никольских ворот, для безденежного пользования всеми желающими. Книжная деятельность Новикова росла, типографские станки работали без устали, Москва зажила сильным литературным движением.

Когда было назначено освидетельствование книг, находящихся в магазинах Новикова, то реестр показал, что их было 362 книги разного названия, 3 названия отпечатанных, но не поступивших в продажу, и 55 названий еще печатавшихся в его типографиях. Но скоро гроза постигла Новикова, общество мартинистов обратило на себя внимание правительства, и в числе первых таких жертв был Новиков и его близкий друг И. В. Лопухин. Главнокомандующий тогда в Москве князь А. А. Прозоровский приказал книжные магазины и типографию Новикова запечатать, и 11 февраля 1793 года по указу Екатерины II всех новиковских изданий было сожжено 18 656 книг. Лопухина сослали на жительство в деревню, Новикова же постигла участь более тяжкая.

Он жил тогда в деревне своей и сильно скучал, предчувствуя еще большую беду, и, как рассказывали его дети, несколько дней сряду прилетал на крышу его дома ворон и зловещим своим криком не давал покоя ни хозяину, ни его семейству. Вскоре Новиков был арестован, взят под стражу и привезен в Москву, где содержался три недели. За Новиковым в село его «Авдотьино» был послан целый эскадрон полицейских драгун под начальством князя Жевахова.

По этому случаю граф К. Г. Разумовский сказал князю Прозоровскому:

– Вот расхвастался, как город взял! Старичонка, скорченного геморроидами, взял под караул. Да одного бы десятского или будочника за ним послать, так и притащили бы его.

Для следствия над Новиковым прислан был в Москву известный Шешковский, и после вопросных пунктов, данных им Новикову, на которые он отвечал удовлетворительно, ему была предложена подписка в том, что он отказывается от своих убеждений и признает их ложными. Новиков не согласился дать подписку и был отправлен в Шлиссельбург; по просьбе его ему было дозволено взять с собою одну книгу – Библию, которую он читал во время своего заточения и выучил всю наизусть.

В Шлиссельбурге сначала содержали его очень строго, но впоследствии императрица дозволила ему прогуливаться внутри крепости. Там Новиков содержался до вступления на престол Павла I. О судьбе Новикова в Москве ходили разные тайные слухи. Так, в дневнике А. Т. Болотова находим под числом 12 января 1796 года:

«Славного Новикова и дом, и все имение, и книги продаются в Москве из магистрата, с аукциона – и типография, и книги, и все. Особливое нечто значило. По-видимому, справедлив тот слух, что его нет уже в живых – сего восстановителя литературы».

После Новикова университетская типография поступила на откуп к известному в свое время архитектору, ученику и помощнику Баженова, Василию Ивановичу Окороккову, с его родственником Цветушкиным В это время типография и книжная и газетная лавка перемещены были от Воскресенских ворот на Тверскую, в дом бывшей Межевой канцелярии, который впоследствии был пожалован Екатериною II Московскому университету.

С этого времени и Вражский Успенский переулок, идущий с Тверской на Никитскую улицу, стал называться «Газетным», потому что в нем была первая газетная лавка, где подписчикам раздавались московские газеты. Впоследствии там, где была книжная лавка, существовала церковь университетского благородного пансиона.

По возвращении из Шлиссельбурга Новиков по зимам жил в Москве, а летом в селе Авдотьино; приехал он из ссылки дряхлым стариком, в разодранном тулупе. Московские старожилы, жившие еще в пятидесятых годах, хорошо помнили старика Новикова, ходившего с палкой, в гороховом широком сюртуке, черном бархатном жилете и белом галстуке. Черные волосы его, уже тогда редкие на лбу и на висках, зачесанные назад, открывали красивый его лоб, брови его дугою, орлиный нос; нижняя часть лица выражала кротость и добродушие.

Вот как описала наружность Новикова княгиня Е. Р. Дашкова в письме к И. В. Лопухину:

«Мне он тотчас же бросился в глаза, и я бы тотчас его узнала, без всех ваших рекомендаций, по одному его черному пасторскому кафтану, по его башмакам с черными, особенно глянцевыми пряжками. Лицо его открыто; но не знаю, я как-то боюсь его: в его прекрасном лице есть что-то тайное».

Всегдашним спутником Новикова в прогулках по улицам Москвы был его душевный друг, тоже масон, бывший правитель канцелярии главнокомандующего в Москве графа Чернышева О. И. Гамалея; последний был небольшого роста, имел высокий лоб, маленькие глаза с нависшими бровями; в обществе был молчалив, отчего казался суровым, но у себя в кабинете был очень ласков и словоохотлив, говорил очень убедительно и с одушевлением.

Вышедши в отставку, он не имел ничего и потому был приглашен Новиковым жить у него в деревне, где к окошку его комнаты приходило множество нищих, и он всегда сам выходил на крыльцо, разговаривал с ними и раздавал медные деньги. Гамалея получал пенсии сто рублей в год; в службе он был бескорыстен и никогда никто не смел ничего предложить ему в знак благодарности. Рассказывают, что один богатый московский купец, будучи чем-то ему обязан, хотел угостить его обедом и, узнав, что он любит рыбный стол, достав лучшую и редкую рыбу, он позвал своих знакомых и пригласил Гамалея; последний принял его приглашение только с условием, чтобы весь стол был приготовлен из любимой его рыбы, самой дешевой плотвы.

Купец понял намерение честного Гамалея, отказал своим гостям и должен был с ним вдвоем есть плотву, которой, может, и вкусу до того времени не знал.

Сам Новиков был такой же глубоко религиозный и чисто нравственный человек, как и друг его; про него выразился митрополит Платон:

«Дай Бог, чтобы во всем мире были христиане таковые, как Новиков».

Новиков обладал огромными талантами, образованием и благороднейшим характером; он был главою кружка московских масонов; лучшие люди его времени, как, например, граф Чернышев, Лопухин, Репнин, Тургенев, митрополиты Платон, Михаил (Десницкой) и Серафим (Глаголевской), считали его своим другом.

Новиков умел адептам своим словом внушать подвиги чисто христианской братской любви.

Известен, например, следующий случай, когда в Москве был голод и на съестные припасы стояла неслыханная дороговизна. В одном из собраний своего общества бедствия неимущего класса были описаны им так красноречиво, что один из слушателей встал, подошел к оратору и прошептал ему что-то на ухо; это был человек нестарый, известный богач, премьер-майор Г. М. Походяшин¹⁸. Речь Новикова так сильно на него подействовала, что он тут же отдал на помощь бедным все свое огромное состояние.

На деньги этого богача Новиковым была открыта безденежная раздача хлеба неимущим в Москве; это изумило всех москвичей, хотя и привыкших к благотворительным действиям Новикова. Никто не мог понять, откуда взялись средства к такому благодеянию, когда четверть ржи стоила двадцать рублей.

С этой минуты добровольно разорившийся Походяшин исполнился какого-то благоговения к Новикову. В Москве думали, что он разорился на лечение своей жены, и только впоследствии узнали настоящую причину его бедности. Походяшин пережил Новикова; над смерт-

ным одром его висел портрет Новикова и смотреть на него было единственным утешением человека, жившего когда-то в роскоши и умиравшего на чердаке в положении, близком к нищете. Просвещеннейшие москвичи весьма сочувственно относились к деятельности Новикова и были усерднейшими его адептами. Но, несмотря на все добрые дела московских масонов и очевиднейшую их благонамеренность, в тогдашнем обществе об них ходила самая дурная слава.

Одной из важнейших причин такой дурной славы, без сомнения, должно считать ту таинственность, в которую их учение облекало все собрания. Державин говорит о своей тетке Блудовой, считающей появившихся в Москве масонов отступниками от веры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которых разглашали невероятные басни, что они заочно за несколько тысяч верст неприятелей своих умерщвляют, и тому подобные бредни.

Про масонов говорили также, что в их обществе мужчины и женщины живут все безразлично одни с другими, что члены их дурачат идиотов и обирают их, что они идолопоклонники, служения свои производят на высотах или подвалах, причем исполняют многие магические обряды, проводят на земле черты и фигуры, разводят огни, делают заклинания, клянутся на мертвой голове, спят в гробах со скелетами и проч.

Рассказывали также про обряды посвящения, что брали при этом клятвы служить дьяволу. Также порицали все знаки и непонятные слова для профанов при встречах и при разговорах масонов друг с другом.

Но вот кто были эти страшные московские масоны, или мартинисты, во главе которых стоял Новиков. По словам записки Карамзина, составленной для того, чтобы напомнить о печальной судьбе семейства Новикова, они были не что иное, как христианские мистики; толковали природу и человека, искали таинственного смысла в Ветхом и Новом Завете, хвалились древними преданиями, унижали школьную мудрость и проч.; но требовали истинных христианских добродетелей от учеников своих, не вмешивались в политику и ставили в закон верность к государю.

Помимо этого, мартинисты имели и другое глубокое значение: они проповедовали чистую евангельскую любовь, не щадили капиталов в пользу благотворительности бедным и несчастным, и заботились об устройстве больниц, аптек и школ. Нравственная сторона их учения заслуживает полной симпатии; она вполне объяснена в «Катехизисе» П. В. Лопухина, отпечатанном на французском языке, и в других масонских сочинениях.

Наклонность к мистицизму, составлявшему одно из существенных качеств масонов, была характеристической чертой века; мистицизм возник в противовес крайнему учению энциклопедистов.

Существует рассказ, что глубоко религиозный Новиков был выбран друзьями-масонами без всяких предварительных объяснений. Однажды посещавшие его приятели собрались к нему в известном числе и, после небольшого вступления, не требуя от него обета, прочли ему принятие и против ожидания его поздравили членом своего общества.

– Мы знаем тебя, – говорили они, – знаем, что ты – честный человек, и уверены, что не нарушишь тайны.

Общество, в которое введен Новиков, составляло «Великую провинциальную ложу», мастером которой был И. П. Елагин, секретарем ложи – известный стихотворец В. И. Майков¹⁹. Между московскими масонами в первое время по открытии лож находилось много людей, серьезно преданных благу человечества, желавших распространения просвещения и благотворительности.

Но позднее, в павловское и александровское время, принадлежать к масонам было лишь просто модой, завезенной из-за границы, и большинство светских людей вступало в ложу лишь ради заманчивой таинственности и тесного равенства, соединяющих между собою вообще масонов, несмотря на различие сословий и национальностей.

Избрание таких «профанов» в первую степень масона «шотландского ученика» в ложах сопровождалось разными таинственными приемами. Посвященного, с завязанными глазами, полураздетого, с оголенным плечом и рукою, водили по подземельям, заставляли клясться на Библии и мече, окружали остриями мечей, ставили на каббалистический треугольник или ковер, клали в гроб, заставляли переплывать воду или пробегать через огонь и т. д.

В конце концов испытываемому вручали передник и перчатки и давали еще небольшой ключ из слоновой кости, отпирающий дверь ложи; при этом «шотландскому ученику» сообщался пароль или слово, по которому он узнавал брата-масона; помимо этого, объяснялось также ему, как делать рукопожатие и другие знаки при встречах с незнакомыми братьями-масонами.

Масоны позднейшей уже, Александровской, эпохи любили носить различные знаки в виде булавок, брелок, перстней с «мертвой головой» и т. д. Одно время отличительным признаком всякого масона был длинный ноготь на мизинце. Такой ноготь носил и Пушкин; по этому ногтю узнал, что он масон, художник Тропинин, придя рисовать с него портрет. Тропинин передавал покойному князю М. А. Оболенскому, у которого этот портрет хранился, что когда он пришел писать и увидел на руке его ноготь, то сделал ему знак, на который Пушкин ему не ответил, а погрозил ему пальцем. Этот – бесспорно лучший портрет нашего поэта – принадлежал затем дочери князя М. А. Оболенского, княгине А. М. Хилковой.

Каждый вступающий в масоны в екатерининское время, пред введением в ложу, обязан был клятвенно обещать исполнить наистрожайше следующее:

- 1) Прилежное упражнение в страхе Божиим и тщательное исполнение заповедей евангельских.
- 2) Непокосимую верность и покорность своему государю, с особливою обязанностью охранять престол его не только по долгу общей верноподданым присяги, но и всеми силами стремясь изобретать и употреблять всякие к тому благие и разумные средства, и таким же образом стараясь отвращать и предупреждать все, оному противное тайно и явно, наипаче в настоящие времена адского буйства и волнения против властей державных.
- 3) Рачительное и верное исполнение уставов и обрядов своей религии и т. д. (только одни христиане могли быть выбраны в масоны).

Затем следовало «приуготовление».

В назначенной комнате приготавлилось три стола, покрытые один черным, другой белым, третий желтым; на первом лежала Библия, раскрытая на 6 и 7 главах Книги Премудрости Соломоновой, знак рыцаря, т. е. крест в сердце, обнаженный меч, погашенный светильник, кость мертвой головы, над которой зажженная лампада, небольшой сосуд с чистою водою и дощечка с надписью: «Познай себя, обрящещи блаженство внутрь тебя суще». На втором столе полагалось изображение пламенной звезды, а на третьем – рукомойник с водою, белые перчатки и мастерская золотая лопатка.

Введение профана к приуготовлению.

Он вводился с завязанными глазами, в мантии, на которой изображено на левой стороне обвитое змеем сердце, посреди сердца – малый свет, еще помраченный тьмою. Затем следовала первая беседа – брат-вводитель обращался к вводимому с вопросами: восчувствовал ли он, что тьма его окружает, истинно ли желает искать премудрости и т. п., и потом надевал на него знак рыцаря, прикрепленный к шнуру, на котором пять узлов – в ознаменование, что он должен обуздать свои чувства. Вторая беседа – поступающий в общество должен омыть свои глаза, и тут же ему вручается меч на борьбу с царством тьмы и возженный светильник для освещения пути к храму премудрости. Третья беседа – вместо прежней надевается на него другая мантия, у которой левая сторона белая, с изображением кровоточивого сердца, окруженного лучами

света; правая же сторона мантии – темная. Кандидат оmyвает руки, надевает белые перчатки и вводителъ привешивает ему лопатку.

Принятие. Вводителъ стучится в двери к председателю, и на вопрос: «Кто там?» брат-обрядоначалъник отвечает: «Испытаннй, омовеннй, знаменем избрания и ранами, на добром подвиге полученными, украшеннй, желатель премудрости». – «Таковому не должно и не можно воспретить вход», – отвечает председателъ. Кандидат входит и дает обещание стараться всеми силами: 1) испрашивать премудрости от Бога, служить Ему и кланяться духом и истиною; 2) хранить душу и тело от осквернения и прилежно убегать всего, что может препятствовать наитию духа премудрости, ибо в злохудожную душу не внидет премудрость, ниже обитает в телесе, повиннем в грехе; 3) любить ближних и служить им желанием, мыслями, словами, делами, примером.

После разных обрядов и наставлений председателъ дает ему золотое кольцо с вырезанным внутри крестом и словами: «Помни смерть» рыцарский знак надевается на него уже на розовой ленте, а мантия – белая; вместе с этим нарицается ему новое имя.

Выборы в степени «учеников, братьев и мастеров» и в другие высшие степени всегда зависели от собрания «Великой ложи». Все масоны, несмотря на различие национальностей и положения, были связаны между собою тесными узами.

Самые торжественные собрания у масонов происходили накануне праздника Рождества Христова.

В этот вечер все собирались во всех своих украшениях, под предводительством старшего настоятеля, читались торжественные речи, затем садились за стол, беседовали «в благоустройном веселии и пениях благочестивых», продолжая это до самой полуночи. Как же скоро пробьет 12 часов, то по знаку настоятеля все вставали и, воспев радостную песнь в прославление Спасителя мира, закрывали собрание.

В этот вечер делался главнейший сбор деньгами на какую-либо «чувствительнейшую помощь ближним, во славу рождагося Спаса».

В масонских собраниях XVIII века пелись различные хоры и песни, многие из таких песен сопровождались постукиванием рюмок и стаканов – рюмки и стаканы, употребляемые на масонских банкетах, были особенной формы, с толстым и крепким дном. В начале шестидесятых годов были еще живы два – три старика из придворных певчих, которые певали в былые годы масонские песни в ложах. Сборник масонских песен был отпечатан тайно в какой-то типографии, с обозначением города Кронштадта.

В Москве масонских лож существовало более сорока. Первая из масонских лож «Клио» – была основана в 1763 году, есть известие, что императрица Екатерина II была попечительницей (tutrice) ложи Клио²⁰. Десять лет спустя в Москве была основана вторая ложа – «Трех мечей»; в этой ложе был мастером известный друг Новикова – Шварц. Ложа располагала большими денежными средствами, которые получила от графини Чернышевой. В 1774 году была основана третья ложа в Москве приезжими купцами-иностранцами и носила она название «Иностранное собрание». В 1775 году из Петербурга перенесены ложи «Латоны» и «Горуса», и в этот же год под управлением Новикова открыты четыре еще младшие ложи, где мастерами были Лопухин, Гамалея, Кутузов и Ключарев, и в этот же год была перенесена из Петербурга в Москву «Ложа Озириса», и также основан в Москве орден «Тамплиерства» бароном Бенингсоном Ешевский говорит²¹, что братья-масоны усомнились в законности Бенингсова основания и обращались через посредство ложи «Трех глобусов» к герцогу Брауншвейгскому. В 1779 году основаны ложи «Аписа», «Трех христианских добродетелей», «Трех Знамен», или «Матеръ-ложа» (мастером здесь был П. А. Татищев); под начальством Татищева в Москве работали еще три других масонских ложи: в одной из них мастером стула был сын Татищева, в другой – купец Таусен.

Около этого же времени в Москве, по показанию Новикова, были еще две ложи «настоящих французских»; в одной из этих лож главным двигателем был приезжавший в то время в Москву известный граф Калиостро.

В 1786 году была в Москве еще эклектическая ложа «Гармония», где соединялись «братья» разных лож для лучшего устройства русского масонства. Мастером был в ней известный Шварц. В 1782 году 21 октября была основана ложа «Девкалиона»; мастером стула здесь был известный Гамалея.

В 1783 году открывается в Москве ложа «Сфинкса»; под начальством князя Гагарина эта ложа была признана четвертой ложей-матерью. В 1784 году в Москве возникает ложа «Блистающей звезды», под руководством мастера стула И. В. Лопухина; затем ложа «св. Моисея», где мастером был Ф. П. Ключарев, и ложа «Светоносного треугольника», здесь мастером стула был А. М. Кутузов, и в этом же году 1 сентября московские розенкрейцеры учреждают «Типографскую компанию».

1785 и 1786 годы для московских масонов полны разных тревог; в эти годы масонство со стороны правительства подпадает под строгий присмотр. 23 декабря выходит указ Екатерины II к митрополиту Платону и графу Брюсу об испытании Новикова в законе Божиим и рассмотрении изданных им книг; через месяц следует другой указ – московскому губернатору П. В. Лопухину об осмотре масонских больниц и школ.

В этом году ходят в московском обществе упорные слухи, что некоторые масонские собрания стали превращаться в политические клубы; молва обвиняет в якобинстве гр. Строганова, Репнина, Шувалова и еще некоторых других вельмож. В 1786–87 годах московские розенкрейцеры просят покровительства у великого князя Павла Петровича. В 1788 году основывается в Москве ложа «Пламенеющей звезды». В марте 1790 года опять гроза наступает для масонов. Екатерина II поручает князю Прозоровскому следить без огласки за московскими масонами; в следующем году уже в Москву приезжают гр. Безбородко и Архаров для разведывания о масонах; в ноябре этого же года уничтожается «Типографская компания».

В 1792 году, как мы выше уже упомянули, – обыск типографии Новикова и арест его самого и заключение в крепость в Шлиссельбурге. Затем строго следят за всеми масонами, делают обыски и идут аресты. Так, возвращавшихся из-за границы масонов Невзорова и Колокольникова сперва заключают в Невский монастырь, а после сажают их в крепость.

В 1793 году выходит указ Екатерины об истреблении запрещенных и вредных новиковских изданий; вследствие этого сожжено на Болоте руками палачей более 18 656 книг.

В последующем году и в царствование императора Павла I в Москве о масонстве нет никаких известий, но несомненно, что ложи за все эти годы действовали, но держались в большой тайне. Снова же масонские ложи в Москве воскресают уже в царствование императора Александра Благословенного; в числе первых лож этой эпохи здесь известны были «Ложа тройственного спасения», основанная от «Астреи»; мастером стула здесь был купец Розенштраух; ложа эта помещалась в Демидовом переулке, в приходе Богоявления Господня; «братьями» были здесь почти все иностранцы.

Затем в то время не менее известна также была ложа «Ищущих манны», где мастером стула был С. П. Фонвизин, ритор А. И. Поздеев, известный орловский помещик Малоархангельского уезда; первый стуарт был В. Л. Пушкин. В 1822 году вышло запрещение тайных обществ и масонских лож и затем, в 1829 году, – новое подтверждение этого запрещения. Но, кажется, несмотря на строгое запрещение, масонские ложи тайно еще в Москве существовали, хотя в крайне ограниченном числе.

Так, пишущему эти строки передавал известный московский старожил, директор Московского архива, покойный князь М. А. Оболенский, что еще в конце пятидесятых годов XIX столетия где-то на Полянке существовала тайно масонская ложа, где по ходившим в городе слухам, мастером стула был известный в то время проповедник одной из церквей на Арбате.

В шестидесятых годах на Мясницкой улице, напротив почтамта, в доме бывшем Кусовникова, существовал целый ряд комнат со всеми атрибутами и украшениями прежнего масонства. Владельцы этого дома, очень состоятельные, но скупые старики, муж с женой, поселившиеся без прислуги в доме тотчас по уходе французов из Москвы, с переездом в дом и войдя в первую из таких масонских зал, обитую всю черным, со скелетом в углу и с «ремешками» на стенах, как они называли иероглифы, из суеверного страха и перепуга так и не решились обойти всех комнат, а заблагорассудили заколотить двери навсегда.

Оригиналы-старики прожили в доме более пятидесяти лет, ни разу не переступив порога таинственных и страшных комнат фармазонов.

А. А. Мартынов²² говорит, что дом Кусовниковых ранее более 80 лет был во владении Измайловых, и позднее, когда перешел к последним владельцам, то многие годы являл собою вид запустения и одичалости в центре московского движения: ворота его редко растворялись, на дворе виднелся обширный огород. Владельцы его вели жизнь загадочно отшельническую, не имели прислуги, кроме дворника, и выезжали кататься лишь по ночам. В Москве об этом доме ходило немало толков.

ГЛАВА V

Второй приезд Екатерины в Москву. – Село Коломенское. – Последний приезд Екатерины в Москву. – Анненгофский сад и дворец, – Празднества во время пребывания Екатерины в Москве. – Соколиное поле. – Сокольники и его прошлое. – Народные празднества при императоре Александре I. – Первое мая в Сокольниках в старину. – Дача графа Ростопчина. – Начало московских народных гуляний. – Старые кунстмейстеры, балансеры, великаны, скоморохи, гусяры и проч. – Гулянье на Масленице. – Кулачные бои. – Санное катанье и маскарад.

В конце июня 1787 года Москва снова увидела Екатерину II. Императрица приехала в древнюю столицу на возвратном пути своего путешествия из Крыма. В Москве государыня намеревалась отпраздновать двадцатипятилетие своего царствования. Екатерина ехала с блестящей свитой, при ней были три посланника: английский – Фитц Герберт, французский – Сегюр и австрийский – Кобенцел. Государыня в шутку называла их своими карманными министрами. Затем в свите был еще князь де Линь, граф Ангальдт и в числе других замечательных лиц, сопровождавших государыню в путешествии, находились графы Чернышев, Безбородко и Дмитриев-Мамонов. Последнего государыня называла «Красным кафтаном». «Под этим красным кафтаном, – говорила она, – скрывается превосходнейшее сердце, соединенное с большим запасом честности. Наружность его так же совершенно соответствует внутреннему достоинству: черты лица правильны, чудные черные глаза с тонконарисованными бровями, рост несколько выше среднего, осанка благородная, поступь свободная» и т. д. (Такой, как описывает императрица, блестящей наружности портрет графа Мамонова, кажется, единственный, висит в Царскосельском дворце, в круглой агатовой комнатке; писан он карандашом на небольшой белой мраморной дощечке; молодой красавец изображен одетым в какой-то маскарадный костюм).

Государыня, не доезжая десяти верст до Москвы, остановилась в селе Коломенском; приехав сюда, императрица уже нашла своих внуков, расположившихся здесь с начала июня месяца. Государыня остановилась во дворце, построенном в шесть месяцев. Начат он был почти в день выезда императрицы в путешествие. Стоял он на том же месте, где теперь стоит и нынешний, близ церкви Вознесения, но он был гораздо обширнее теперешнего.

По рассказам коломенских старожилов, здание Екатерининского дворца занимало большую часть той площади, которая теперь находится между воротами Вознесенской и Георгиевской церковью и садом, примыкающим к одноэтажному павильону, находящемуся на левой стороне нынешнего дворца. Екатерининский дворец был о четырех этажах: два нижние были каменные, а верхние – деревянные.

Около дворца стоял «Оперный дом», а против дворца через Москву-реку был деревянный мост. В этом дворце жила императрица, а с нею и внуки ее Александр и Константин. До сих пор еще в Коломенском живо предание о том, как учился под кедром Александр и как он с братом Константином стрелял из пистолета в Дьяковском овраге²³.

Дворец, в котором жила Екатерина II, безжалостно приказал сломать бывший начальник Кремлевского дворца князь Н. Б. Юсупов и перевезти его в Кремль. Старый же дворец царя Алексея Михайловича, в котором родился Петр Великий, был сломан еще в 1767 году. В это время дворец был настолько ветх, что не было уже возможности поддерживать его, а потому императрица и приказала разобрать его; уважая отечественные древности, Екатерина приказала сделать вернейшую модель старого дворца, которая, как пишет А. Корсаков²⁴, дол-

гое время хранилась вместе с прочими редкостями в московской Оружейной палате, но где находится теперь – неизвестно²⁵.

По рассказам Берхгольца, бывшего в нем 4 мая 1722 года, в нем было 270 комнат и 3 000 окон. «В числе комнат есть красивые и большие, но все вообще так ветхо, что уже не везде можно ходить, почему наш вожатый в одном месте просил нас не ступать по двое на одну доску, и мы, конечно, не пошли бы, если бы нам об этом было сказано прежде; но он думал, что так как сам император еще недавно всюду ходил там, то и нас необходимо поводить». «Коломенский дворец, – добавляет Берхгольц, – построен 60 лет тому назад отцом его величества, который и сам не далее как за 27 лет еще жил в нем, и потому назначил теперь известную сумму на его возобновление».

В Петровскую эпоху в летнее время в селе Коломенском стояло до 31 000 солдат лагерем.

Коломенские плодовые сады, скотный и птичий дворы были первые в России. Все празднества, бывшие во время коронации Екатерины I, Петра II, Анны и Елизаветы, устраивались в этом дворце. Император Петр II часто ездил сюда на охоту, а в 1729 году провел здесь все лето. Особенно императрица Елизавета Петровна заботилась о поддержании и сохранении дворца своего деда, где в то время хранилась и колыбель великого ее родителя. Императрица, живя в Москве, любила приезжать в Коломенское со знатнейшими лицами своего двора и угощала их там столом по старинному царскому положению.

Императрица Екатерина также очень любила Коломенское и поэтически описывала его в своих письмах, хотя и говорила про него, что Коломенское относится к Царскому Селу, как плохая театральная пьеска к трагедии Лагарпа. Императрица прожила в Коломенском три дня, и в воскресенье, 27 июня, накануне дня своего вступления на престол, утром в десятом часу был назначен парадный въезд в столицу. Поезд открывал впереди всех земский исправник Московского округа с заседателями и полицейскими драгунами, за ним ехал почт-директор со своими чиновниками и почтальонами верхом, потом конвойная губернская команда, выборные из дворянства, почетные дворяне верхом и затем уже карета императрицы, впереди которой шли два скорохода, а за ними двенадцать пар ординарцев, карета в восемь лошадей цугом, у стекол стояли великаны; государыня сидела с великими князьями, а сзади кареты ехал московский губернатор генерал-майор Петр Васильевич Лопухин.

По приближении государыни к городским воротам встретили императрицу главнокомандующий Московский П. Д. Еропкин с генералами и прочими высшими чинами и поехали в свите по бокам ее кареты, за ними уже следовали в придворных каретах чужестранные министры и придворный штат, составлявший свиту императрицы. У самой Серпуховской заставы были устроены триумфальные ворота с разными символическими и аллегорическими изображениями; в боковых нишах ворот помещались два оркестра музыки: инструментальный и вокальный. Здесь же ожидали прибытия императрицы все городские власти, именитое купечество, ремесленные цехи со старшинами, и от первых стояли городской голова и выборные с хлебом-солью. Когда поезд подъехал к воротам, городу было дано знать 51 выстрелом из пушек, поставленных у заставы; с приближением же кареты императрицы к воротам раздалась музыка и послышалось пение «кантов», на приезд государыни сочиненных. По принятии государынею хлеба-соли кортеж двинулся дальше. У каменного Всесвятского моста императрицу ожидали директор Главного народного училища с учителями и учениками, поставленными по обеим сторонам улицы. Лишь только императрица проехала мост, городской артиллерией был произведен 101 выстрел, и во всей Москве раздался колокольный звон.

При въезде Екатерины в Воскресенские ворота заиграла поставленная на них бальная, а на гауптвахте полковая музыка. В Спасских воротах, где ожидал ее московский обер-комендант со своими чинами, играла гарнизонная музыка.

Государыня отправилась в Успенский собор, где была встречена архиепископом Платоном с духовенством. По окончании литургии государыня прикладывалась к святым иконам и

мощам. Г. Любецкий передает следующий любопытный рассказ о наречении в этот день Платона митрополитом. Протодиакон получил во время литургии тайное повеление императрицы: при словах «преосвященного Платона, приносящего св. Дары Господеви и Богу нашему» провозгласить его митрополитом. Платон, думая, что протодиакон ошибся, заметил ему это из алтаря, но, когда тот снова повторил то же самое, тогда Платон догадался, в чем было дело. Он выступил в царские двери, поклонился государыне и отблагодарил ее импровизированной речью. После обеда императрица посетила Платона и потом со свитой отправилась к главнокомандующему Москвы, где был приготовлен для государыни и всех высших особ обеденный стол. А. Корсаков говорит:

«Это был четвертый и последний триумфальный въезд наших государей из Коломенского в Москву. Был еще пятый въезд, но это был нерадостный, встреченный с горем и плачем, и с унылым звоном колоколов московских. То был печальный поезд, тянувшийся из Таганрога с прахом Александра Благословенного».

Екатерина II в свой приезд 1787 года остановилась в Пречистенском дворце, в первые же приезды в Москву государыня жила в Головинском дворце против Немецкой слободы, за Язуою. Последний дворец существовал еще при императоре Петре Великом: при этом государе голландец Тимофей Брантгоф разводил здесь сад.

Императрица Анна Иоанновна очень любила этот сад и приказывала даже называть его своим именем – «Анненгоф». Когда эта государыня в первое время жила здесь, то перед дворцом лежал один только большой луг и не было ни одного деревца.

Раз императрица, гуляя со своими приближенными, сказала: «Очень бы приятно было гулять здесь, ежели бы тут была роща: в тени ее можно бы было укрыться от зноя». Несколько дней спустя было назначено во дворце особенное торжество, по случаю какой-то победы. Императрица, встав утром рано, по обыкновению подойдя к окну, чтобы посмотреть на погоду, была поражена удивлением: перед глазами ее стояла обширная роща из старых деревьев.

Изумленная царица потребовала объяснения этого чуда и ей доложили, что ее придворные, которым она несколько дней тому назад, гуляя по лугу, выразила свое желание иметь здесь рощу, воспользовались мыслью государыни и тогда же вечером разбили луг на участки, и каждый, кому какой достался по жребию участок, со своими слугами в одну ночь насадил его отборными деревьями.

П. Львов, у которого мы заимствуем это предание, говорит, что еще в его время здесь были деревья, на которых можно было видеть имена придворных, которые их сажали. Глинка говорит, что роща, принадлежащая к дворцу, была будто бы насажена еще самим Петром Великим и что государь здесь лично делал окопы; место же под сад взято у Лефорта.

В Анненгофский сад были выписаны разных родов деревья из Персии; но все эти заморские растения от худого присмотра погибли в дороге, не прибыв еще в Москву. По отчетам садовника Дениса Брокета, для этого сада часто были покупаемы у жителей Немецкой слободы тюльпаны, нарциссы, лилии и другие цветочные и луковичные растения.

Из производства Интендантской конторы, в которой состоял Анненгофский сад и дворец, видно, что ежегодно на содержание сада и устройство его отпускаема была сумма в 30 000 руб. Заведовал ими обер-гофмейстер С. А. Салтыков и обер-архитектор Растрелли. Кроме того, ближайшим смотрителем над строением Анненгофских садов был архитектор Петр Гейден. В Анненгофских садах кроме главного садовника находился смотритель из военных. Таковым был в 1741 году подпрапорщик Афанасий Федоров с жалованьем по 1 рублю в месяц.

Интересны также существовавшие тогда цены на растения. Так, из справки видно, что крестьянин Филатов обязался перевезти в новый Анненгофский сад из вотчины князя П. В. Урусова Московского уезда, из села

Садков – Знаменское тоже, по Серпуховской дороге, в 17 верстах от Москвы, из рощи липовых деревьев штабмовых 2 000, шпалерных 1 000 и более, ценою с вырыванием и перевозкою: за штабмовые по 6 руб, а за шпалерные по 3 рубля за сотню. В 1741 году весною крестьянин цесаревны Елизаветы Петровны доставил для посадки в новый сад разные деревья, толщиною «в рублевик» и «в полтинник», а именно: ильмы по 6 коп. за дерево, ясени по 6 коп. за дерево, клен по 3 рубля за сто, орешник толщиною «в полтинник» по 1 рублю за сто. Садовые ученики получали жалованье в треть по 5 рублей. Они носили мундир: «кафтаны серые, камзолы красные, штаны козлиные».

Из таких же отчетов и описей Анненгофского сада видим, что в те годы в саду было девять прудов с рыбою и несколько беседок; также там стояли каменные статуи «Венус», Самсон, сфинксы золоченные и проч.

О пространстве, какое занимал Анненгофский сад, точных указаний нет. Впрочем, об обширности его можно судить из того, что в 1740 году наряжены были Главною дворцовой канцеляриею дворцовые крестьяне из сел Троицкого-Голенищева, Измайлова, Коломенского, Софьины и Братовщина для перевозки в сад одного только навоза из Остоженских конюшен.

В каких размерах здесь были устроены оранжереи, можно заключить из того, что на отопление их отпускалось ежемесячно 45 сажен.

Вскоре после кончины Анны Иоанновны деревянный дворец сгорел. Следы этого дворца существовали еще в двадцатых годах нынешнего столетия; П. С. Валуев, бывший президент Кремлевской экспедиции, устроил на фундаменте этого дворца галерею и беседку. В двадцатых годах нынешнего столетия здесь было самое модное гулянье. Императрица Елизавета Петровна приказала невдалеке от старого дворца построить новый, тоже деревянный. Дворец этот в народе стал называться «Головинским»; название это произошло оттого, что как строитель дворца, так и поставщик материалов для дворца – оба носили одну фамилию Головиных.

Во время чумы в Москве в этом дворце поселился присланный из Петербурга князь Гр. Орлов, но чуть ли не на третий день по его приезде Головинский дворец, как мы уже говорили, сгорел до основания. Одни полагали, что дворец сгорел от неосторожности во время топки камина, другие же уверяли, что от поджога Императрица Екатерина II на место прежнего деревянного приказала построить каменный, назначив строителем знаменитого русского зодчего В. И. Баженова. Как план Головинского дворца, так и все украшения в нем были рассматриваемы и утверждены Екатериною II. Все эмблемы лепной работы, которые были над окнами и дверями в Большой зале, были избраны императрицею и каждая из них представляла торжество какой-нибудь добродетели.

Император Павел I приказал этот огромный каменный дворец превратить в казармы, поместив в нем четыре батальона Московского гарнизонного полка, и назвать дворец Екатерининскими казармами. В 1812 году Головинский дворец был почти разрушен французами и только в 1823 году возобновлен и перестроен под надзором генерал-майора Ушакова, директора Смоленского кадетского корпуса, а в следующем 1824 году по воле императора Александра Благословенного из Костромы сюда переведен Смоленский кадетский корпус (бывшее Псковское благородное училище), что затем 1-й Московский Кадетский корпус.

Но, возвращаясь к пребыванию Екатерины II в Москве, мы видим, что с приездом императрицы празднества и торжества пошли каждый день зауряд. Тогдашнее вельможное барство древней столицы один перед другим старалось отличиться своими балами. Кроме таких праздников, государыня часто совершала увеселительные поездки на загородные гулянья, как, например, Сокольничье поле. Здесь в те времена обыкновенно собирались цыгане, кочевавшие тогда на Филых; тогдашние цыгане ходили в своих ярких национальных одеяниях: мужчины – в кафтанах с перехватами и широкими восточных шальварах, а женщины в ярких разноцветных

платях с перекинутыми на одно плечо алыми, выцветшими шалями и с золотыми монетами в ушах вместо серег.

Государыня ездилa со всею пышностью: впереди, перед каретою ее, ехал взвод лейб-гусар в блестящих мундирах, сзади сопровождал ее подобный же конный отряд гвардейской свиты; поздно вечером путь императрицы освещался факелами. Появление государыни на какой-нибудь улице производило полное волнение в народе – всюду неслись восторженные крики и толпа кидалась бегом провожать царицын поезд.

Нередко государыня посещала и Сокольничью рощу. В Сокольниках, на Немецких станах, особенно шумно праздновался день 1 мая городскими жителями. Обычай здесь праздновать первый день весны шел со времен Петра Великого. Сокольничья роща была частью Лосиногo погонного острова, где издревле русские государи любили потешаться звериною и соколиною охотой. В народе это гулянье слывет под именем «немецкого стана или немецких столов». Предание гласит²⁶, что здесь было первое становище немцев, вызванных и добровольно приехавших в Россию и поселившихся в Немецкой слободе, известной под финским названием «Кукуя» или Кукуй.

Сюда на новоселье немцы собирались вспоминать родной свой праздник – «первое мая». Любопытство привлекало сюда и русских, у которых впоследствии и обрусел этот чужестранный праздник, но название «немецких станов» удержалось. Когда в Москву приведены были пленные шведы, Петр I, поселив их близ Сокольничьей рощи, роздал знающим разные мастерства в науку русских мальчиков, которые помещены были в матросской фабрике в Преображенском селе. У царя стоял дворец в Сокольничьей роще; в сороковых годах XIX столетия были еще целы старые липы царской посадки; стояли они в саду Чориковой дачи.

Здесь государь угощал немецких и шведских мастеров, по обычаю их страны, своими столами. Это угощение и прослыло «немецкими столами» и из немецкого гулянья сделалось чисто русским народным гуляньем «первого мая». Существует предание, что государь здесь устраивал воинские потехи с примерными сражениями, осадой и взятием крепостей и сам с ними участвовал в ратоборствах. При дочери Петра, императрице Елизавете, это гулянье пользовалось особенной популярностью. Так, в 1756 году здесь было столько народу, что прогуливаться не было возможности. Карет было в этом году более тысячи.

На Сокольничьем поле император Александр I давал три дня сряду праздник своему народу после коронации. В этот день на обширном поле устроены были беседки и галереи в разных стилях; стояли столы, целые быки мяса с золотыми рогами; жареные гуси, утки, индейки, как плоды, висели на деревьях; винные и пивные фонтаны били без устали; стояли полные вином сороковые бочки и т. д. Государь приехал на гулянье в исходе первого часа, заиграла музыка, и с криком «ура» все столы опустели, и весь сад с яствами исчез, и даже от быков ничего не осталось; только еще фонтаны продолжали бить вином, народ пил из них шляпами, другие подставляли прямо рты к фонтанам. Государь ездил верхом посреди рядов народа и приветливо обращался к толпе со словами: «Кушайте, будьте довольны!» – «Довольны, очень довольны, ваше императорское величество, – отвечал ему один отставной служивый гвардеец времен Екатерины, – тебе только так угощать нас, в тебе, государь, мы видим нашу матушку-царицу!»

По преданию, порядок в этот день царствовал образцовый, не было ни одного скандала, праздник кончился благополучно. Все это произошло благодаря заботливой распорядительности обер-полицеймейстера Каверина и двух полицеймейстеров – Ивашкина и Алексеева.

На этом народном празднике отличился со своею труппою вольтижеров известный в то время привилегированный берейтор Петр Магио.

В первые годы царствования императора Александра в Сокольниках праздник «первого мая» выходил необыкновенно разгульным и многолюдным.

На это народное гулянье приезжали почти все тогдашние вельможи и разбивали здесь свои турецкие и китайские палатки с накрытыми столами для роскошной трапезы и великолепными оркестрами; рядом с такими сказочно пышными палатками в то время стояли простые, хворостяные, чуть прикрытые сверху тряпками шалаши с единственными украшениями – дымящимся самоваром, со сбитнем и простым пастушьюм рожком для аккомпанемента поющих и пляшущих поклонников алкоголя!

А. Гуттенберг. Вид Старой (Красной) площади. Конец XVIII в.

С. П. Жихарев в своих «Воспоминаниях» говорит: «Сколько щегольских модных карет и древних, прапрадедовских колымаг и рыдванов, блестящей упряжи и веревочной сбруи, прекрасных лошадей и претощих кляч, прелестнейших кавалькад и прежалких донкихотов на прежалчайших росинантах».

Описывая одно из таких гуляний 1805 года, он упоминает про палатку своего знакомого Е. Е. Ренкевича, у которого он нашел прекрасное общество и роскошное угощение. Палатка эта была поставлена на самом бойком месте, несколько наискось против палатки главнокомандующего и других вельмож; отсюда все гулянье, на всем его протяжении в обе стороны, было видно. Между тем народ, наиболее тут толпившийся, нетерпеливо посматривал к стороне заставы и, казалось, чего-то нетерпеливо поджидал, как вдруг толпа зашевелилась и радостный крик «Едет! едет!» пронесся по окрестности; и вот началось шествие необыкновенно торжественного поезда, без которого, говорили, гулянье «первого мая» было бы не в гулянье народу. Впереди на статном фаворитном коне своем «Свирепом» ехал граф А. Орлов в парадном мундире и обвешанный орденами. Азиатская сбруя, седло, мундштук и чепрак были буквально залиты золотом и украшены драгоценными камнями. Немного поодаль, на прекраснейших серых лошадях, ехали дочь его и несколько дам, которых сопровождали А. А. Чесменский, А. В. Новосильцев, И. Ф. Новосильцев, князь Хилков, Д. М. Полторацкий и множество других неизвестных мне особ. За ними следовали берейторы и конюшие графа, не менее сорока человек, из которых многие имели в поводу по заводной лошади в нарядных пополах и богатой сбруе. Наконец, потянулись и графские экипажи: кареты, коляски и одноколки, запряженные цугами и четверками одномастных лошадей. Проезжая мимо палатки Ренкевича, А. А. Чесменский приглашал всех находящихся в ней дам к графу на сегодняшнюю скачку.

В начале XIX столетия у Сокольничьей заставы стояла знаменитая дача графа Ростопчина. Спустя сорок лет после нашествия французов от этой роскошной барской усадьбы оставались одни развалины дома и запустелый сад, по дорожкам которого росла трава и ездили иногда для сокращения пути проезжие в телегах.

Все московские гулянья прошлого века отличались от нынешних большим разнообразием и разгулом. И. Е. Забелин весьма верно замечает, что общее веселье тогда поддерживалось и общим участием москвичей, большинство которых не успело еще поставить себя выше народных обычаев и не только не чуждалось, но, напротив, принимало самое живое личное участие во многих забавах простого народа. Гулянья того времени еще во многом сохраняли те первобытные черты, в которых вполне отражалась старинная жизнь, со всеми особенностями и оттенками; эти главные черты были: пьянство, пляски, кулачные бои и т. д.

Одним из центров каждого гулянья был большой шатер, известный в ту пору под кличкой «колокола». Из гуляющих редко кто проходил мимо шатра-колокола, верх которого украшался обыкновенно небольшим флагом и зеленою кудрявою елкою; внутри шатра стояли стойки с бочонками и разную питейную посуду, в числе которой употребительнейшая называлась «плошкою» и «крючком». Это была особая мера, в которой продавалось вино вразливку, и в старину не просили «на водку», а просили обыкновенно «на крючок».

Кроме большого шатра, на гуляньях стояли еще разного рода шалаши и палатки, крытые нередко рогожей и лубком. Здесь помещались трактиры, герберги, продавцы пряников, орехов, царьградских стручьев; также всюду на гуляньях виднелись столы, где дымились самовары с ароматным имбирным сбитнем, продавалась хмельная буза, полпиво и проч. В числе народных забав первое место занимали качели, затем карусели, нынешние детские коньки. Затем давались для народа и драматические представления, устраиваемые в лубочных балаганах, шалашах и других на скорую руку постройках.

Такие балаганы строились обыкновенно на Святой под Новинским, и на Масленице — на Москве-реке. Представления в таких театрах не отличались чистотою; героем комедии был шут или дурак со своими нецеломудренными рассказами и прибаутками; в числе народных зрелищ были еще кукольные комедии и райки, показываемые заезжими иностранцами; приезжали в Москву и разные немецкие шпрингеры, балансеры, позитурные мастера, кунстмейстеры, эквилибристы и великаны; в числе последних в 1765 году, в Немецкой слободе показывался иностранец Бернард Жилли; ростом он был в $3\frac{1}{2}$ аршина, во всем с пропорциональными членами и такой величины, что «не найдено еще человека, который бы свободно не мог проходить под его руку». Великан начал расти только с десятого года. Этот силач представлен был императрице в Царском Селе. Жил в те времена еще итальянец Швейцер в Немецкой слободе и показывал любопытствующим персонам повседневно разные курьезные действия собак и брал за смотрение по рублю.

Другой заезжий француз показывал человека, который был выброшен во время жестокой бури на остров Мартинику и три месяца питался камешками, дававшимися ему в пищу. Жила у Тайницких ворот у малороссиянина Репкова дочь, которая 3 лет от роду играла на гусях 12 пьес, по слуху, самоучкой. Показывалась также на Тверской в екатерининское время у жены Шаберта де Тардия привезенная из Африки птица «струс», которая больше всех птиц в свете, чрезвычайно скоро бегают, имеет особенную силу в когтях, на бегу может схватить камень и так сильно оным ударить, как бы из пистолета выстрелено было; она же птица ест сталь, железо, разного рода деньги и горящие уголья.

За смотрение благородные платили по своему изволению, а с купечества брано было по 24 коп.; простому же народу объявлялась цена при входе.

В числе древнейших народных забав на гуляньях можно было встретить медведя с козою. Затем также на старинных гуляньях славились игрою на рожках тверские ямщики; они же

«оказывали весну разными высвисты по-птичью». Эти простые мужички составляли целые хоры самых разнообразных птичьих голосов, начиная от нежной малиновки до соловья.

Кроме описанных удовольствий на старинных гуляньях можно было встретить и «собачью комедию». С такую ученою комедию на Москве в 1766 году был итальянец Иозеф Швейцер с некоторым числом больших и малых собак, приученных к разным «удивительным действиям», давал он представление в Немецкой слободе, в доме графа Скавронского. За смотра «оних действий» брал сперва по рублю с персоны, но затем позднее и 50 коп., а с «подлого» народа – по 10 копеек с человека.

Давало свои представления в этом же году на придворном театре в Головинском дворце «собрание разных искусников, танцующих по веревке, прыгающих, ломающихся и представляющих пантомиму». Приезжал также в Москву французский королевский механик господин Тезие с удивительной физической и оптической машиной, посредством которой он перспективным представлением по правилам архитектуры показывал города, замки, церкви, сады, гавани, триумфальные ворота и прочие любопытства достойные вещи, которые зрителей довольно приводят в удивление. В 1764 году в Москву наезжал английский берейтор Батес и производил свои «конские ристания».

На Кисловке, близ Никитского монастыря, в доме купца Телепнева «показывал свое искусство с разными удивительными штуками маленький безногий человек»; в Немецкой слободе, в доме француза Мармсона можно было видеть «весьма любопытную машину, называемую оракул».

В Старой Басманной, против Разгуляя, в доме парикмахера Карла Шлаха была машина, которая изображала статуи в движении, «как натуральные люди работают на горах, подкопах и ямах для сыскания руды серебряной и золотой».

Показывал также в Немецкой слободе, в Чоглоковом доме, голландский кунстмейстер Сергер штуки с цидероновою головою и прочими большими итальянскими двухаршинными куклами, которые разговаривали, представлял комедию о «докторе Фаусте», а также у него и ученая лошадь «по-прежнему действовала».

Тот же Сергер перед Рождеством объявил, что у него, в доме Трубникова на Дмитровке, начнется новая комедь из больших итальянских марионеток, которая будет называться «Храбрая и славная Юдифь».

Французский механик Дюмолин показывал удивительную машину, которая «одним разом шесть лент ткет, и самодельную канарейку, которая поет разные арии»; у этого же механика показывалась движущаяся лягушка, которая знает время на часах и, показывая оное, плавает в судне. Показывалась также и голова в натуральную величину, движущиеся действия которой так натуральны, что всех зрителей устрашает.

Помимо итальянских марионеток или кукол были и русские скоморохи, которые разыгрывали роли, наряжаясь в скоморошное платье, надевали на себя хари или маски; некоторые из них носили на голове доску с движущимися куклами, поставленными всегда в смешных и часто в соблазнительных положениях; но больше всего они отличались и забавляли народ прибаутками, складными рассказами и красным словцом. Были между ними глумцы и стихотворцы-потешники. Тешили народ такие скоморохи также и музыкой. В то время еще старых национальных инструментов было несколько; так, гусли, гудки (ящики со струнами), сопелки, дудки, сурьмы (трубы), домры, накры (род литавр), волынки, ленки, медные рога, барабаны, бубны, торбаны и проч.

Самое многолюднейшее гулянье в Москве в старину было на Масленице; главное гулянье на этой неделе сосредоточивалось на Москве-реке и особенно на Неглинной, где теперь фонтан перед Кремлевским садом, потом еще за Кузнецким мостом на Трубе; летом здесь текла Неглинная и было непроходимое болото, а зимой это место, как широкая площадь, представ-

ляло много удобств для постройки масленичных гор и кулачных боев, без которых в старину, как мы уже говорили, в Москве не проходило ни одного зимнего праздника.

Борьба и кулачный бой составляли одну из первых и любимых забав народных в Сырную неделю: на улицах и на реке бились «сам на сам», или один на один. Это – бой стеной, стенка на стенку. Такие единоборческие потехи назывались в летописях «играми, игрушками», и их давали наши великие князья.

Для примерных битв составлялись две враждебные стороны; по данному знаку свистком обе стороны бросались одна на другую с криками; для возбуждения охоты тут же били в накры и в бубны; бойцы поражали друг друга в грудь, в лицо, в живот, и сразу сбить противника на землю называлось «снять с чистоты».

В то время бились неистово и жестоко, и очень часто многие выходили навек калеками, а другие оставались на месте мертвыми. Катанье на санях по улицам начиналось с понедельника, а более с четверга на Сырной неделе; вечером в эти дни ездили целыми вереницами, а народ катался с песнями.

При Петре Великом масленичные потехи бывали в Москве у Красных ворот. Император сам в понедельник на Масленице открывал празднество, повертевшись на качелях с офицерами.

По случаю Нейштадтского мира в 1722 году царь дал в Москве невиданный дотоле маскарад и санное катанье. В четверг на Масленице открылось шествие большого поезда из села Всесвятского, где еще накануне с вечера было собрано множество морских судов разного вида и разной величины саней, запряженных разными зверями. По данному ракетой сигналу сухопутный флот, напоминающий древний великого князя Олега, на полозьях и колесах потянулся длинную вереницею от Всесвятского к Тверским триумфальным воротам. Шествие открывал арлекин, ехавший в больших санях, запряженных в шестерик лошадей, украшенных бубенчиками и побрякушками.

В следующих санях ехал князь-папа, Зотов, облеченный в длинную мантию из красного бархата, подбитую горностаем; в ногах у него сидел Бахус на бочке. За ним следовала свита пьяниц, замыкаемая шутом в санях, запряженных четырьмя свиньями. Затем началось шествие самого флота под предводительством Нептуна, сидевшего с трезубцем в руках на колеснице, везомой двумя сиренами.

В процессии находился и князь-кесарь Ромодановский в царской мантии и княжеской короне; он занимал первое место в большой лодке, везомой двумя живыми медведями. Наконец, следовал громадный 88-пушечный корабль, построенный совершенно по образцу корабля «Фридемакера», спущенного на воду в марте 1721 года в С.-Петербурге. Корабль имел три мачты и полное корабельное вооружение, даже до последнего блока.

На этом корабле, везомом 16 лошадьми, сидел сам император в одежде флотского капитана, с адмиралами и офицерами и маневрировал кораблем, как бы на море. За этим кораблем следовала раззолоченная гондола императрицы. Государыня была в наряде простой остфризской крестьянки; свита царицы состояла из придворных дам и кавалеров, одетых арабами.

За гондолой появились настоящие герои маскарада, известные под именем «неугомонной обители» или «всепустейшего собора». Они сидели в широких длинных санях, сделанных в виде драконовой головы, и наряжены были волками, журавлями, медведями, драконами, представляя в лицах героев Эзоповых басен.

Пестрое маскарадное шествие потянулось через Тверские ворота в Кремль при пушечных выстрелах. Эта процессия достигла дворца только вечером. На следующий день и на третий день, 2 февраля, сбор был назначен у ворот, построенных на этот случай купечеством. Этот маскарад окончился великолепным пиршеством и фейерверком. Участвовавшие в этом маскараде в течение четырех дней каждый день меняли костюмы на новые.

ГЛАВА VI

Первые театральные представления в Москве. – Первые заморские комедианты и антрепренер. – Спектакли немецкой труппы. – Судьба московского театра при Екатерине I и в последующее царствование. – Московский театр при Екатерине II. – Н. С. Титов. – Головинский театр. – Антрепренер Медокс. – Театр на Знаменке. – Петровский театр. – Ротонда. – Первая русская опера. – Актеры Медокса: Померанцев, Шушерин, Украсов, Колесников, Лапин, Сахаров, Плавильщиков и Сандунов. – Переход Московского театра в казну. – Репертуар старого театра. – Трагедии, оперы и оперетки. – Первая опереточная артистка. – «Слезливая эпоха». – Пантомимный драматический балет. – Спектакли в доме Паикова. – Новый Арбатский театр. – Балетная и французская труппы. – Актрисы Жорж, Вальберхова и Семенова. – Патриотические спектакли. – Актриса Лисицына. – Прекращение спектаклей в Москве. – Пожар Арбатского театра.

Первые публичные театральные представления в Москве происходили при Петре в «Комедийной храмине», на Красной площади и в Немецкой слободе, в доме генерала Франца Яковлевича Лефорта. Обе эти храмины имели «театрум и хоры» и против пожара в них были приняты следующие курьезные меры: для этой цели были предназначены два окна, в которые можно было пролезть двум человекам и которые во время действия закрывались щитками, так как свет внешний для комедии был неудобен.

На случай пожара в храмине стояли два ушата воды, и следившим за порядком здесь подъячим Посольского приказа было предписано особенно наблюдать, чтобы не было курения. Места в театре были четырех разрядов: первые стоили гривну, вторые два алтына, третьи пять копеек и последние алтын.

Входные билеты, или, как их тогда называли, ярлыки, печатались на толстой бумаге. Ярлыки продавались в чуланах, т. е. небольших комнатах при театре; для кассы были устроены два ящика: в один опускались полученные за вход деньги, а в другой – ярлыки. У сбора денег были приставлены сторожа, нанятые из посадских людей.

Сбор с комедий в 1703 году равнялся 406 рублям и 23 алтынам. В 1704 году комедийных денег в сборе мая с 15 по 2 июня – 82 руб. 27 алт. 4 деньги, и в том же году с 15 мая по 10 ноября – 388 грив. 9 алтын 4 деньги.

Сбор в летние большие дни был значительно больше, чем в осенние дни потому, что публики было больше.

В светлые вечера зрителям по воротам не надо было платить двойной платеж, как в комедию, так и из комедии едучи. Для облегчения посетителей и усиления театрального сбора от 5 января 1705 года государь указал: в указные дни, когда бывает комедия, всем смотрящим всяких чинов людям ходить повольно и свободно, без всякого опасения, а в те дни ворот городских по Кремлю, по Китай-городу и по Белому городу в ночное время до 9 часу ночи не запирают и с проезжих указной по воротам пошлины не имеют для того, чтобы смотрящие того действия ездили в комедию охотно.

Но указ о вольном бесплатном проезде в комедию в конце концов не имел желаемого успеха, и, как ниже увидим, комедийная храмина в 1707 году совсем пришла в запустение и была переведена на Печатный двор и на подворье Богоявленского монастыря.

Для комедийной храмины в 1701 году отправлен был за границу поступивший к царю на службу комедиант Иван Сплавский, в город Гданьск (Данциг) для вербования в Москву театральной труппы.

Он в контракте обязывался по прибытии с труппой в Москву «царскому величеству всеми вымыслами, потехами угодить и к тому всегда доброму, готовому и должному быти», и за все это ему назначено ежегодно получать по 5 000 ефимков. Современники в то время смотрели на зарождающийся «светский театр», как на дело дьявольское и богопротивное, и глядели, приговаривая: «С нами крестная сила!» Но не так думало тогда только наше духовенство, составлявшее в то время самый образованный класс, наиболее знакомый с литературой Запада. Студенты духовного училища при Московском Заиконо-спасском монастыре переводили на славянский язык французские и немецкие мистерии, заимствованные из библейской истории, и разыгрывали их в трапезах и рекреационных залах.

Лучшими из этих пьес были: «Эсфирь и Агасфер», «Рождество Христово», «Кающийся грешник» и «Христово Воскресенье», с весьма аллегорическими посторонними действиями. Первая из этих пьес впоследствии по повелению Елизаветы Петровны игралась Великим постом на Придворном театре; по преданию, во второй пьесе Пречистой Девы Марии на театре между действующими лицами не было, а был только образ ее.

Публичные представления на Красной площади в конце 1704 года на время прекратились в этом году: Яган Куншт, этот предтеча антрепренеров, бежал из Москвы, не заплатив жалованья никому из своих служащих. Несчастные его комедианты принуждены были просить, чтобы для уплаты им Кунштова долга взять в казну принадлежащие его театру гардероб и другие вещи. В «Хронике русского театра» Носова приведен список описанных вещей и следующее объявление об аукционе: «Продаются театральные украшения, принадлежащие директору немецких комедиантчиков Ягану Куншту, убожавшемуся нашего градского начальства наказания, за сочиняемые им и играемые на публичном театре пасквильные комедии, уехал из России инкогнито, не заплатя никому жалованья, по сему резонту и объявляем, что продажа сия делается на уплату долгов комедиантов».

В числе вещей продавались: дворец с великолепными садами, крепостями, лесами, рощами, лугами, наполненными людьми, зверями, птицами, мухами и комарами; море, состоящее из 12 валов, из которых самый огромный, 9-й вал, немного поврежден. Полторы дюжины облаков, снег в больших хлопьях из белой овернской бумаги и т. д.

После Куншта театр на Красной площади перешел в руки Отто Фюрста; представления у последнего чередовались с русскими представлениями; русские давались по воскресеньям и вторникам, а немцы играли по понедельникам и четвергам; немецкие и русские пьесы представлялись под управлением Фюрста. Немецкая труппа давала по большей части так называемые пьесы на случай (*pieces de circonstances*). Так, в 1703 году ему поручалось поставить драматическое представление на случай взятия русскими Ноттебурга, или Орешка. Новому антрепренеру было отдано несколько русских учеников в науку. Об этих русских актерах сохранился интересный документ, относящийся к 1705 году, рисующий как ту эпоху, так и состояние тогдашнего драматического искусства у нас.

Вот этот доклад начальству:

«Ученики-комедианты русские без указа ходят всегда со шпагами, и многие не в шпажных поясах, но в руках носят и, непрестанно по гостям в ночные времена ходя, пьют. И в рядах у торговых людей товары емлют в долги, а денег не платят. И всякие задоры с теми торговыми и иных чинов людьми чинят, придираясь к бесчестию, чтоб с них что взять нахально.

И для тех взяток ищут бесчестий своих и тех людей волочат и убыточат в разных приказах, мимо государственного Посольского приказа, где они ведомы.

И, взяв с тех людей взятки, мирятся, не дожидаясь по тем делам указа, а иным торговым людям бороды режут для таких же взяток».

Особенно в таких злокозненных деяниях обличался актер Василий Теленков, он же Шмага-пьяный; по посланному на него доносу к боярину Головину вышла от последнего резолюция:

«Комедианта пьяного Шмагу, взяв в приказ, высеките батоги».

В 1704 году в труппе Фюрста женские роли исполняли две женщины: девица фон Велих и жена генерального доктора Паггенкампа, в русских документах последняя попросту переделана в Поганкову.

Первая жалованья получала 150 рублей, вторая – по 300 рублей²⁷. В 1705 году в Москве публичных немецких спектаклей не давалось. В 1707 году драматические представления часто происходили при дворе царицы Прасковьи Феодоровны и великой княжны Натальи Алексеевны; из дворцовых документов видно, что в разное время высылались по требованию царицы в село Преображенское и Измайлово театральные костюмы и декорации, которые служили в труппах Куншта и Фюрста.

В селе Измайлове дочь царя Иоанна Алексеевича сама распоряжалась представлениями за кулисами. На этом придворном театре в антрактах являлись дураки, дуры, шуты с шутихами и забавляли зрителей пляскою под звуки рожка с припевами или разными фарсами. Там было, по пословице царя Алексея Михайловича, «делу время, а потехе час». В 1706 году, в год смерти второго²⁸ директора русского театра, графа Ф. А. Головина, второй антрепренер, бывший золотых дел мастер Артемий Фюрст принимал участие в церемонии его похорон; последние, как известно по уцелевшей современной гравюре, отличались необыкновенною пышностью, актерам были выданы из театрального платья «латы добрые всяя воинские одежды и с поручи и с руками».

При другой, тоже пышной, церемонии для торжества по случаю Полтавской победы в Москве было построено несколько триумфальных ворот, и на одних, именно в Китай-городе, на площади у церкви Казанской Богородицы, устроены декорации из Комедиального дома. Известно еще, что в 1713 году по указу царицы Прасковьи были взяты из «комедии, обретающиеся близ Николаевских ворот, двадцать перспективных картин».

На всех этих театрах русскими учениками Куншта и Фюрста играны были пьесы следующие: «О Франталесе Эпирском и о Мирандоне, сыне его», «О честном изменнике», «Тюрьмовый заключенник, или Принц Пикельгяринг», «Постоянный папиньянус», «Доктор Принужденный» и проч.

Все эти пьесы имели все театральные эффекты и ужасы – сражения, убийства и проч.

По обыкновению, в пьесах были и смешные сцены, где шут Пикель Гяринг²⁹ сыплет грязные площадные шутки, поет куплеты, вроде:

*Братья, да возвеселимся,
Сим вином да утвердимся!
Бог убо весть – сколько нам жити.
Ныне идем купно в поле,
Убитыми быть или вздраве, и т. д.*

Берхгольц говорит, что о представлениях на театрах к знатным людям сами актеры разносили афиши, и что один из таких придумал даже извлекать из этого выгоды, выпрашивая вознаграждение, за что и был наказан батогами. Афиши были печатные и, так называемые, перечневые; последние печатались для лучшего объяснения публике содержания и хода представления.

После Петра I, при Екатерине и в последующее царствование в Москве публичных представлений не было. Со вступлением на престол Анны Иоанновны простота прежних времен

сменилась великолепием и пышностью. Никогда еще коронавание русских государей не совершалось с таким великолепием и блеском, как коронация Анны Иоанновны. К этому торжественному дню польский король Август II отправил в Москву отборнейшие таланты своей дрезденской оперы. Это были итальянцы, между которыми находились европейские знаменитости, превосходные певицы, танцовщики и музыканты. Из числа их особенно отличалась актриса Казанова, мать известного авантюриста Жака Казанова, и комик певец Педрилло, впоследствии шут государыни.

Этими-то артистами и была представлена первая итальянская интермедия с неслыханною роскошью в костюмах и декорациях. В 1741 году с восшествием на престол императрицы Елизаветы Петровны началась новая блистательная эпоха процветания драматического искусства в России, и в ее же царствование положено начало отечественному театру. Ко дню коронавания императрицы в Москве нарочно был построен новый театр на берегу Яузы; театр был обширен и прекрасно убран. В день коронации был дан первый великолепный спектакль на итальянском языке; он состоял из оперы «Титово милосердие» и «Опечаленная и вновь утешенная Россия», большая аллегорическая интермедия, смысла которой пояснять не нужно потому, что он виден из самого заглавия пьесы. После следовал балет «Радость народа, появление Астреи на российском горизонте и о восстановлении золотого века».

Вид села Измайлова

Балет, по сказаниям современников, был превосходный и приводил в неимоверный восторг публику.

В следующие дни торжества был представлен еще другой балет – «Золотое яблоко на пире богов, или Суд Париса». Оба балета были сочинены и поставлены на сцену Антониом Ринальдо-Фузано; этот балетмейстер служил прежде при дворе Анны Иоанновны и был преподавателем танцевания великой княгини Елизаветы Петровны.

При первом известии о восшествии ее на престол Фузано, бывший тогда в Париже, поспешил в Петербург, чтобы представиться венценосной своей ученице и предложить ей свои

услуги; императрица тотчас же его приняла и наименовала вторым придворным балетмейстером для комических балетов; первым балетмейстером и хореографом трагических танцев числился Ланде, в то время находившийся за границей. В 1759 году в Москву был отправлен по высочайшему повелению актер Ф. Г. Волков вместе с другим актером, Яковом Шумским, для основания публичного театра.

Прибывшие в Москву артисты нашли русский театр уже существующим; построен он был в 1756 году в малом виде у Красного пруда³⁰, где теперь станция железной дороги, в доме Локателли; антрепренер московского театра Дживованни-Батисто Локателли приехал в Россию в 1757 году с итальянской труппой, где главные роли исполняли певицы Мария Комати и Жиованна Локателли, называвшаяся по театру Стелла, и затем Бунни; певцами у него были: Андреас Елиас, Ергард, тенор Бунни и молодой кастрат Масси; первые представления он давал в Петербурге на придворном театре.

Через год он переехал в Москву, куда выписал еще певцов, музыкантов и танцоров; лучшими в его труппе были: певица Монтаваники и кастрат Монфредини; первый спектакль дал хороший сбор, но потом пошли плохие сборы, за вход к нему в театр платили по рублю с человека, а на ложи существовала годовая плата по 300 рублей. Наши бары в то время отделяли свои абонементные ложи шелковыми материями и зеркалами; оперою здесь распоряжался Локателли, итальянские интермедии давались безденежно, к смотрению их университет приглашал все дворянство, как тогда объявлялось в «Московских Ведомостях».

Театр находился под управлением директора университета Мих. Матв. Хераскова, писавшего для него пьесы вместе с Сумароковым.

В числе актеров здесь были известные впоследствии литераторы, тогда еще университетские студенты Я. П. Булгаков, Д. И. Фонвизин. Для поощрения талантов государыня повелела награждать шпагами тех, которые окажутся хорошими актерами. На этом же театре появилась первая русская актриса Авдотья Михайлова.

Первая пьеса, представленная на московском публичном театре, называлась «Сердечный магнит», драма увеселительная, с музыкою, в трех действиях, перевод с итальянского студента Егора Булатницкого белыми стихами.

За нею давалась другая пьеса с великолепным спектаклем под названием «Обращенный мир» (т. е. «Свет навыворот»), драма увеселительная, с музыкою, в трех действиях, изобретенная живописью, театральным украшением Ангиолом Карбоном (Анжело Карбона), инженером болонским. Танцы Гаспара Сантини. После них с необыкновенным успехом шла героическая комедия в стихах М. Хераскова «Безбожник».

Но театр московский долго не мог держаться, потому что не имел постоянной труппы: актеры-студенты, окончивая курс в университете, поступали на государственную службу или уезжали в Петербург или провинции. Новое звание и служба не позволяли им продолжать сценическое поприще, театр сиротел и оскудевал. В 1761 году он рушился совершенно; многие его артисты перешли в Петербург на придворный театр.

Во время коронационных празднеств при восшествии на престол Екатерины II в Москве, как мы выше уже говорили, были даны великолепные театральные представления, затмившие все до этих пор виденные сценические зрелища. В начале царствования Екатерины вольный московский театр содержал все тот же итальянец Бельмонти.

В эту эпоху на московском театре случился неслыханный до этого времени театральный скандал. Около 1770 года Бельмонти поставил на своем театре драму Бомарше «Евгения»; пьеса эта не принадлежала к классическому репертуару и, как немодная, не имела даже успеха в Париже. Петербургский театр тоже ее не принял. «Евгения» в Москве явилась в переводе молодого литератора Пушкинова, прошла с большим успехом и делала полные сборы.

Проживавший тогда в Москве А. П. Сумароков, видя такой редкий успех, возмущился и написал письмо к Вольтеру. Тонкий Фернейский философ отвечал Сумарокову в его тоне.

Подкрепленный словами Вольтера, Сумароков решительно восстал против «Евгении» и бранил Бомарше, на чем свет стоит.

Но его не слушали. Бельмонти по-прежнему продолжал давать ее на своем театре, московская публика продолжала наполнять театр во время спектаклей и по-прежнему аплодировала «слезной мещанской драме», как называли этот новый род пьес Вольтер и Сумароков с компанией классиков. Тогда возмущенный Сумароков написал не только резкую, но даже дерзкую статью и против драмы, и против актеров, и против публики, умышленно называя переводчика «подьячим» – худшего названия он не мог придумать. «Ввелся у нас, – писал он, – новый и пакостный род слезных драм. Такой скаредный вкус неприличен вкусу Великой Екатерины... «Евгения», не смея явиться в Петербург, вползла в Москву, и как она скаредно ни переведена каким-то подьячим, как ее скверно ни играют, а она имеет успех. Подьячий стал судьей Парнаса и утвердителем вкуса московской публики. Конечно, скоро будет преставление света. Но неужели Москва скорее поверит подьячему, нежели г. Вольтеру и мне?»

Этими словами как все московское тогдашнее общество, так и актеры с содержанием театра сильно обиделись и поклялись отомстить Сумарокову за его выходки. Сумароков, чувствуя приближение грозы, заключил с Бельмонти письменный договор, по которому последний обязывался ни под каким видом не давать на своем театре его трагедий, обязуясь, в противном случае, за нарушение договора поплатиться всеми собранными за спектакль деньгами.

Но это не помешало врагам Сумарокова привести свой план в исполнение. Они упростили московского губернатора Салтыкова приказать Бельмонти поставить его «Синава и Трувора», потому что, как говорили они, это было желанием всей Москвы. Салтыков, ничего не подозревавший, приказал Бельмонти поставить эту трагедию. Бельмонти, как и актеры, был очень рад насолить Сумарокову и приказал артистам исказить пьесу, насколько было возможно. В назначенный вечер театр наполнился враждебной Сумарокову публикой, занавес поднялся, и, едва актеры успели нарочно дурно выговорить несколько слов, раздались свистки, крики, стук ногами, ругательства и прочие бесчинства, тянувшиеся довольно долго.

Никто трагедии не слушал, публика старалась исполнить все, в чем ее упрекал Сумароков. Мужчины ходили между кресел, заглядывали в ложи, разговаривали громко, смеялись, хлопали дверьми, грызли у самого оркестра орехи, и на площади по приказу господ шумели слуги и дрались кучера. Скандал вышел колоссальный, Сумароков пришел в бешенство.

Такой неслыханный скандал поверг его в сильный гнев; он не знал, что делать, ходил по комнате, плакал, перечитывал последнее письмо Вольтера о драме Бомарше и наконец излил свое горе в следующих строках:

*Все меры превзошла теперь моя досада..
Ступайте, фурии! Ступайте вон из ада..
Грызите жадно грудь, сосите кровь мою
В сей час, в который я терзаюсь, вопию, —
Сейчас среди Москвы «Синава» представляют
И вот как автора несчастного терзают...*

После вскоре он написал к государыне жалобу на Салтыкова. Государыня ему ответила, что ей приятнее видеть «представление страстей в его драмах, нежели в его письмах». Этим дело не кончилось, письмо было перетолковано в самую неблагоприятную для Сумарокова сторону; он написал на эти слухи эпиграмму, начинавшуюся так:

*Наместо соловьев кукушки здесь кукуют
И гневом милости Дианы толкуют;
Хотя разносится кукушечья молва,*

Кукушкам ли понять богинины слова?..

Московское общество в свою очередь упросило в это время бывшего в Москве молодого Державина ответить на «Кукушку», и он написал «Сороку», окончив ее так:

*Сорока что соврет,
То все слывет сорочий бред.*

И подписал ее двумя буквами: «Г. Д.». Последнее обстоятельство дало возможность Сумарокову заподозрить ни в чем неповинного какого-то Гавриила Дружерукова, и последний едва отделался от Сумарокова.

Помимо русских спектаклей, у Бельмонти давались итальянские интермедии и оперы; певцами в то время у него служили Мора, Фонетти, Тоника, Приор с женою и другие. В 1766 году антрепризу русского театра взял на себя полковник Н. С. Титов.

Представления собранной им труппы давались в Головинском деревянном театре, построенном в бытность императрицы Екатерины в Москве. Титов взял в свою труппу актеров Померанцева, Калиграфа и Базилевича; остальные персоналы, нужные для спектаклей, дополнялись из разного звания людей; маскарады и оперные спектакли остались по пятилетнему контракту за Бельмонти; последний, впрочем, в это время принял к себе в компаньоны еще Чути. Титов содержал театр до 1769 года; после него антрепризу приняли опять итальянцы. В эти же годы казна отвела Бельмонти и Чути место для постройки между Покровскими и Мясницкими воротами, где были стена Белого города и Лесной ряд. По словам А. А. Мартынова³¹, после шли представления в доме графа С. И. Воронцова на Знаменке, где затем дом М. С. Бутурлиной.

Затем театр принял иностранец Гроти, к которому в 1776 году поступил в товарищи московский губернский прокурор князь П. В. Урусов. В этом же году Гроти отделился от него и князь Урусов один содержал Московский публичный театр и «с благопристойными к удовольствию публики увеселениями», а также устраивал уже один концерты, маскарады и вокзалы. Князь Урусов принял к себе в товарищи англичанина Михаила Егоровича Медокса.

По уличному прозвищу в Москве он слыл за «Кардинала». Прозвище это он получил за свой обычай ходить всегда в красном плаще. Медокс был превосходный механик; он сделал часы с полным оркестром музыки и различными фигурами, приходящими в движение, подобно механизму известных страсбургских часов. Эти часы были поднесены императрице Екатерине и ценились очень высоко. Одно время они стояли в Москве у известного антиквара Г. Лухманова; на них съезжалась смотреть вся Москва. Часы эти впоследствии купил сын фельдмаршала графа Каменского.

Медокс был более двадцати пяти лет антрепренером театра и кроме долгов ничего не нажил.

Известно, что почти все театры в Москве погибли от пожаров. Так и театр, который арендовали Медокс с князем Урусовым на Знаменке, сгорел во время представления трагедии «Димитрий Самозванец». Пожар этот стоил жизни известному в то время актеру Калиграфу: на нем он простудился и затем вскоре умер.

Большие убытки от пожара потерпел князь Урусов. Это обстоятельство и принудило его уступить свою привилегию держать театр Медоксу за 28 000 рублей; сверх этого новый содержатель театра был повинен платить Опекунскому совету ежегодно 3 100 рублей. Получив привилегию, Медокс заложил свое вокзальное заведение за 50 000 рублей и принялся за постройку большого каменного театра. Место для нового театра Медокс купил у князя Лобанова-Ростовского, на Петровской улице, в приходе древней церкви Спаса, что в Копье (от этой улицы большой московский театр и стал называться Петровским).

План и работы производил ему архитектор Розберг; театр был построен в пять месяцев и обошелся Медоксу в 130 000 рублей. Тогдашний начальник столицы, князь В. М. Долгорукий-Крымский, остался так доволен зданием, что дал Медоксу привилегию на содержание театра еще на десять лет, т. е. до 1796 года.

Внутреннее устройство этого театра было почти такое же, какое было до пожара 1853 года, с тою только разницею, что ложи не были открыты, но каждая составляла как бы отдельную комнату; подле оркестра были особые места, занимаемые постоянными посетителями; назывались они «табуретами», и большая часть владельцев этих мест имели свои собственные крепостные театры в Москве. Это были строгие ценители и судьи, и Медокс часто руководствовался их советами.

Они получали всегда приглашения на две генеральные репетиции новой пьесы вместе с авторами и переводчиками. Каждый из таких гостей имел здесь голос.

Если ареопаг знатоков общим приговором решал, что пьеса идет успешно, что каждый актер на своем месте и твердо знал свою роль, суфлер переходил на амплуа бесполезностей, и, когда Аполлон не скакал на сцене, тогда только Медокс назначал первое представление.

Публика была всегда уверена, что увидит что-нибудь «совокупное», как тогда называли – ensemble. В то время пьеса разыгрывалась без докучного эха, и из дыры не торчала всклокоченная голова суфлера, на которую тогда еще не было изобретено деревянного колпака. Места для дам были кресла, стоили они 2 рубля; партер был за креслами, ценою по рублю за место. Ложи не продавались на один спектакль; в «Московских Ведомостях» 1780 года, № 76 напечатано объявление Медокса о принятии подписки на годовой наем мест; они оставались на полной ответственности годовых абонентов, которые обязаны были оклеивать их на свой счет обоями, освещать и убирать как хотели: каждая ложа имела свой замок, и ключ хранился у хозяина ложи. Декорации тогдашнего театра были просты, написаны по-домашнему, хотя многие из них писывал «Ефрем, российских стран маляр», но они не были несообразны, а художественны. В костюмах играли первые роли: китайка, коломенка и крашенина.

Отстроенный Большой театр представлял большое удобство для спектаклей и маскарадов, которые посещало тогда все высшее общество; они давались в особой великолепной круглой зале (Ротонде), украшенной зеркалами, где при собрании многочисленной публики освещение производило изумительный эффект.

Н. Н. Карзин. Пожар Большого театра

План³² внутреннего устройства этой залы и идею дал сам Медокс. Это было нечто изящное в своем роде: зала освещалась сверху огнем, горевшим в 42 хрустальных люстрах; к ней примыкали еще несколько больших гостиных. Вход в маскарад стоил рубль медью. Посетители все допускались только замаскированные. Петровский театр был открыт в 1780 году; для этого случая, по желанию государыни, Аблесимов сочинил пролог-диалог в стихах «Странники»;

в нем были выведены: Аполлон, Меркурий, Момус, Муза, Талия и Сатир. Декорация представляла вдали Парнас, у подножия которого лежала Москва с возвышающимся новым великолепным зданием; к нему подъехал в великолепной колеснице Аполлон, предшествуемый Меркурием.

Спустя несколько лет после открытия Петровского театра на Медокса посыпались невзгоды. В это время Ив. Ив. Бецкий нашел выгодным для казны учредить публичный театр при московском Воспитательном доме, с двумя труппами – русской и итальянской. Это обстоятельство заставило Медокса подать прошение бывшему тогда главнокомандующему графу З. Г. Чернышеву. Просьба его осталась не уважена, но, на его счастье, вдруг произошла перемена. И. И. Бецкий нашел неприличным, чтобы девицы Воспитательного дома танцевали и представляли на публичном театре, и потому, запретив воспитанникам участвовать в спектаклях, заключил с Медоксом следующее условие:

- 1) уступается ему театр, устроенный в Большой зале главного корпуса;
- 2) вносить Медоксу ежегодно десятую часть с собираемых доходов с театра в Воспитательный дом; 3) принять гардероб за 4 000 рублей и 4) принять же ему, Медоксу, на полное содержание и жалованье питомцев обоего пола, которые были привезены из петербургского театра к московскому: для балетов – 50 человек, для декламации – 24 человека и для музыки – 30 человек; 5) Воспитательный дом обязывается, со своей стороны, построить еще другой театр вне главного корпуса и позволить Медоксу одному производить на них представления и, кроме Медокса, никому уже содержания публичного театра в Москве не позволять.

Таким образом, Медокс сделался владельцем и распорядителем двух театров. Он начал с того, что уволил всю иностранную труппу, состоящую из немцев и французов, принятую Воспитательным домом, а строение театра со всеми принадлежностями положил продать и вырученные деньги обратить на уплату долгов своих; но в этом он не успел, и впоследствии его финансы от всех предприятий до того расстроились, что если бы даже ему была уступлена Опекунским советом десятая часть доходов с театра, которую Медокс никогда не платил, 188 150 руб., то и затем он остался бы совету должен с лишком 100 000 рублей. У Медокса осталась одна русская опера. Изворотливый Медокс прилагал все старание, чтобы придать занимательность своим спектаклям.

В продолжение года он поставил, впрочем, не более 80 спектаклей.

Замечательно, что в первое время публика считала, по какому-то предубеждению, русскую сцену неспособною для оперы, и когда первую русскую оперу «Перерождение» в 1777 году решились играть, то Медокс так был неуверен в успехе, что перед представлением заставил актеров в нарочно сочиненном для этого разговоре испросить у публики дозволения сыграть ее.

Русская труппа Медокса в восьмидесятых годах состояла из тринадцати актеров и девяти актрис; настоящих танцовщиц было четыре и три танцовщика вместе с балетмейстером; музыкантов было двенадцать человек, из них один капельмейстер Керцелли. Вся труппа получала жалованья 12 139 руб. 50 коп.; старший оклад был 2000 руб.; получал его один актер Померанцев. Актеры у него были Лапин, Зальшкин, Сахаров, Волков, Ожогин, Украсов, Колесников, Федотов, Попов, Максимов, Померанцев и Шушерин; последние оба играли в драмах и комедиях: первый был превосходный актер в ролях благородных отцов, у него была превосходная дикция, он готовился поступить в дьячки, но невзначай как-то попал в театр, и здесь решилась его судьба – он поступил в актеры.

Померанцев был красавец собою и обладал ловкостью и благородством – он был актер чувства.

Это был предтеча знаменитого П. С. Мочалова; Карамзин сравнивал его с великим французским актером Моле, восхищавшим в свое время всю Европу. Для Померанцева на сцене тогдашних заученных классических жестов и поз не существовало – во время игры он забывал все на свете.

Жесты этого актера были очень просты, но всегда кстати – за ним, как говорили его современники, водился один странный жест указательного пальца, и этот жест у него, как у знаменитого трагика Девриена, был потрясающий в драматических моментах. Рассказывали, что, когда Померанцев подымал свой указательный палец в торжественные минуты, у зрителей становился волос дыбом.

Он был велик в ролях просто человеческих, но не героев – последних он не любил играть. К его портрету тогдашний поэт сказал:

*На что тебе искусство?
Оно не твой удел. Твоя наука – чувство.*

Другой актер, Шушерин, был как раз противоположностью Померанцева. Вся его игра была чисто ходульная, искусственная, у него все было рассчитано – голос, осанка; он не играл на сцене, как говорили про него тогдашние критики, но повелевал над собою.

Его недостатки были неотъемлемою потребностью века. Шушерин был нехорош собою, но на сцене был красавец – особенно глаза его были выразительны, и часто, вместо слов он отвечал одним взглядом и одной улыбкой, и выше этого красноречия не могла стать ни одна классическая фраза. Такие моменты были блистательны в его игре. Роли короля Лира (по тогдашнему – Леара) и царя Эдипа были коронные в репертуаре этого актера. Вскоре он перешел на службу в Петербург³³, где, впрочем, долго не ужился, а опять переехал в Москву. С. Глинка рассказывает, что здесь он построил себе уютный домик и в июне 1812 года праздновал новоселье, на котором, выпивая заздравный кубок, Глинка ему пророчески сказал:

«Хозяину дай Бог пожить еще сто лет, а дому не устоять».

Тогда все дивились такому предсказанию. К несчастью, оно оправдалось: осенью того же года дом Шушерина сгорел во время пожара Москвы дотла, а хозяин пережил его несколькими месяцами.

Комиком в труппе Медокса был Ожогин. Этот актер был необходим для райка. Он был большого роста, с комической физиономией и удивительно развязный на сцене; голос его был груб и сиповат; он был недурен в «Мельнике» Аблесимова; но этот же мельник-Ожогин являлся и в «Коррадо де-Герера», в опере «Редкая вещь», и в роли французского бочара «Мартына».

Волков был крепостной человек князя Волконского, играл роль слуг, что по тогдашнему репертуару считалось нелегким; Колесников в свое время был лучший певец; Урасов, несмотря на свои преклонные года, играл все вертопрахов и исполнял их превосходно, несмотря на то что ему изменял уже голос и хрипел. Замечательные трагические актеры были Лапин и Сахаров; первый перешел на московскую сцену из Петербурга потому, что не поладил с Дмитревским.

Он соединял в себе все качества, делавшие его отличным трагиком: красивую наружность, звучный и гибкий голос, чистую и правильную дикцию. В игре его было много благородства, и он чрезвычайно напоминал собою знаменитого французского актера Флораджа.

Женские первые роли исполняли: Надежда Калиграф, замечательная актриса в ролях трагических и женщин жестоких и коварных; М. С. Синявская играла первых любовниц, где требовалось сильное чувство, и затем в ролях героинь.

Две эти актрисы были из первых. Померанцева исполняла роли старух и, по сказаниям современников, в драмах заставляла плакать, а в комедиях морила со смеху; играла также в операх, талант имела необыкновенный. Баранчеева играла роли благородных матерей и больших барынь. Е. А. Носова – превосходная и симпатичная оперная актриса – обладала прекрасным голосом и большим талантом, но была безграмотна, и все роли ей начитывали. По словам современников, она замечательно пела русские песни, как, например, «При долинушке стояла»; последнюю нередко по востребованию публики повторяла до десяти раз, так что едва не задыхалась.

Успех с нею разделял также певец Колесников, лучший в тогдашнее время тенор. Из оперных актрис славилась в екатерининское время еще известная Лизанька Сандунова. Особенно большой успех в конце царствования Екатерины имели в Москве оперы «Волшебная флейта», «Дианино древо», «Cosa raга», «Венецианский купец», затем «Старинные святки», «Водовоз» и «Русалка».

Во всех этих операх отличалась Сандунова; только в это время даровитая певица не представляла уже большого интереса, потому что была в летах и внешность имела уже далеко не привлекательную. Сандунова была низенького роста и очень полная на вид. Сандунова положила на музыку известную песню «Ехал казак за Дунай».

Сандунова нередко играла и у французов; так, в опере «Влюбленная статуя» она неподражаемо исполняла роль Селумены. Но и в то время, когда Сандунова допевала свои арии, петые еще при Екатерине, в Москве она имела многих страстных обожателей ее таланта. В числе таких был некто Гусятников. В описываемое время, как рассказывает князь Вяземский, в Москву приезжала из Петербурга на несколько представлений известная актриса Фелис-Андрие.

Поклонники русских актрис взволновались и вооружились против нашествия иностранок. Поклонник Сандуновой Гусятников особенно сильно вооружался против французов. Однажды приезжает он во французский спектакль, садится в первый ряд кресел, и, только что начинает Фелис делать свои рулады, он затыкает себе уши, встает с кресел и с заткнутыми ушами торжественно проходит всю залу, кидая направо и налево взгляды презрения и негодования на недостойных французолюбцев, как их тогда называли в Москве.

Про мужа знаменитой актрисы Фелис-Андрие, который хотя и был плохой актер, но за жену петербургское общество к нему благоволило, ходил следующий анекдот: при императоре Александре I однажды был назначен в Эрмитаже спектакль. Утром того дня Андрие, встретясь на Дворцовой набережной с государем, спросил его, может ли он вечером явиться на сцене ненапудренный.

– Делайте, как хотите, – отвечал государь.

– О, я знаю, государь, – отвечал Андрие, – вы добрый малый, но что скажет маменька?

Достойной ее соперницей на московской сцене была еще жена Померанцева. По словам тогдашних театральных критиков, это был совершенный «оборотень». Из слезливой драмы она переходила в живую и веселую комедию. Она являлась то сентиментальной девушкой, то наивной пейзажкой, то хитрой, оборотливой служанкой, и всегда публика встречала и провожала ее аплодисментами. Ум, живость, ловкость и необыкновенная веселость были всегдашними ее спутниками. Она одевалась с необыкновенным вкусом; тогдашняя публика любила ее до обожания.

В числе артистов театра Медокса были еще два замечательных таланта, это – Плавильщиков и Сандунов, муж актрисы. Первый из этих актеров имел декламацию пышную и высокопарную, он был сколком тогдашнего знаменитого французского трагика Барона. Плавильщиков сложением был колосс. Играя роли героев, он приходил в такой пафос, что приводил весь театр в трепет. До поступления на сцену он был учителем истории. Не менее хорош Пла-

вильщиков был и в ролях так называемых тогда мещанских; в последних, по рассказам современников, он трогал зрителей до слез.

Плавильщиков написал несколько пьес для сцены. Сандунов Сила Николаевич происходил родом из дворян. Это был первый русский комик; амплуа его были роли слуг. В то время господствовала на русской сцене французская комедия, в которой все интриги, по обыкновению, завязывались и держались на плуте-слуге или ловкой служанке, и амплуа слуги было самое трудное. Сандунов в таких ролях был неподражаем и был на сцене, как дома: смел, развязан и ловок.

Сандунов был самый модный и любимый актер. Все тогдашние молодые люди в обществе старались ему подражать; у него было множество друзей между знатью в свете; он был небольшого роста, прекрасно сложен, говорил, прищуривая глаза, но сквозь эти щелки век вырывались взгляды самые умные и хитрые: он высматривал каждое движение того, с кем говорил, и проникал его насквозь. Его женитьба известна всем, и сама Екатерина II принимала в ней живейшее участие. Сандунов одно время служил в Петербурге, но после опять перешел в Москву. Во время нашествия французов в 1812 году он бежал в Сумы и здесь явился с бородой и в мужицкой сермяге к своему приятелю А. А. Палицыну, известному переводчику «Новой Элоизы» Жан-Жака Руссо.

– У меня погибли все пожитки, – сказал Сандунов своему приятелю, – но о них не жалею: у меня уцелели две вещи, для меня самые дорогие – мраморный бюст матушки Екатерины и ее песня; она всегда у меня в кармане, вот тут – близ сердца. С этой песней узнал я свет, с нею и в гроб лягу!

Сандунов умер в Москве и похоронен на Лазаревом кладбище. На могиле его стоит чугунный крест с лавровым венком, и на развернутом свитке читается эпитафия, написанная его братом:

*Я был актер, жрец Талии смешливой,
И кто меня в сем жречестве видал,
Тот мне всегда рукоплескал,
Но я не знал надменности кичливой!
В смысл надписи, прохожий, проникай!
Тщеславься жизнью, но знай,
Что мира этого актеры и актрисы,
Окончив роль, – как я, уйдут все за кулисы!
Кто роль свою умеет выдержать до конца,
Тот воздаяния получит – от Творца.*

Брат Сандунова был известный в то время обер-секретарь. Братья были очень дружны между собою, что не мешало им нередко подтрунивать друг над другом.

– Что это давно не видать тебя? – говорит актер брату своему.

– Да меня видеть трудно, – отвечал тот, – утром сижу в Сенате, вечером дома за бумагами. Вот твое дело другое: каждый, когда захочет, может увидеть тебя за полтинник.

– Разумеется, – говорит актер, – к вашему высокородию с полтинником не сунешься.

По открытии Медоксом Петровского театра дела его пошли хорошо – труппа у него была блистательная и очень любимая москвичами; весь репертуар состоял из тридцати пьес и семидесяти пяти спектаклей в год. Кроме большого Петровского театра был еще у него и другой, летний, в «вокзале» в Рогожской части. Тут играли только маленькие комические оперы в одном или в двух действиях и такие же комедии. За представлением следовал бал или маскарад, который заключался всегда прекрасным ужином – и все это тогда стоило пять рублей.

Для открытия вокзала В. И. Майков сочинил небольшую оперу: «Аркас и Ириса», музыка Керцелли. Для гуляющих в саду были раскинута палатки, где находились кофейни, поставлены качели; балансеры вольтижировали на канатах, играла музыка и пели песенники. Сюда обыкновенно стекалось публики по 5 000 человек и более.

Медокс предполагал в своем вокзале устроить другой театр, для простого народа, в котором бы представляли одни пьесы народные или патриотические. В этих пьесах должны были бы играть молодые актеры, и кто из них отличился, то того переводили бы в большой театр. Но вскоре дела Медокса приняли дурной оборот – многие актеры его покинули, сборы пошли плохие, он впал в неоплатные долги и обязательств с казною не мог выполнять.

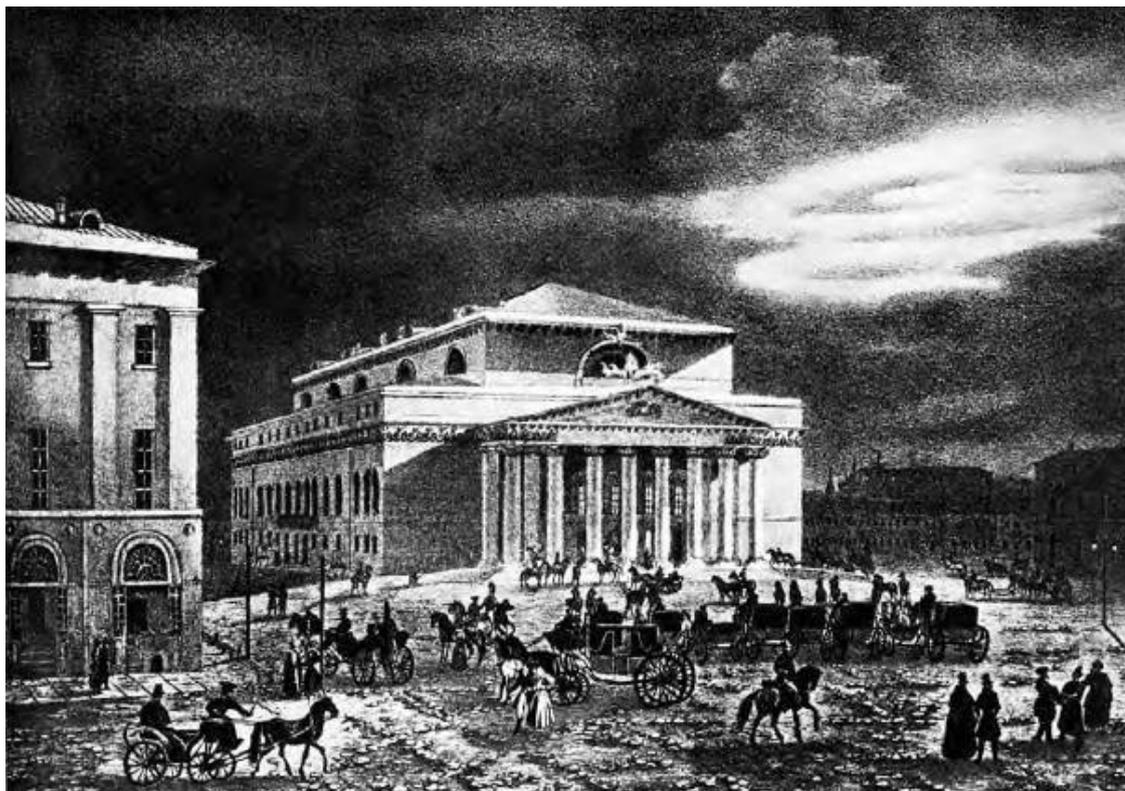
В таком положении он стал просить главнокомандующего князя А. А. Прозоровского оказать ему возможное содействие, но последний отвечал Медоксу:

«Фасад вашего театра дурен, нигде нет в нем архитектурной пропорции; он представляет скорее груды кирпича, чем здание. Он глух потому, что без потолка, и весь слух уходит под кровлю. В сырую погоду и зимой в нем бывает течь сквозь худую кровлю, везде ветер ходит и даже окна не замазаны, везде пыль и нечистота. Он построен не по данному и высочайше подтвержденному плану; внизу нет сводов, нет определенных входов, в большую залу один вход и выход, в верхний этаж лож – одна деревянная лестница, вверху нет бассейна, отчего может быть большая опасность в случае пожара.

Кругом театра вместо положенной для разъезда улицы – деревянное мелочное строение. Внутреннее убранство театра весьма посредственно, декорации и гардероб худы. Зала для концертов построена дурно – в ней нет резонанса; зимой ее не топят, оттого все сидят в шубах; когда топят – угарно. Актеров хороших только и есть два или три старых; нет ни певца, ни певицы хороших, ни посредственно танцующих и знающих музыку. Поверить нельзя, что у вас капельмейстер глухой и балетмейстер хромой».

В декабре 1790 года императрица спрашивала Прозоровского о московском театре и, известясь от него, что театр во всех частях неудовлетворителен, заметила, что право Медокса скоро должно кончиться, и поручила князю привести театральные представления в лучшее состояние. Князь предложил директорам Дворянского клуба принять театр в свое содержание, но они от этого отказались. Медокс согласен был продать театр за 350 000 рублей. В 1792 году Медокс подавал просьбу Прозоровскому, в которой упомянул о своих заслугах перед обществом построением театра, и просил оказать ему возможное пособие. Осенью в этом году Опекунский совет назначил к продаже все имущество Медокса.

Но, несмотря на затруднительное положение, Медокс не переставал давать спектакли, и в 1794 году труппа его была составлена необыкновенно удачно – многие талантливые актеры, перешедшие из петербургского театра, играли у него. Высшая публика весьма охотно ездила в русский театр, и, в доказательство моды на русские драматические представления, в Москве завелось много домашних театров – таких в то время в Москве было более двадцати. Медокс не ослабевал в постановке своих спектаклей, и что только нового являлось в Петербурге, то и он спешил поставить у себя. Он подрядил трудолюбивого переводчика, Н. С. Краснопольского, переводить все новые пьесы с немецкого и поставил три части «Русалки», которая и шла у него долгое время с большим успехом. В 1796 году срок привилегии Медокса кончился, он просил тогдашнего начальника столицы М. М. Измайлова отсрочить ему привилегию еще на два года, потому что в его театре около двух лет не было представлений по причинам, от него не зависящим.

А. Кадоль. Большой театр. Вечерний разъезд. 1825 г.

Его просьба была уважена. После актер Сандунов составил с товарищами проект и просил начальство отдать ему театр на откуп. Но Высочайшего на это соизволения не последовало. В 1804 году был учрежден Комитет для разбора дел театральных и Высочайше повелено было занять у Опекунского совета 300 000 руб., из которых Комитет уплатил первоначально долгу театра 191 366 руб, а остаток предоставил театральной дирекции, которая тогда только что учреждалась, на расходы и нужное обзаведение театра. Впоследствии, как ни старался Медокс оградить свое имение, но оно подверглось все продаже, как-то: флигель Петровского театра, деревянный дом, в котором жил Медокс, и его вокзал с садом; в это время Медокс был должен кредиторам 76 000 руб. Последние получили все деньги сполна и с процентами, потому что, независимо от вырученных за проданное его имение, императрица Мария Феодоровна оказала благодеяние Медоксу, обеспечив горькую его судьбу, дав ему одновременно 10 000 руб. и положив еще пенсию ему ежегодно в 3 000 руб.

В 1805 году, зимою, Петровский театр сгорел от неосторожности гардеробмейстера: собирались играть «Русалку», но как пожар произошел до начала спектакля и публика только начала съезжаться, то с людьми несчастья не последовало. После пожара театральные представления в Москве не прекращались.

От Медокса московский театр на короткое время попал непосредственному надзору или попечительству Императорского Московского Воспитательного дома, от имени которого театральною частью распоряжался Гавриил Степанович Карнович.

Как мы выше уже говорили, московский Воспитательный дом уже ранее этого занимался образованием актеров. Так, известна была еще в 1784 году в Петербурге труппа чиновника Книппера, составленная единственно из воспитанников этого благотворительного учреждения. Всех актеров у Книппера из воспитанников было 51 человек; из последних возникли многие замечательные таланты, как, например, Гамбуров и Крутицкий. Последний был в свое

время в такой славе, что иностранные артисты, проживавшие в Петербурге, часто ходили на него смотреть. Эта труппа впоследствии присоединилась к Императорской.

1 апреля 1806 года театр московский сделался Императорским и перешел в зависимость директора театральных зрелищ; вместе с этим повелено было всем артистам зачесть их годы службы у Медокса за действительную к выслуге пенсioнов и был назначен особым директором в Москве князь Мих. Пет. Волконский, от которого впоследствии приобретена в казну и его крепостная труппа артистов. В бытность директором театра князь Волконский особенно заботливо относился к постановке пьес. Так, актера Волкова, игравшего тогда в «Русалке» роль Тарабара, он нарочно посылал поучиться в Петербурге у Воробьева (известного ученика Маркети), как он выражался, тарабарской грамоте.

На московском театре долго стояли столбами рабски подражательного французского классицизма Сумароков и Княжнин; перед именами этих авторов благоговели все грамотные и безграмотные. Никто не смел отыскивать в их творениях недостатков и погрешностей.

Считалось святотатством критиковать какое-нибудь место в «Димитрии Самозванце», в «Синаве и Труворе» (Сумарокова), в «Додоне», в «Рославе», в «Титове Милосердии» (Княжнина); говорили: «Матушка их царица отметила!», «Старшие хвалят!», и, если являлся какой-либо смелый «высочка и растабарывал» как-нибудь не в пользу общепринятого хорошим, — старики всех кругов начинали над высочкою смеяться и говорить в один голос: «Смотри, пожалуй, умней хочет быть Сумарокова!» В числе русских опер непомрачаемо блистал в XVIII веке «Мельник-колдун, обманщик и сват» Аблесимова; за ним стоял «Сбитенщик» Я. Б. Княжнина, очевидно, впрочем, заимствованный из французских нравов.

После них имели большой успех две оперы князя Горчакова: «Баба-яга» и «Счастливая Тоня». Первая из них более нравилась публике, за вторую публика претендовала на князя Горчакова и громко говорила: «Ну, что бы это его сиятельству назвать рыбака своего Иваном, а не Миловзором», или: «Что бы это рыбаку-то его сиятельства поймать не духа, а уж если не черта, то, по крайней мере, водяного дедушку, а дух, что это такое? Всяк бывает дух!»

За этими операми следовала «Ахридеич» («Иван-царевич»), опера великой Екатерины, замечательная по великолепию своих декораций. «Гостиный двор» (Матинского), картинка нравов тогдашнего купечества и крючкотворства приказных. «Розанна и Любим» (Николаева) с «Барчуком-псарем» и пр. Музыка ко всем этим операм составляли большею частью какие-то мелодические сборники из русских и всяких песен. Поставляли музыку Мартини, Керцелли, Фрей и другие музыканты, теперь позабытые; был, впрочем, знаком москвичам того времени и Моцарт, но он не ладился под наш стих, как ни запрягал его в наши оглобли какой-нибудь Фрей или Афанасий.

Нынешняя оперетка, или, как тогда ее величали, «Малая опера», тоже уже была известна москвичам. Из таких уже пользовались успехом «Несчастье от кареты» (Княжнина), «Федул с детьми» (Екатерины Великой), «Новое семейство» (Вязмитинова) и еще некоторые другие. Особенно нравились «Федул с детьми», со своими песнями, хорошо подобранными, и «Несчастье от кареты», резкая сатира на бар — «французолобцев». Одна афиша «Федула» составляла какую-то народную скороговорку! Для любопытства привожу часть имен пятнадцати детей Федула: Дуняша, Фатяша, Минодора, Нимфодора, Митродора, Анкудим, Никодим, Ипполит, Неофит, Парамон, Филимон и т. д.

Одна историческая песня из этой оперы: «Во селе, селе Покровском», петая актрисой Сандуновой, производила фурор во всех тогдашних салонах. Сандунова, как говорили, сама находила здесь какой-то факт из собственных своих приключений, и потому-то мастерство ее в этой песне было мастерством особенным! В «Несчастье от кареты» героиней была барыня-полуфранцуженка, которая очень желала иметь модную французскую карету и за недостатком денег на покупку ее решила продать в рекруты крестьянина.

Домашний шут научил этого бедняка сказать его госпоже несколько французских слов с соблюдением «прононсия», и тем бедняк спас себя от рекрутчины и женился, на ком хотел. Успех эта оперетка имела тогда колоссальный, все ходили слушать пение Сандуновой и смотреть на «буфонства» любимого тогда комического актера Ожогина, от одного выхода которого на сцену публика уже помирала со смеху. Но особенный фурор в этой пьесе производила песня на напев известной песни графини Шереметевой «Вечор поздно из лесочку», петая Сандуновой и ею сочиненная:

*Если б завтра да ненастье,
То-то б рада я была.
Если б дождик – мое счастье, —
За малинкой в лес пошла.*

В тот романический век нежные души видели в песне Сандуновой намек на судьбу известной крестьянки «Параши» (графини) с Лизанькой (Сандуновой). Как известно, обе были актрисы и певицы, обе сыграли в свете между современниками видную героическую роль.

Позднее, с 1790-х годов, на сцену входит в моду слезливая немецкая комедия, немецкая драма и даже частью немецкая опера и трагедия, и завладевает московской сценою Август фон Коцебу. В Москве многие дивились большому успеху Коцебу и говорили: «Как это он, Коцебу, русский подданный, мог прославить себя литературно в целой Европе?» И вследствие этого всякая пьеса Коцебу в переводе имела в Москве большой успех. Особенно с большим успехом давались его драмы: «Сын любви», «Серебряная свадьба», «Ненависть к людям и раскаяние», «Попугай», «Бедность и благородство души» и проч.

Во всех пьесах Коцебу первые женские роли играла трагическая актриса М. С. Синявская; позднее заменила ее М. С. Воробьева, «сотворенная, – как говорила тогдашняя критика, – для драм Коцебу». В «Гусситах под Наумбургом», когда эту пьесу стали часто давать в начале 1812 года, весь театр рыдал от игры этой артистки. Критика, в наивном восторге, иначе ее не называла, как «невозможною». Несколькими годами позднее такой же слезливый успех в Москве производили приезжие из Петербурга артисты Самойловы в пьесе «Павел и Виргиния»; оба, муж и жена, были превосходны; в первый раз эти артисты играли на Арбатском театре в опере «Водовоз». Н. Полевой в своих театральных воспоминаниях говорит: «Волосы стали у меня дыбом, когда Павла разлучили с Виргиниею, а когда Павел бросается в море, и потом на сцене беготня и смятение и их вытаскивают без чувства, – я едва дышал...»

Из также слезливых пьес в начале нынешнего столетия в Москве долго не сходили с репертуара две Лизы: первая – «Лиза, или Торжество благодарности», соч. Н. И. Ильина; в ней пожинала лавры Сандунова; вторая – «Лиза, или Следствие гордости и обольщения», соч. В. М. Федорова, была взята им из повести Карамзина «Бедная Лиза»; в роли последней из Лиз опять пользовалась успехом Матрена Семеновна Воробьева. После представления этой пьесы, по словам современников, у ничем неповинного Лизина пруда в Москве по вечерам гуляли толпами влюбленные. Какой-то непочтительный поэт невинный пруд почтил даже следующим двустишием:

*Здесь Лиза утонула, Эра. стова невеста,
Топитесь, барышни, для всех вас будет место.*

Отличалась также такими же элегическими достоинствами комедия Ефимьева «Преступник от игры, или Братом проданная сестра» (истинное происшествие). В Петербурге в таких немецких драмах и русских переделках имел громадный успех актер Яковлев; особенно извле-

кал он слезы у зрителей в «Графе Вальтроне», в «Ненависти к людям и раскаянии» и в тех же «Гуссилах под Наумбургом».

Даже ничего не имеющие общего со слезами танцы и балет в то время носили характер элегический и зритель ежеминутно трепетал в ужасе за участь любовников. Так, в известном балете «Ацис и Галатей» неожиданные катастрофы с первого акта поражали публику; герой балета, бедный Ацис, с открытием занавеса тотчас же попадал неожиданно в руки ужасного Полифема – он с яростью опрокидывает его, схватывает за ногу и, как перо, бросает через сцену по воздуху. Ацис должен был бы уничтожиться от удара, но он невредимо сохраняется Амуром, подхватывающим его на лету и переносящим на облаке в безопасное место. Во втором акте Полифем застаёт любовников на берегу морском в самом страстном изъяснении чувств; он отрывает от горы целый обломок скалы и с яростью бросает его на них.

Гора летит и готова раздавить любовников, не ожидающих такой беды; но вдруг вся эта скала раздвояется и из нее вылетает Амур, в то же мгновение сцена переменяется, представляя восхитительнейшее зрелище – царство любви.

В этой картине вся правая сторона сцены не имела кулис, и целая гора, кипящая сверху донизу народом и занимавшая всю длину театра, выдвигалась вперед. Все проделки с падающим и летающим несчастным героем балета делались в то время с куклою, одетою Ацисом. Другой такой же слезливый балет – «Венгерская хижина» – был заимствован из истории венгерских возмущений, и ни один из зрителей не мог устоять, чтобы не тронуться до слез сценою с ребенком во втором акте, и много было пролито слез чувствительными барышнями при просмотрении этого балета.

В 1871 году московскую публику восхищала балетная танцовщица, или, как ее тогда называли, пантомимная актриса Е. И. Колосова, особенно она была хороша в роли «Медеи» и «Изоры» («Рауль Синяя Борода»). Также очень нравилась публике ее русская пляска с танцором Огюстом. Знаменитая трагическая актриса Жорж даже просила ее выучить этой пляске ее меньшую сестру, которая плясала в бенефис актрисы Жорж с Огюстом. Колосова в свой бенефис в 1811 году, перед балетом («Рауль Синяя Борода», которого представлял Лефевр), участвовала в двух пьесах: в комедии Иванова «Женихи» она играла офицера Быстряя и в оперетке И. И. Вальберха «Два слова, или Ночь в лесу» роль Розы, прислуживающей в трактире.

Большие похвалы расточались в это время балетам; по ним учились, хореографические произведения того времени обнимали мир видимый и воображаемый, историю и мифологию, рыцарские романы и восточные сказки. Но какая это была история! Так, в «Альцесте» мифология греков была смешана с понятиями нашего времени, так как в древнем Тартаре фигурировали черти и фурии, одетые в платье нового покроя. Критика 20-х годов дает много интересных данных относительно театральных костюмов на московской сцене. При костюмировке на верность мало обращалось внимания. Дмитрий Донской являлся вооруженным римским мечом, Антигона в русской фате, Отелло в полусапожках, Аменаида с бриллиантовой гребенкой; своеволие в нарядах комических лиц было не менее безгранично. Жених являлся во французском кафтане, напудренным, со шпагою, а невеста – одетою по последней книжке «Дамского Журнала».

В «Бригадире» все женщины, исключая бригадиршу, были одеты в платье последнего времени, мужчины – в кафтаны 1770 года, а сын бригадира – в новомодный фрак и напудрен. Существовали привилегированные костюмы. Подьячие, приказные являлись непременно в коротких оборванных кафтанах, в треугольных шляпах; необходимою принадлежностью считались рукавицы, муфта, шпага, тавлинка. Евреи, какие бы ни были, были всегда одеты в платье польских евреев. Театральные предания, впрочем, и посейчас чтутся многими актерами. Так, первый любовник непременно является на сцену завитой бараном, а простак всегда в рыжем парике и т. д.

Как уже мы выше сказали, после пожара Петровского театра представления в Москве возобновились в доме Пашкова на Моховой, и затем, в 1807 году, сделано было распоряжение о постройке нового деревянного театра у Арбатских ворот, где оканчивается Пречистенский бульвар; на этой площади теперь устроен бассейн. Театр был построен по плану архитектора Росси и открыт 13 апреля 1808 года пьесой С. Н. Глинки «Баян», русский песнопевец древних времен с хорами и балетами. Площадь, на которой стоял театр, была вновь нивелирована и вымощена, потому что в дождливую погоду по ней ни пройти, ни проехать было невозможно от грязи.

Арбатский театр был очень красив, весь окружен колоннами, подъезды к нему вели со всех сторон; большое пространство между колонн в виде длинных галерей, соединявшихся вместе, представляло хорошее место для проездов. Внутреннее устройство театра было превосходное; декорации для него написаны были художником Скоти; балетмейстером принят Лефевр, и переведены из Петербурга танцовщицы: Делиль, Ламираль и Константин Плетен. Но самая лучшая эпоха московского балета была только в следующем году, когда сюда приезжал знаменитый Дюпор, который, порхая по сцене, удивлял своею силою, грацией и легкостью; с ним танцевали петербургские танцовщицы Сенклер, Новицкая и Иконина. Дюпор поставил здесь балеты «Зефир, или Ветреник, сделавшийся постоянным», «Любовь Венеры и Адониса, или Мщение Марса» и «Севильский цирюльник». В ноябре 1809 года на этом театре играла отличная французская труппа, с известной актрисой Жорж во главе – она дебютировала в роли Федры, потом Дидоны. В это время с этой артисткой те же роли по-русски играла актриса Вальберхова; насчет игры этой артистки в Москве в то время были сложены стихи:

*Вальберхова Дидона
Дрстойна трона!*

Актриса Жорж во второй раз приезжала в Москву в 1812 году; в то же время на сцене Арбатского театра появилась ей соперница Семенова (Катерина Семенова). По словам критиков того времени, Семенова ничем не отличалась от французской актрисы. Лучшие литераторы того времени были руководителями Семеновой, Н. И. Гнедич по нескольку раз проходил с ней каждую роль. Русская артистка не знала твердо русскую грамоту, ей должны были начитывать роли, объяснять каждый монолог с ударением всякого стиха; последнему искусству ее обучала жившая у нее актриса П. А. Лобанова – известная артистка на роли наперсниц.

Жорж и Семенова съехались в одно время в Москву и представляли одни и те же роли; это состязание талантов вызывало в московском обществе много толков, и публика разделилась на две партии. Ариана, Меропа, Танкред чередовались на театре по-французски и по-русски. Жорж, отдавая справедливость Семеновой, говорила, что она имеет перед нею то преимущество, что играет трагедию и в прозе, которая на сцене у нее нейдет с языка.

И. Индейцев. Фрагмент панорамы Москвы. 1850-е гг.

С Семеновой играли тогда первые роли Шушерин, Плавильщиков и Мочалов. Семенову вся знать Москвы приглашала к себе на вечера и за прочтение какого-нибудь монолога платила по 500 рублей. Во время представления «Меропы», в которой она явилась в роли Аменайды, ей была поднесена бриллиантовая диадема, и тогдашний поэт Ю. А. Нелединский, восхитясь ее игрою, написал в ложе экспромт, кончающийся так:

*Всех привела в восторг! Твоих страшася бед,
Всяк чувствами к тебе, всяк зритель был Танкред.*

Где требовалось изображение сильных страстей – Семенова не имела соперниц. Оставя совсем театр, она долго жила в Москве и участвовала во многих благотворительных спектаклях.

Из таких спектаклей особенно замечательно был устроен в большой зале Благородного Собрания, где она играла Эйлалию вместе с известным любителем Ф. Ф. Кокошкиным, на этот спектакль недоставало мест для желающих. В другой раз она играла на театре графа Апраксина, тоже в спектакле благородных любителей. В 1808 году на Арбатском театре с большим успехом давалась пьеса графа Ростопчина «Вести, или Убитый живой», в ней играли актеры Сила Сандунов в роли поэта и А. И. Лисицына в роли Мартемианы Бабровны Набатовой, развозчицы вестей.

Пьеса повторялась несколько дней сряду; самому автору так понравилась игра Лисицыной, что он на другой день после представления прислал ей сумму, равняющуюся годовому окладу ее жалованья, подписав: «Ее Совершенству Маремьяне Бабровне Набатовой». В 1809 году 6 декабря в 8 часов вечера Арбатский театр посетил император Александр I; давали

оперу «Старинные святки», и когда Сандунова, игравшая Настасью-боярышню, с кубком в руке вышла на сцену и запела: «Слава нашему царю, слава!» – все присутствовавшие встали, обратились к царской ложе и закричали: «Слава царю Александру!»

В Отечественную войну при получении сведения о Клястицком и Кобринском сражении давали на этом театре опять «Старинные святки», и здесь опять Сандуновой пришлось величать наших героев: Витгенштейна, Тормасова и Кульнева, вместе с присутствовавшей публикой. 30 августа 1812 года был последний спектакль с маскарадом в этом театре, давали «Семейство Старичковых», публика состояла почти из одних военных. При вступлении неприятеля в Москву Арбатский театр сделался одною из первых жертв пожара.

ГЛАВА VII

Московский театр в 1812 г. – Французская труппа. – Богатый театральный гардероб. – П. А. Поздняков. – Спектакли в Москве во время нашествия Наполеона. – Трагическая судьба артистов. – Возрождение московского театра. – Апраксинский театр. – Любительские спектакли. – Столыпинский театр. – Крепостные актеры. – Продажа столыпинской труппы. – Покупка труппы в казну. – Граф Гудович. – Старинные театральные обыкновения. – Отмена некоторых обычаев. – Граф Ростопчин, – Дурасовский театр. – Театр князя Хованского. – Характеристика князя. – Его шут Савельич. – Потемкинский театр.

Во время пребывания французов в Москве в Отечественную войну император Наполеон приказал отыскать французских артистов, живших в Москве, и велел для военной публики дать несколько спектаклей.

Французская труппа артистов под управлением даровитой актрисы Бюрсей, в то время всеми забытая, жила в большом доме князя Гагарина, на Басманной, в части города, совершенно противоположной той, откуда вступила неприятельская армия. Семья артистов состояла из гг. Адне, первого трагика парижского театра Сен-Мартен, Перу, Госсе, Лефевра и г-жей Андре, Перигюи, Лекень, Фюзи, Ламираль и Адне.

Короли кулис, в лаптях и сермяжных армяках, влачили свое существование в ограбленной столице. По приказу императора генерал Боссе выдал им значительную сумму денег для поправления их печального положения.

Вот как описывает актриса Фюзи³⁴ состав этой труппы, представшей перед своим директором генералом Боссе. Первый трагик явился во фризовой шинели и шапке ополчения; первый любовник – в семинарском сюртуке и треугольной шляпе; благородный отец – без сапог и с дырявыми локтями; злодей – без необходимейшей части туалета – без панталон, в коротеньком испанском плаще.

Женский персонал был одет еще скуднее. Вся труппа была разряжена так, как будто шла в маскарад нищих и бродяг. Одна только директорша, г-жа Бюрсей, была в красной душегрейке на заячьем меху и в головном уборе Марии Стюарт, с черным страусовым пером и в чалме, в которой некогда играла в «Трех султаншах» и «Заире».

Граф Дюма, которому Наполеон поручил надзор за Кремлем, открыл спрятанные в подземельях сундуки с разными богатыми придворными одеждами.

И надо представить себе, с какою жадностью, по словам Фюзи, артисты, почти нагие, бросились вскрывать сундуки московских бояр. Мужчины делили дедовские кафтаны русских; женщины отнимали друг у дружки старинные атласные роброны бабушек и т. д.

Но, несмотря на все эти роскошные наряды, у актеров не доставало самого необходимейшего – белья. Далее Фюзи говорит: «У нас не было ни платья, ни башмаков. Однако ленты и цветы посыпались на нас градом в день первого спектакля; последние находили в казармах французской гвардии». К стыду победителей, эти казармы гвардии, где развевались ленты, были святые соборы Кремлевский, Успенский, Благовещенский и Архангельский. Представления французской труппы давались на Большой Никитской, в домашнем театре Позднякова, где теперь дом князя Юсупова.

Театр П. А. Позднякова в Старой Москве славился своею роскошью, зимним садом и другими затеями прошлого вельможного барства. Спектакли Позднякова считались первыми в Москве. Сам хозяин на своих спектаклях и маскарадах важно разгуливал наряженным не то персиянином, не то китайцем. Про него сказал Грибоедов в своей комедии:

На лбу написано «театр» и «маскарад».

У него же находился и «певец зимой – погоды летней»: это был садовник-бородач, который во время балов и маскарадов, прячась в кустах, щелкал и заливался соловьем. У Позднякова режиссером театра был Сандунов, а в труппе особенно славилась актриса Любочинская.

Про Позднякова, этого московского хлебосола и увеселителя, князь Вяземский рассказывает следующий случай. У него в качестве домашнего гофмаршала или камергера состоял некто Лунин, который при дворе его хозяйничал и приглашал на празднества и проч. В Москву ожидали персидского или турецкого посла. Разумеется, Поздняков не мог пропустить эту верную оказию и занялся приготовлениями к великолепному празднику в честь именитого восточного гостя. К сожалению, смерть застала его в приготовлениях к этой тысяче и одной ночи. Посол приезжает в Москву, и Лунин к нему является. Он докладывает о предполагаемом празднике и о том, что Поздняков извиняется перед послом; за приключившеюся смертью его праздник состояться не может.

Поздняковский театр французами был приведен в порядок с необыкновенною роскошью и мог щегольнуть невиданным и неслыханным богатством. Здесь ничего не было мишурного, все было чистое серебро и золото. Ложи были отделаны дорогою драпировкою. Занавес был сшит из цельной дорогой парчи, в зале висело стосемидесятиместное паникадило из чистого серебра, некогда украшавшее храм Божий.

Сцена была убрана с небывалою роскошью. Всюду виднелись в изобилии богатейшая мебель, драгоценные украшения, мрамор, бронза – их извлекали из-под пепла и из погребов, куда москвичи прятали свои сокровища, предавая жилища огню. Кремлевские палаты, галереи Чудова монастыря и колокольня Ивана Великого были битком набиты всевозможными сокровищами и драгоценностями.

Через три дня после приказа был назначен первый спектакль. Вот первая афиша:

«Французский театр в Москве. Французские актеры будут иметь честь дать в следующую среду, 7 октября 1812 года, первое представление «Игра любви и случая», комедии Мариво из 3 актов в прозе. За ней следует «Любовник., творец и слуга», одноактная комедия Серона, в прозе. В «Игре и любви»: г-да Андрэ, Перру, Бэлькур, Бертран, а также г-жа Андрэ и г-жа Фюзий».

Цена местам была назначена следующая: первая галерея – 5 руб. или 5 франков, партер – 3 рубля или 3 франка, вторая галерея – 1 руб. или 1 франк.

Первый спектакль имел большой успех, военная публика неистово кричала «браво». Весь партер был занят солдатами: заслуженные, с крестами Почетного Легиона, сидели в первых рядах; оба ряда лож были наполнены чиновниками штаба и офицерами войск всех национальностей.

Публика при всякой оказии кричала: «Да здравствует император! Да здравствует Наполеон!» Женщин в театре было немного – несколько оставшихся гувернанток и модисток с Кузнецкого моста.

Оркестр был превосходный и состоял из лучших музыкантов гвардии. Между тем как одни солдаты смотрели на представление, товарищи их поочередно охраняли театр.

Кое-где были разложены огни, и чрезвычайное множество бочек с водою и ведер стояло около самого театра. По всей же Никитской и по бульварам тянулись сторожевые кордоны и пикеты – такие строгие меры предпринимались на случай пожара, могущего произойти на сцене.

За все время пребывания французов в Москве дано было одиннадцать представлений. Вот пьесы, которые имели успех и повторялись несколько раз: «Фигаро», «Прокурор-власте-

лин», «Три султанши» и другие. На театре также очень нравились военной публике разнохарактерные дивертисменты из танцев; последние целиком были взяты у русских.

Из таких танцев особенно блистательно шла русская пляска, которую превосходно плясали две сестры Ламираль – по рождению русские.

Сам император не удостоил своим присутствием ни одного спектакля. Впрочем, Фюзи в своих записках говорит, что однажды Наполеон зашел на представление, когда давали пьесу «Открытая война».

Но для императора каждый вечер давался концерт из пьес любимых его авторов. Между иностранцами, жившими в Москве и уцелевшими при общем погроме, нашли итальянца, певца Таркинио, к нему добыли пианиста Мартини, сына автора оперы «Редкая вещь» и «Дианино древо», еще отыскивали певицу романсов и ариеток, г-жу Фюзи.

Вот как описывает последняя один из таких концертов:

«Я пела романс, которым прославила себя в московских гостиных. В присутствии императора зрители не аплодировали; но романс, никому неизвестный, произвел некоторое впечатление. Наполеон, разговаривая с кем-то во время пения, не слышал романса, однако ж шум в зале заставил его спросить о причине графа Боссе. Мне приказано было повторить романс. С тех пор меня беспрестанно мучили этим романсом. Король Неаполитанский выпросил у меня музыку. Романс был написан в рыцарском духе.

7 октября император призвал меня и начал расспрашивать об улучшениях касательно театра. Он начал перечислять артистов, которых можно взять из Парижа, отмечая имена их карандашом на лоскутке бумаги; он говорил о мерах, которые нужно принять для скорейшего доставления их в Москву.

Список еще не был кончен, как наши занятия были прерваны неожиданным приездом адъютанта Мюрата с известием о поражении короля Неаполитанского под Тарутиным войсками Бенингсена.

В тот же вечер был отдан приказ о выступлении войск из Москвы, и бедные французские актеры были предоставлены на свою волю – оставаться ли в Москве или следовать за армией. Артисты из Москвы выехали очень печально и кончили путешествие очень трагически. Первый любовник поехал верхом, трагики и комики поместились в лазаретном фургоне, директорша и первая любовница поехали на тройках в ландо; до Смоленска они кое-как дотащились, но уже от Смоленска на них обрушились всевозможные несчастья.

Так, первый любовник потерял своего буцефала и отморозил ноги, и затем, оставленный на большой дороге, умер с голоду в лазаретной фуре.

Другой первый сюжет труппы забыл запасться рукавицами и валенками, на пути отморозил себе ноги и руки, а при переправе через Березину утопил свою жену и повозку. Директорша и первая любовница долго путешествовали на одной хромой лошади, в старом зарядном ящике, но под конец на одном из привалов, во время партизанского наезда первая любовница была сильно контужена ядром и вскоре скончалась.

Сам директор, граф Боссе, долго путешествовал верхом на пушке, отморозил себе ноги и кое-как добрался до Франции».

По выходе французов из Москвы первый посетил Наполеоновский театр известный драматург князь А. А. Шаховской.

Вот что он увидел здесь: на сцене валялись дохлые лошади, лестница, коридоры и зал были загромождены мебелью, зеркалами, музыкальными инструментами.

В уборных валялись обрезки парчовых и бархатных материй, из которых артисты выкраивали себе кафтаны, а артистки сооружали юбки, береты и спенсеры.

Наши русские актеры в годину Отечественной войны потерпели немало.

Князь И. М. Долгоруков в своем «Капище сердца» рассказывает:

«Когда партизаны-неприятели уже грабили в окрестностях около нашей подмосковной, мы снабдили подводами семейства актеров: Мочалова с женою и дочерью и певицу Насову с матерью и доставили им возможность дотащиться до Ярославля.

При всем горе и несчастьи, в котором всякий из нас тогда находился, были минуты, в которые нельзя было не расхотаться. Например, когда я увидел, что Насова натягивала дугу у телеги и сама в нее впрягала лошадь, Насова, которую я помню в театре, дающую оперу в свой бенефис, которой, кроме четырех тысяч сбору в один вечер, летели еще из партера на сцену кошельки с особенными подарками признательности – видеть же ее около лагуна с дегтем и клячи было жалко и смешно.

Не меньше был забавен и Мочалов, когда он вдруг прибежал к матери моей и трагически вопиял против невежества нашего управителя. Дело было в следующем: Мочалов, видя, что мы слишком стеснены, желал нанять квартиру на заводе; управляющий заводом, узнав, что он актер, запретил ему отдавать квартиру, говоря, что Господь покарает весь завод за то, что он приютил в такое тяжкое время грешника – актера».

Этот Степан Мочалов был отец известного в свое время трагического актера П. С. Мочалова.

Театр московский возродился только в 1814 году. Первая пьеса, игранная на московской сцене, была драма Бориса Федорова «Крестьянин-офицер, или Известие о прогнании французов из Москвы». Пьеса шла тридцать раз кряду.

Но ранее этого еще в Москве давали на частном театре графа С. С. Апраксина, на Знаменке, любимую оперу «Старинные святки»; помимо этой пьесы, шли там патриотические пьесы «Храбрые кирилловцы при нашествии врагов», соч. Вронченки, затем «Освобождение Смоленска», «Всеобщее ополчение» и комедия Бориса Федорова «Прасковья Прадухина».

Дом Апраксина в Москве был самый гостеприимный. Судить о широком хлебосольстве этого барина можно по тому, что, как рассказывает князь Вяземский, он вскоре после нашествия французов дал в один и тот же день обед в зале Благородного собрания на 150 человек, а вечером в доме своем – ужин на пятьсот. Но не одними балтазаровскими пирами угощал Москву Апраксин, и более возвышенные и утонченные развлечения и празднества находили там москвичи. У него бывали литературные вечера и чтения, концерты и так называемые благородные, или любительские, спектакли.

В его барском доме, как мы уже говорили, была обширная театральная зала; там давали в особенности славившуюся тогда оперу «Диана и Эндимион», в которой гремели охотничьи рога, за кулисами слышался лай гончих собак, а по сцене бегали живые олени. У него шли пьесы «Ям», «Филаткина свадьба», «Русалка» и проч. После французов там долго давался дивертисмент под названием «Праздник в стане союзных войск», с солдатскими песнями. В труппе Апраксина были известный комик Малахов. и замечательный тенор Булахов (отец) с металлическим голосом и безукоризненной методой.

Про Булахова говорили итальянцы, что если бы он пел в Милане или Венеции, то затмил бы все европейские знаменитости. В любительских спектаклях у Апраксина играли два очень

талантливых любителя – два соперника по искусству – приятели Апраксина, Ф. Ф. Кокошкин и А. М. Пушкин: первый заведовал у него русской сценою, другой – французской.

Оба были превосходные актеры, каждый в своем роде. Первый был трагический актер старинных сценических преданий и обычаев; второй был тоже большой знаток сценического искусства и на театре был как дома, играл свою роль, как чувствовал и понимал, и был неподражаем в комедии Бомарше, в роли Фигаро.

На театре Апраксина много лет играли императорские актеры, и опера итальянская выписана и учреждена была тоже при содействии Апраксина. Когда умер граф Апраксин, то в Москве про смерть его ходили разные слухи и рассказывали следующий, бывший с ним в молодости, случай.

Он был с кем-то в приятельских отношениях. По каким-то служебным неприятностям этот приятель вынужден был выйти из военной службы. Он поселился в Москве – это было в царствование Екатерины II. Увольнение от службы делало его положение в обществе сомнительным.

Он умирает. По распоряжению градоначальника отменяются военные почести, обыкновенно оказываемые при погребении бывшего военного лица. Апраксину показался такой отказ несправедливым; он командовал тогда полком в Москве и прямо от себя и, так сказать, частным образом воздал покойнику подобающие почести.

В ночь, следующую за погребением, является ему умерший, благодарит за дружеский и благородный поступок и исчезает, говоря ему: «До свидания». Другой раз является он ему и говорит: «Теперь приду к тебе, когда мне суждено будет уведомить тебя, что ты должен готовиться к смерти».

Прошли многие годы. Апраксин успел состариться и позабыть видение. Наконец, он легко занемогает; ни доктор, ни домашние не видят в нездоровье его опасности, но он грустен и задумчив. Проходит несколько дней, и он, к удивлению брата, быстро угасает. Эту неожиданную смерть в то время и объяснили третьим видением или сновидением, которого он был жертвою.

Кроме театра Апраксина, после французского погрома уцелел еще другой барский театр; помещался он в Знаменском переулке, близ Арбатских ворот, в доме Столыпина; театр этот после перешел во владение к князю Хованскому и позднее был продан последним князю Трубецкому вот по какому случаю. По соседству с ним был дом князя А. И. Вяземского, у Колымажного двора. Когда князь скончался, на отпевание был приглашен московский викарий. По ошибке он приехал в дом Хованского и, увидев князя, сказал ему: «Как я рад, князь, что встречаю вас; а я думал, что приглашен в дом для печального обряда». Хованский был очень суеверен и вовсе не располагал умирать. Он невзлюбил дома своего и поспешил продать его при первом удобном случае.

Труппа актеров А. Е. Столыпина в свое время пользовалась большой известностью. Особенно славились в ней опереточная актриса «Варинька» (Столыпинская), впоследствии вышедшая замуж за известного писателя Н. Страхова.

До 1806 года почти вся труппа Петровского театра состояла за небольшим исключением, из крепостных актеров Столыпина.

Крепостных актеров от свободных артистов отличали только тем, что на афишах не ставили буквы «Г.», т. е. «господин» или «госпожа», да и обращались с ними тоже не особенно любезно.

Так, С. П. Жихарев рассказывает: «Если они зашибались, то им делали тут же на сцене выговор особого рода». В 1806 году этих бедняков помещик намеревался продать.

Проведав про это, артисты выбрали из среды своей старшину Венедикта Баранова; последний от лица всей труппы актеров и музыкантов подал прошение императору Александру I:

«Слезы несчастных, – говорил он в нем, – никогда не отвергались милосерднейшим отцом, неужель божественная его душа не внемлет стону нашему. Узнав, что господин наш, Алексей Емельянович Столыпин, нас продает, осмелились пасть к стопам милосерднейшего государя и молить, да щедротами его искупит нас и даст новую жизнь тем, кои имеют уже счастье находиться в императорской службе при Московском театре. Благодарность будет услышана Создателем Вселенной, и он воздаст спасителю их»

Просьба эта через статс-секретаря князя Голицына была препровождена к обер-камергеру А. А. Нарышкину, который представил государю следующее объяснение:

«Г. Столыпин находящуюся при Московском Вашего Императорского Величества театре труппу актеров и оркестр музыкантов, состоящий с детьми их из 74 человек, продает за сорок две тысячи рублей. Умеренность цены за людей, образованных в своем искусстве, польза и самая необходимость театра, в случае отобрания оных, могущего затрудниться в отыскании и долженствующего за великое жалованье собирать таковое количество нужных для него людей, коими паче актрис, никогда со стороны не поступающих, требуют непременно покупки оных. Всемилостивейший государь! По долгу звания моего, с одной стороны, наблюдая выгоды казны и предотвращая немалые убытки театра, от приема за несравненно большее жалованье произойти имеющие, а с другой стороны, убеждаясь человеколюбием и просьбою всей труппы, обещающей всеми силами жертвовать в пользу службы, осмеливаюсь всеподданнейше представить милосердию Вашего Императорского Величества жребий столь немалого числа нужных для театра людей, которым со свободою от руки монаршей даруется новая жизнь и способы усовершенствовать свои таланты, и испрашивать как соизволения на покупку оных, так и отпуска означенного количества денег, которого ежели не благоволено будет принять на счет казны, то хотя на счет Московского театра, с вычетом из суммы, ежегодно на оный отпускаемой».

Бумага эта была подана государю 25 сентября 1806 года; император нашел, что цена весьма велика, и повелел г. директору театров склонить продавца на более умеренную цену. Столыпин уступил десять тысяч, и актеры, по высочайшему повелению, были куплены за 32 000 рублей.

Из этих артистов в свое время пользовались успехом следующие актеры: И. П. Кураев – очень талантливый комик; А. И. Касаткин – певец и актер того же амплуа; Я. Я. Соколов – певец-тенор, замечателен был в опере «Иосиф» и в «Водовозе»; Лисицын – комик невысокого комизма особенно хороший в ролях дураков и шутов; Кавалеров – в роли слуг; из актрис: Баранчеева, хорошая в ролях благородных матерей и больных барынь; Караневич, которая, по словам С. П. Жихарева, роли молодых любовниц превращала в старых; упоминавшаяся уже выше г-жа Насова, водевильная актриса с превосходным голосом, чистая натура; Бутенброк, недурная певица, и сестра ее Лисицына, на роли старух – обе были очень талантливые актрисы; последняя выдвинулась случайно. Во время представления «Русалки» игравшая роль Ратины Померанцева внезапно была поражена ударом на сцене. Кто-то сказал, что молодая Лисицына, еще неопытная актриса, может заменить ее; актер Сандунов убедил ее согласиться сыграть за нее и сам разрисовал дебютантке лицо сухими красками так, что она долго плакала от боли, и когда надела костюм, то ее сестра и другие товарищи приняли ее за Померанцеву и с участием стали расспрашивать о здоровье. Лисицына мастерски провела свою роль и с тех пор стала любимицей публики.

Существует предание, что крепостных актеров публика не особенно любила и не так усердно посещала Петровский театр, где играли они.

Рассказывают, что вскоре после покупки труппы император Александр I смотрел игру актеров и она ему не понравилась. Государь заметил заведовавшему театром Нарышкину:

– Твои артисты совсем испортились.

– Когда же, не может быть, ваше величество, – отвечал остряк Нарышкин, – как им испортиться, когда они играют на льду.

В то время под театром помещались погреба с винами.

Впоследствии, когда был выстроен Большой театр в Москве, граф Ростопчин говорил, что это хорошо, но недостаточно; нужно купить еще 2000 душ, приписать их к театру и завести между ними род подушной повинности, так чтобы по очереди высылать по вечерам народ в театральную залу: на одну публику надеяться нельзя.

По постройке Большого театра главнокомандующим в столице был генерал-фельдмаршал граф И. В. Гудович. Русские артисты нашли в нем самого ревностного покровителя – им были увеличены оклады и даны многие льготы; граф сам имел своих актеров, и особенно хорош был его оркестр музыкантов.

При Гудовиче на театре вошло в обыкновение со сцены после первой игранной пьесы извещать публику о следующем спектакле.

Этот обычай был принят в старину, когда еще не печаталось афиш. Обыкновенно выходили с анонсом первые актеры с тремя поклонами и говорили:

«Почтеннейшая публика! В следующий (такой-то день) императорскими российскими актерами представлено будет...», а если возвещался бенефис, то объявление оканчивалось: «Такой-то артист ласкает себя надеждою, что почтеннейшая публика удостоит его своим посещением».

В Петербурге в это же время, в управление театрами князя П. И. Тюфякина, было введено, что артист, возвещавший о спектакле, был одет не иначе, как в башмаки и с треугольной шляпой. Рассказывают, что, когда началась война 1812 года и французский актер Дюрень явился на сцену с обычным анонсом, сказав: «Господа, завтра мы будем иметь честь дать вам» и пр., увидел, что в зале всего сидит один зритель, и то, кажется, должностное лицо, а потому тотчас же переменял начало речи и сказал: «Месье, завтра мы будем иметь честь...» – закрыть спектакли, распустить труппу и т. д.

В Москве играли по 31 августа, но с первых чисел июня, т. е. со времени объявления войны, у подъездов театра виднелись две кареты, не более – дворянство уже не посещало театра, ходили только одни купцы.

При графе Гудовиче в театре было отменено интересное для артистов «метание кошельков» на сцену. Про этого главнокомандующего Москвы ходило много анекдотов. Гудович был нрава горячего, правил строгих, любил правду и очень преследовал порочных; видом он был угрюм и неприступен; но в кругу друзей и домашних ласков и приветлив.

По словам князя Вяземского, он крепко стоял за свое звание. Во время генерал-губернаторства его в Москве приезжает к нему иностранный путешественник; граф спрашивает его, где он остановился. – «У моста Маршалов». – «Кузнецов, вы хотите сказать, – перебивает граф довольно гневно, – в России только один маршал – это я». – «Гудович говаривал, что с получением полковничьего чина он перестал метать банк сослуживцам своим». – «Неприлично, – продолжал он, – старшему подвергать себя требованию какого-нибудь молокососа-прапорщика, который, понтируя против вас, почти повелительно вскрикивает “атанде”».

В Москве он был настойчивый гонитель очков и троечной езды и принимал самые строгие меры благочиния против злоупотребления очков и третьей лошади. Никто не смел являться

к нему в очках; даже в посторонних домах случалось ему, завидя очконосца, посылать к нему слугу с наказом: нечего вам здесь так пристально разглядывать, можете снять с себя очки.

Приезжавшие в город из подмосковных в телегах и в колясках должны были, под опасением попасть в полицию, выпрягать у заставы одну лошадь и привязывать ее сзади.

Заменивший его граф Ростопчин не гнал очки, и, хотя и говорил в одной из своих афиш, что он «смотрит в оба», это, однако, не помешало ему просмотреть Москву, хотя и по обстоятельствам, от него не зависевшим.

В описываемую нами эпоху в числе барских театров славился в Москве Дурасовский. У этого так называемого тогда «евангельского» богача в его имении Люблине было все, включительно до пансиона для дворянских детей с учителем-французом, неизвестно для какого каприза заведенного.

По словам мисс Вильмот³⁵, когда она раз посетила театр этого барина, на сцене и в оркестре его появлялось около сотни крепостных людей, но хозяин рассыпался насчет бедности постановки, которую он приписывал рабочей поре и жатве, отвлекшей почти весь его наличный персонал, за исключением той горсти людей, которую успел собрать для представления.

Самый театр и декорации были очень нарядны и исполнение актеров весьма порядочное. В антрактах разносили подносы с фруктами, пирожками, лимонадом, чаем, ликерами и мороженым. Во время представления ароматические курения сжигались в продолжение всего вечера.

О другом таком же барском театре князя Хованского, анекдот из жизни которого мы привели выше, нам известно, что на нем ставились целые оперы с балетами.

Князь Хованский сам был известен как симпатичный поэт; его песенка в свое время обошла всю Россию и, кажется, посейчас живет в памяти деревенских девушек и горничных. Кто из нас не слышал милую песенку про «незабудочку»:

*Я вечер в лугах гуляла,
Грусть хотела разогнать,
И цветочков там искала,
Чтобы к милому послать... и т. д.*

Спектакли у князя ставились с большим умением и разборчивым вкусом. Смерть князя Хованского оплакивал Карамзин в стихах («Друзья, Хованского не стало»), У князя Хованского жил известный шут, или дурак, Иван Савельич, которого знала вся Москва. Этот Савельич на самом деле был преумный и иногда так умно шутил, что не всякому остроумному человеку удалось бы придумать подчас такие смешные и забавные шутки. Хованские очень любили и баловали его – для него была устроена особая одноколка и дана в его распоряжение лошадь; он в этом экипаже ездил на гулянья, которые бывали на Масленице и Святой. В летнее время он появлялся на гулянье под Новинским в своей одноколке: лошадь вся в бантах, в шорах, с перьями, а сам Савельич, во французском кафтане, в чулках и башмаках, напудренный, с пучком и с кошельком и в розовом венке, сидит в своем экипаже, разъезжает между рядами карет и во все горло поет: «Выйду ль я на реченьку» или «По улице мостовой шла девица за водой». Выезды Савельича очень забавляли и тешили тогдашнее общество. После Хованских Савельич в Москве жил в доме Е. С. Ивашкиной (урожденной Власовой, по первому мужу – Шереметева), супруги обер-полицеймейстера в первой четверти XIX столетия. Савельич в 1836 году был еще жив; под конец своей жизни он сделался комиссионером и нажил состояние. Однажды, обязавшись чихнуть на каждой из двадцати ступеней, он добросовестно вычихал себе дом у одного богатого причудливого московского вельможи.

В числе барских театров в Москве в конце царствования Екатерины II был очень недурной у графа П. С. Потемкина, внучатного брата знаменитого князя Таврического.

Смерть владельца театра³⁶ от отравы в свое время произвела в Москве немало толков.

Бантыш-Каменский говорит, что кончину графа тогда приписывали посещению, будто бы сделанному ему страшным Шешковским³⁷ и вызванному внезапным желанием исследовать дело о поступке его в 1786 году в Кизляре с персиянами.

Дело это помрачает имя П. С. Потемкина коварным и жестоким поступком. Двое из братьев Али-Мегемет-хана, хищника персидского престола, бежали от его преследований; первый успел укрыться в Астрахань, а второй приближался морем к Кизлярскому берегу. Потемкин отказался принять его под предлогом, что Россия в мире с Персией.

Но изгнанник, преследуемый по пятам неприятельскими кораблями, решился с отчаяния войти в Кизлярский порт. Комендант Кизляра послал ему навстречу лодки, наполненные солдатами, которых беглецы радостно приветствовали. Но только что солдаты взошли на корабль, как бросились на персиян, перерезали, передушили и перетопили их всех и разграбили несметные сокровища, увезенные на этом корабле принцем, который сам погиб в волнах.

Дело это почти десять лет оставалось безгласным, несмотря на общую его известность, но наконец нашли нужным поднять его, ввиду того, что Россия, воюя с Персией, приняла на себя защиту прав принцева брата Сали-хана, спасшегося в Астрахани и жившего в России забытым, пока он не сделался нужен, как предлог для войны с Персией.

Над Потемкиным было наряжено следствие – вся Москва заговорила об этом скандале; Потемкин сделался очень болен. Жена его, красавица Прасковья Андреевна (урожденная Закревская, род. в 1763 г., ум. в 1816 г.), растрепанная, простоволосая, с воплем и слезами приходила к Иверской поднимать образ Богородицы и несла его к себе в дом молебствовать по улицам Москвы. Жена Потемкина славилась своей красотой и пользовалась восторженной любовью князя Таврического.

Когда в 1789 году при главной квартире его, рядом с военным штабом образовался, к удивлению России, другой – женский, то в числе лиц последнего, как говорит П. П. Бекетов³⁸, Прасковья Потемкина занимала первое место.

Современники сохранили для потомства имена этих патриоток, облегчавших воинские труды светлейшего. Это были: П. А. Потемкина, гр. Самойлова, кн. Долгорукая, гр. Головина, кн. Гагарина, жена польского генерала де Витта. Энгельгардт в своих «Воспоминаниях» говорит, что жене Потемкина «его светлость оказывал великое внимание». Это внимание доходило у него до боготворения. Вот как выражал Потемкин страсть «к сударушке своей Парашеньке»: «Утеха моя, сокровище бесценное, ты дар Божий для меня, – писал он ей. – Целую от души ручки и ножки твои прекрасные, моя радость... Дурочка моя умненькая, je vous porte dans mon coeur...»

Жизнь ты моя, тобою моя жизнь приятна, бесценная, ангел, которым сердце мое наполнено... Я, видя тебя благополучною, буду счастлив и в архиерействе подам мое благословение; облачась пребогато, скажу к тебе: да победиши враги твоя красотой твоею и добротой твоею. Знаешь ли ты, прекрасная голубушка, что ты кирасиром у меня в полку! Куда как шапка к тебе пристала, и я прав, что к тебе все пристанет. Прости... целую ручки ангельские» («Рус. Стар.». Т. XIII, 1875 г.).

Возвращаясь к другому Потемкину, мы видим, что он, обвиняемый в грабеже и убийстве, впоследствии издал стихотворение: «Глас невинности». На это стихотворение явился колкий и ядовитый ответ – «Возражение на “Глас невинности”». Подобных возражений было еще три: одно из этих сатирических посланий приписывали Державину, последнее, по выражению Болотова, «летало всюду в Москве и читано было многими».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.